

**Алексей
Шкваров**
Великая
Северная война

Великая Северная война 1700–1721 годов стала переломным эпизодом в почти семисотлетнем противостоянии русских и шведов. Итогом ее стало превращение Швеции во второстепенную державу и возникновение Российской империи со столицей Санкт-Петербургом. В книге Алексея Шкварова, написанной по следам изысканий в шведских архивах и с опорой на новейшие исследования скандинавских и российских историков, рассказывается не только о баталиях, тактике, стратегии, организации армий, но и о том, что предшествовало и сопутствовало военным действиям, вскрываются мотивы поступков Петра I, Карла XII, Августа II и других правителей. Впервые столь подробно описываются столкновения в Финляндии и русские десанты на шведскую территорию. А еще эта книга — настоящее пиршество точных цифр, а значит, неоценимый источник для тех, кто глубоко интересуется военной историей.

Алексей Шкваров — кандидат исторических наук, доктор философии (университет Хельсинки)

ISBN 978-5-91678-271-4



9 785916 782714

История / география / этнография

Великая Северная война

Алексей Шкваров

Великая Северная война



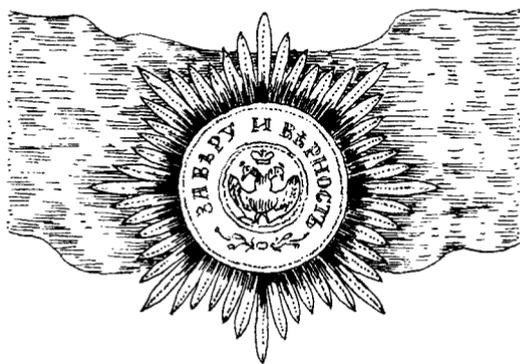
Алексей Шкваров





Алексей Шкваров

Великая
Северная война



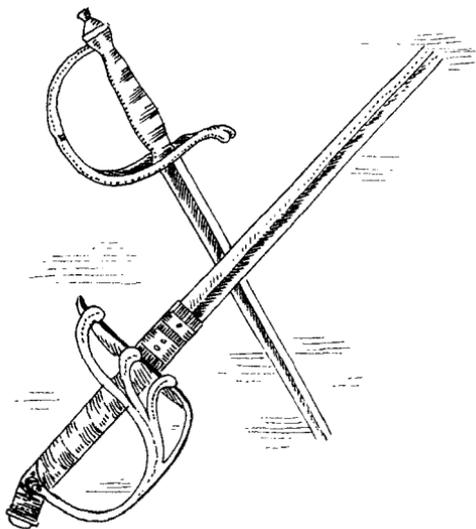
Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(48).052
ББК 63.3(2)46
Ш66

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой





Начиная с 1142 года — первого летописного упоминания военного столкновения между шведами и русскими, до мира 1809 года, то есть за 667 лет, было 146 лет боевых действий. И это не считая пограничных, локальных конфликтов. Война длиной в семьсот лет...

Стремление России разрешить так называемые «балтийский» и «восточный» вопросы вылилось в бесконечные военные конфликты со своими северными и южными соседями. Однако в российской историографии «южное» направление всегда довлело над «северным». Нет, конечно, факты и исторические события никогда не замалчивались, но возникало впечатление, что они составляли весьма незначительную часть нашей истории по сравнению с походами времен «Очакова и покоренья Крыма».

Каждый школьник знает имя князя Александра Ярославича вошедшего в историю

как победитель шведов на Неве в 1240 году и крестоносцев на Чудском озере, а его поход 1256—1257 годов против шведов через всю территорию современной Финляндии до Норвегии и Мурмана остался в тени, освещенный лишь «Историей...» Карамзина.

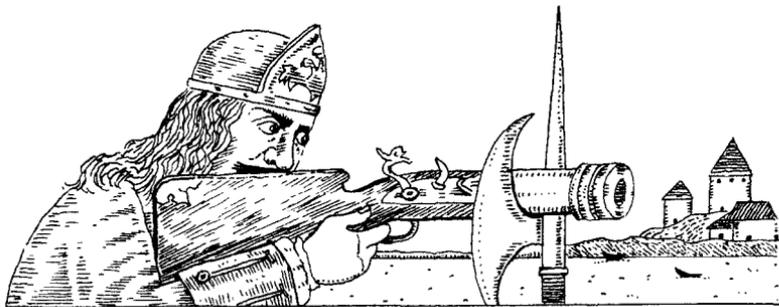
Конечно, Северная война за выход к Балтийскому морю известна каждому. Поражение русских войск под Нарвой, взятие Шлиссельбурга — Нотебурга, основание новой столицы России — Петербурга, Лесная, Калиш, Гангут, Гренгам и, конечно, Полтавская виктория. Это основные вехи очередной войны между северными соседями. Но все остальное, весь северный или западный театры военных действий всегда оставались как бы за кадром, в стороне от пытливого взора историков, ввиду «незначительности» событий и малом количестве принимавших в них участие войск. В непролазных чащобах Финляндии, Карелии, Поморья, в непроходимых топях болот, на гранитных утесах и во льдах восные действия проходили тягуче, без громких победных реляций, удачных маневров.

Освещая нашу историю, даже в вопросах военных столкновений с северным соседом, историки, как правило, уделяли очень много внимания внутренним событиям, происходившим в России, и лишь мельком упоминали о том, что творилось в Швеции. А ведь она так же, как и Россия, пережила не одно «смутное время», и ее история хранит драматические сюжеты, достойные пера Шекспира.

Советская историография, выполняя свои функции политической пропаганды, восхваляла военное искусство России всех времен, однако автор вынужден констатировать, что с завершением «княжеского» периода нашей истории до побед Петра Великого русская армия, за редким исключением, практически всегда была бита в чистом поле, ибо ни ее организация, ни тактические приемы не соответствовали европейским, как сейчас говорят, стандартам. Все это время преобладало предубеждение, что «немецкая мудрость» не нужна — «не она, а старинные обычаи вместе с молитвами приносят православному воинству победу над иноверцами». Только много ли было этих побед?

Сравнивая ход военных реформ, проводившихся в Швеции и России, можно с уверенностью утверждать, что в нашем Отечестве преобразования долгое время шли намного медленнее — как в тактическом, так и техническом отношениях.

Эта книга написана с опорой на новейшие исследования российских, шведских и финских историков. Она рассказывает о том, как складывались непростые отношения двух соседних государств, что происходило в Швеции и в России до того, как обнажались мечи или заряжались пушки, как протекали военные реформы, как воевали — тайно и явно, как менялись тактика и стратегия противоборствующих сторон, как проходили мирные переговоры. Как, наконец, Петр Великий создал армию нового типа — ту армию, которая превзошла шведскую, бывшую лучшей в Европе.



Глава 1

Предпосылки войны

В последней четверти XVII века Россия и Швеция занимали далеко не равнозначные позиции в мировом политическом раскладе. Скандинавское государство находилось на пике своего могущества, подкрепленного как военным, так и экономическим превосходством не только над своим соседом, но и другими странами Северной и Восточной Европы — прежде всего Польшей и Саксонией, объединенных под властью одного монарха — Августа, и Данией.

В этом была безусловная заслуга короля Карла XI. Он навел порядок в стране, создал идеальный бюджет, провел очередную церковную реформу¹, заставив клир больше работать на государство, прекратил «охоту на ведьм», реорганизовал армию, оздоровил и развил экономику, ограничил власть аристократии, предоставил возможность участия в парламенте крестьянам, духовенству и купечеству. Король скончался в сорок два года от рака желудка.

Все повторилось, кронпринц Карл стал, так же как и отец, предметом опеки. Состав опекунского совета был определен завещанием Карла XI — королева-бабушка Хедвига Элеонора, президент канцелярии Бенгт Оксеншерна, гофмейстер

Нильс Юлленстольпе и королевские советники — Кристофер Юлленшерна, Фабиан Вреде и Ларс Валленстедт.

Однако, определяя состав опекунского совета, Карл XI то ли забыл, то ли сознательно не уточнил возраст, в котором сына надлежало считать созревшим для трона. Поэтому этот вопрос трактовали по-разному: кто говорил, что совершеннолетним молодого короля можно считать к восемнадцати годам, а кто — и к двадцати пяти.

Опекунский совет управлял страной вяло, памятуя о печальном опыте своих предшественников, которых разогнал отец нынешнего Карла. Ненавязчиво, но настойчиво королева-бабушка Хедвига Элеонора продвигала вперед голштинскую партию при дворе, и скоро Голштиния, крошечное герцогство, станет играть весьма важную роль в шведской внешней политике.

Нерешительность опекунского совета привела к тому, что пятнадцатилетний юноша был коронован сразу после похорон своего отца. Специально собранный по этому поводу парламент-риксдаг по инициативе дворянства, весьма надеявшегося на смягчение закона о редукации², большинством голосов (духовенство оказалось в меньшинстве) отрядил к юному королю депутацию, просившую Карла возложить на себя бремя правления. Таким образом, пятнадцатилетний юноша был объявлен совершеннолетним, а заодно и правящим королем Швеции. Коронации как таковой не было, ибо Карл заранее надел корону на себя, состоялось лишь помазание. Король тем самым подчеркивал, что власть он получил не от верховного представителя церкви, а непосредственно от Бога. Саму церемонию перенесли в Стокгольм, хотя до этого все короновались в Упсале. Присягать своему народу Карл отказался, поскольку считал, что он был рожден для этого — править единовластно и неограниченно³.

Он так и правил. С 1697 по 1700 год под его председательством было проведено 157 сессий Госсовета, посвященных обсуждению внешне- и внутривластных вопросов, а также судебных дел⁴. Король охотно принимал участие во всех государственных делах, но любимым его увлечением была армия, созданная его отцом, — отлично выученная и применявшая самые передовые методы ведения боевых действий.

Дух армии, а также религиозный настрой поддерживался капелланами, бдительно и ревностно следившими за своими солдатами. Пасторы внушали фатальное восприятие войны. В атаку солдаты должны были идти с высоко поднятой головой и думать, что без воли Бога ни одна пуля не заденет никого из них.

Для поддержания убеждения в непобедимости шведской армии капелланы прибегали к странным толкованиям Священного Писания. К примеру, один из них доказывал, что шведы — это скандинавские израильтяне, так как если прочесть наоборот древнее название главного противника избранных Богом евреев Ассирии — Ассур, то получается «Русса», то есть враг Швеции по определению Божьему⁵. Первые евреи проникли на территорию государства лишь вслед за Карлом XII, после его возвращения из Турции, чтобы получить долги! До этого времени людей, исповедующих иудаизм, в Швеции не было⁶. Тем не менее солдаты всему этому верили...

Отец создал армию, но испытать ее в боевых действиях ему не пришлось. Это сделал за него сын. Армия будто была выращена для рано проснувшегося полководческого таланта Карла XII, а он был создан для нее.

И в России, и в Швеции противоборство возглавили правители, явившие собой ярко выраженные индивидуальности. Поэтому все, что связано с Великой Северной войной, неразрывно связано и с именами Петра и Карла. Они и их армии — главные действующие лица описываемой эпохи.

Сложилось мнение, будто бы к концу XVII века Московское государство как общественный, государственный, культурный, политический и военный организм совершенно изжило себя, и лишь воцарение Петра I вдохнуло в страну новую жизнь. О Петре I речь особая, что же касается Московской Руси, то реформы, начатые при Алексее Михайловиче, убедительно это мнение опровергают.

Именно при Алексее Михайловиче присоединяются к России малороссийские земли. Именно он ведет из-за них с Польшей — давним и непримиримым врагом Руси — необыкновенно трудную войну и победоносно оканчивает ее.

Именно он, получив в наследство страну бедную, еще слабую силами и средствами после Смуты, но стоящую перед лицом множества государственных и общественных задач, начинает неторопливые и продуманные реформы, охватившие юридическую и экономическую, военную и религиозную области.

На его же царствование приходится и множество потрясений — «медный» и «соляной» бунты, Раскол, восстания в Новгороде и Пскове и, наконец, кровопролитнейшая казацко-крестьянская война Степана Разина.

Военное дело при Алексее Михайловиче в главных чертах сохранило характер, какой имело в период предыдущего царствования; начатые при Михаиле Федоровиче реформы (войска иноземного строя) получили дальнейшее развитие. Передовые политики и военные того времени говорили о том, что сила государства зависит «от строев военных», которые требуют применения и улучшения в России, что военное искусство зависит не от одной лишь «природы», но и от развития и образования. В 1647 году в Москве был опубликован устав для солдатских полков «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей», по сути, представлявший собой курс по тактике с включением в него уставной части. Он должен был способствовать распространению в русской армии современных европейских взглядов и созданию «полков нового строя». Осудив старое, мирясь с ним по нужде, не будучи в состоянии создать необходимое новое, но сознавая, что это новое нужно, правительство Алексея Михайловича готовило почву для того, чтобы новации в области военного дела утвердились без потрясений. С этой точки зрения царствование отца Петра I является в истории военного искусства одним из звеньев переходной эпохи, связывающей XVI и XVIII века.

Смерть Алексея Михайловича и недолгое царствование его старшего сына Федора Алексеевича вновь привели Россию к внутренней нестабильности, связанной с борьбой за власть в стране.

Размышляя над причинами и обстоятельствами явления Петра в России, неизбежно возвращаешься к событию, которое омрачило его детские годы. Речь идет о мятеже стрельцов в мае 1682 года. На заседании Боярской думы царем был из-



бран не следующий по старшинству сын Алексея Михайловича шестнадцатилетний Иван, а младший — десятилетний Петр. Этот выбор был обусловлен как интригами Нарышкиных — семьи царицы Натальи, так и тем обстоятельством, что царевич Иван, несший на себе черты вырождения, вряд ли мог править государством.

Против этого выбора восстала царевна Софья — старшая сестра Ивана, она возглавила обиженный род Милославских и спровоцировала стрелецкий бунт. После мятежа Софья стала правительницей, а Иван с Петром царями-соправителями⁷.

Мы не будем останавливаться на всех подробностях периода правления царевны Софьи, а точнее, ее фаворита князя Голицына; отметим лишь, что уединение Петра в Преображенском и заложило в нем знаменитую импульсивность характера. Петр не получил традиционного православного воспитания и образования, а вместе с ними не усвоил совокупной системы ценностей, присущих традиционной русской культуре, основанной на православии и гордом сознании исключительности православного духа и образа жизни.

Поначалу Петр не выглядит радикальным реформатором. Он действует в соответствии со сложившимся еще в «нарышкинский» период царствования Алексей Михайловича порядком вещей — европейские инновации есть привилегия элиты, правящей верхушки, а в публичной сфере господствуют традиционные порядки. То есть иноземное как бы сочетается с царством, а национальное — со священством, при этом церковная власть делается защитницей национальных традиций, придавая им религиозную значимость.

Но когда Петр отходит от нарышкинского клана, опека которого не устраивала амбициозного царя, его приверженность к иноземному быстро выплескивается наружу. Прежде всего это заметно в устройстве Всешутейшего и всепьянейшего собора, имевшего характер не просто пьяного развлечения, но и кошунственной церемонии, призванной дискредитировать церковную традицию вообще и патриаршество в целом. Первым шутовским «патриархом» был боярин Матвей Филимонович Нарышкин, которого князь Борис Куракин называл «дураком и пьяницей»⁸. После смерти Нарыш-

кина в 1691 году «патриархом» был поставлен Никита Зотов. В январе 1695 года царь устраивает шутовскую свадьбу Якова Тургенева, когда «в поездку были бояре и окольниковые, и думные, и всех чинов податные люди, а ехали они на быках, на козлах, на свиньях, на собаках»⁹.

Еще более демонстративными и публичными были триумфальные празднества по случаю взятия Азова в 1696 году, хотя и предшествовавший им торжественный въезд войск после неудачного первого похода 1695 года уже не был похож на то, как возвращались войска в допетровские времена: на въезд Ивана Грозного в Москву в 1552 году после взятия Казани, возвращение царя Алексея Михайловича в 1654 году после Смоленского похода и т. д. Церемония триумфального въезда 1696 года и сами триумфальные ворота, выстроенные по этому случаю, представляли собой западноевропейскую барочную модель с использованием римских атрибутов и мифологических персонажей. Чужеземные забавы превращались в демонстрацию нового образа жизни, но воспринимались большинством как поклонение языческим идолам. Апелляция к победам императора Константина над римским Максентием, изображенная на шпалерах, должна была внушать мысль о царском единоначалии как над светской, так и духовной жизнью подданных. Именно он, император, а не патриарх, должен стоять во главе христианского народа. Намек был более чем понятен.

В начале своего правления патриарх Адриан очень осторожничал в отношениях с Петром и ограничился тем, что публично осудил «иностранные обычаи» и в первую очередь бладобритие как «блуднический эллинский обычай», но при этом стараясь не задеть никого из важных представителей боярских родов. Адриан предаёт «бладобритьцев» анафеме и вопрошает у заблудших, где они полагают оказаться на Страшном Суде — «с праведными, украшенными брадой, или с еретиками-бладобритьцами»¹⁰.

Петровские триумфы с римскими языческими идолами остались без ответной реакции патриарха, однако, как только царь отправился в свой длительный заграничный вояж, Адриан отлучил от церкви торгового человека гостиной сотни Мартына Орленка, который заключил с правительством



поряд на откуп торговли табаком. Вместе с Орленком анафеме предали и все его семейство вместе с потомством, а на его доходы от продажи табака было наложено вечное проклятье¹¹. Курение табака было одним из нечестивых иноземных обычаев, так что анафема прежде всего осуждала европеизированное окружение царя и самого Петра. Но учитывая, что выпад был сделан против человека низкого происхождения, тут ясно проглядывает слабость позиций церкви, хотя и подтверждается сам факт противостояния.

Возвращение Петра из долгого заграничного турне ознаменовалось резким разрывом со старинными, читай — православными, традициями и обычаями и насильственным навязыванием европейской модели поведения и устройства общества. Что именно подвигло молодого царя к столь решительным действиям, однозначно сказать сложно. Толчком могло послужить очередное стрелецкое восстание как самое яркое проявление будущего противодействия тем реформам, необходимость которых созрела в понимании Петра и вытекала из его собственного заграничного опыта.

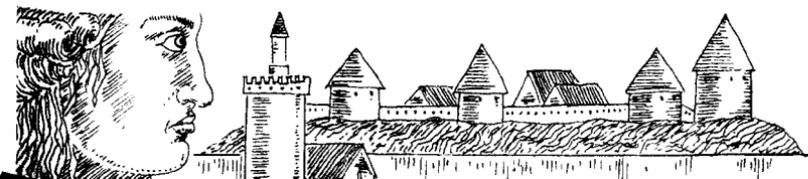
Но начало было символичным: 26 августа 1698 года, на второй день после возвращения, Петр собственноручно обрезает бороды у бояр, начиная с Шеина и Ромодановского, и издает распоряжение о запрете носить бороды всем служивым людям. Теперь каждый день человек, лишившийся бороды, будет помнить о том, что он служит новой власти, и размышлять о словах патриарха и дне Страшного Суда. Осенью того же года начались массовые казни мятежных стрельцов. Петр не только лично участвовал в казнях, но и вовлек в них все свое окружение, за исключением иностранцев, чтобы через убийство, через кровь, через нарушение заповедей приобщить его таким образом к новому порядку.

Патриарх Адриан, чьи выпады против брадобрития теперь были публично проигнорированы, решил воспользоваться старинным обычаем *parthessia*¹², который к тому времени уже более тысячи лет, начиная с Феодосия Великого, служил для нахождения компромисса между царским гневом и христианским милосердием. Взяв икону Божией Матери, Адриан отправился в Преображенское, где продолжались пытки стрельцов, в надежде умиловить разгневанного царя. Од-

нако Петр никакой склонности к христианскому милосердию не испытывал и прогнал патриарха со словами: «К чему эта икона? Разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорее и поставь икону на место! Быть может, я побольше твоего почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казнь злодеев, против него умышляющих»¹³.

Подобное отношение к первосвященнику четко определило представления царя о том, какую роль должна была играть церковь в перестраиваемой России. Его более не интересуют никакие традиции, он предрасположен их нарушать. В Вербное воскресенье Петр отменяет обряд шествия на осляти, который символизировал смирение царства перед лицом священства. Смирения больше не было. Царь начинает раздавать архиерейские места украинцам в пику московскому священству. Первым, еще при жизни патриарха Адриана, в апреле 1700 года был поставлен митрополитом Рязанским Стефан Яворский. Причем это было сделано с явным нарушением канонического порядка, когда предшественник — митрополит Авраамий был уволен на покой «за старостию» без прошения с его стороны. Яворский не хотел занимать рязанский престол при живом архиерее, «духовное прелюбодеяние» было одним из мотивов его первоначального отказа от хиротонии, но он вынужден был подчиниться Петру. Для великорусского духовенства все это выглядело как изгнание благочестивого святителя ради подозрительного малороссийского игумена¹⁴. Помимо вынужденного согласия на это поставление патриарх должен был еще и извиниться перед царем за то, что не отправил в монастырь царицу Евдокию до возвращения Петра из заграничного турне, и уплатить значительную сумму денег для смягчения царского гнева¹⁵.

Детство Петра в Преображенском было сплошной игрой, причем игрой серьезной, военной, и эта игра все усложнялась, обогащая практические знания и опыт будущего реформатора. Вокруг Петра складывался круг друзей, которых потом и называли «птенцами гнезда Петрова»; именно они стали его сподвижниками на разных поприщах.



На формирование личности юного царя оказали влияние несколько событий. Во-первых — о чем уже было сказано, — это страшный и бессмысленный стрелецкий бунт 1682 года, когда на его глазах озверевшая толпа сбрасывала близких ему людей с высокого кремлевского крыльца на копья. Этот бунт, ставший для Петра символом ненавистной ему «старины», которую он будет яростно выкорчевывать до конца своей жизни, да и последовавший за ним, уже в его отсутствие, заставит царя задуматься о новой столице. О Москве он уже не будет отзываться иначе как о болоте боярском, гнезде смутьянском, провонявшем азиатчиной.

Во-вторых, это две его поездки в Архангельск на Белое море в 1693 и 1694 годах; здесь он увидел впервые море, настоящие корабли, сам совершил первое плавание, испытал силу волн и штормового ветра. Здесь родилась его мечта о флоте, о выходе России на морские просторы.

В-третьих, это два похода против турок. Первый неудачный, когда сказались и отсутствие опыта управления большой армией, и отсутствие флота, второй — закончившийся взятием Азова после тяжелейшей осады, отнюдь не напоминавшей учения с двумя ротами потешных в Преображенском. Два этих похода стали генеральной репетицией всех тех событий, что развернутся чуть позже и в более грандиозных масштабах на Балтике.

И последнее, это длительная поездка в Европу — поездка за новой Россией¹⁶. Петр вывез на родину не только приборы, экспонаты, специалистов, знания, впечатления и трудовые мозоли, он вывез идею о реформах, о переносе европейских институтов на русскую почву, о полном изменении «старых» порядков и обычаев. Без мощной армии и флота, без выхода к морям об этом говорить было бессмысленно. Но на пути стояла Швеция — извечный враг, на которого уже несколько столетий натыкалась Русь и каждый раз безрезультатно отходила назад. Петр мечтал вернуть «отчин и дедин» — территории, некогда отобранные шведами по условиям Столбовского мира.

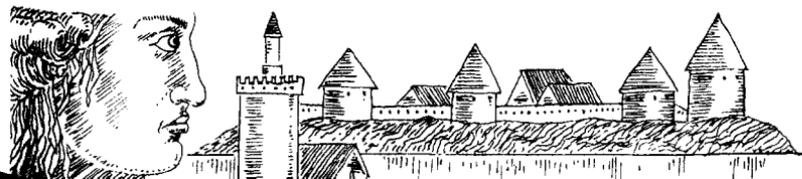
Среди лиц, присутствовавших на коронации Карла XII, был граф Эрик Дальберг, опытный фортификатор, а ныне ге-

нерал-губернатор Лифляндии. Он поведал молодому королю об инциденте, происшедшем в Риге, когда через город проезжал русское посольство, в составе которого инкогнито находился сам царь Петр. Царь не только внимательно осматривал все укрепления города, но даже пытался их измерить. В результате часовые вынуждены были в довольно грубой форме и с угрозами прогнать Петра. Впоследствии этот эпизод — несомненное, по понятиям времени, оскорбление царского величества — Петр использовал как одну из причин объявления войны Швеции.

Дальберг пытался донести до короля свои опасения относительно возрастающей активности на границах как русских, так и поляков. Но Карла XII это особо не встревожило. В избрании на польский трон саксонского курфюрста Августа II в Швеции видели хороший знак, ведь через свою мать-датчанку, сестру матери Карла, саксонец приходился молодому королю кузеном. Все считали, что между Польшей и Швецией теперь будут вечный мир и согласие. Участие русских денег в выдвигании Августа оставлялось без внимания.

С русскими Карлу ссориться не хотелось. В Европе назревала новая большая война. В Мадриде умирал последний из испанских Габсбургов — Карл II, и наследников у него не было. Вся Европа замерла в ожидании. Французский король Людовик XIV прочил на испанский престол своего внука — Филиппа Анжуйского. Император Священной Римской империи Леопольд I Габсбург — своего сына эрцгерцога Карла. Франция, Австрия, Англия, Пруссия, Португалия, Савойя, Мантуя, Кельн и Бавария собирались драться за испанское наследство. И в Европе, и в Америке. Как тут было не ввязаться молодому задиристому шведскому королю? Ведь именно так поступил великий Густав II Адольф, вступив в Тридцатилетнюю войну; несмотря на собственную гибель, он принес великую славу своей Швеции, а помимо славы и значительные территориальные приобретения. В общем, пока Карлу XII было не до русских.

При вступлении на престол требовалось подтвердить Кардисский мир 1661 года, который завершил Русско-шведскую войну 1656—1661 годов. В Москву отправилось огромное посольство в 150 человек во главе с гофканцлером Бергенхель-



мом. Еще при Карле XI шведы подарили русскому царю 300 пушек, отлитых знаменитым шведским мастером Эренкрейцем. Ныне заказано было столько же, и молодой король не препятствовал этому. Переговоры проходили долго, но в конце концов порешили: «По Кардисскому вечному договору, плюсскому совершению и Московскому постановлению в соседственной дружбе и любви мы с вашим королевским величеством быть изволяем. Петр».

Кардисский мир был царю Петру как нож в сердце, но и ему ссориться со шведами было пока что не с руки. А вот от целования креста как подтверждения мирных намерений Петр отказался. Шведам объяснили это так: «Егда в 1684 году Московским постановлением договоры ветхие (прежние) подтверждались, тогда и крестоцелование было. (То есть уже после вступления Петра на престол! — *А. Ш.*). А второй раз незачем».

Тем не менее антишведский союз понемногу оформлялся. Летом 1698 года, возвращаясь из путешествия по Европе, Петр встретился в южнопольском городке Раве с Августом II и обсудил с ним план совместных действий против шведов. Август действовал из тщеславия, Петр — по необходимости, намереваясь вернуть под свой скипетр старые русские владения и открыть для России Балтийское море.

И здесь возник голштинский вопрос. Шлезвиг-Готторп-Голштиния было родовым именем датских королей в давние времена¹⁷. Однако все чаще датчане воевали с голштинцами, а на стороне последних выступали шведы¹⁸. Женильба Карла XI на датской принцессе, сестре короля Кристиана V, вселила было надежды, но шведский правитель заявил сразу своей жене, что он женился на ней не для того, чтобы выслушивать «...советы по государственным вопросам, а для того, чтобы рожать детей». Да и свекровь, королева-бабушка, не забывала интересы родной Голштинии. Женильба голштинского герцога Фредерика IV на сестре Карла XII только обострила ситуацию.

При отце нынешнего шведского короля Фредерик IV завел себе собственную армию и принялся возводить крепости. Но как только Карл XI умер, датчане тут же ввели войска и срыли все голштинские укрепления. Затем Карл XII женил

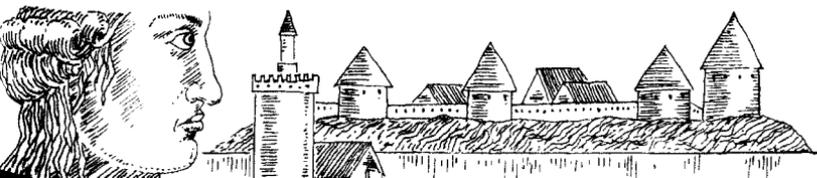
«несчастливого» Фредерика на своей сестре, назначил главнокомандующим всеми шведскими войсками в Северной Германии и послал к нему в помощь генерал-лейтенанта Карла Магнуса Стюарта, отличного фортификатора. Дании после этого ничего не оставалось, как искать союз с теми, кто готов вступить в борьбу со Швецией, а именно с Петром и Августом.

Несколько слов необходимо сказать и еще об одной примечательной фигуре того времени. Недовольные редукцией дворяне, в основном из прибалтийских провинций, бурно выражали свое негодование. Их лидером стал Иоганн Рейнхольд Паткуль, лифляндский барон, приговоренный к смертной казни за свои антишведские выступления еще Карлом XI и бежавший к Августу II. Именно ему предстояло стать связующим звеном между тремя странами.

Все осторожничали. Союз тройственный, но каждый думал о своем. Августу не хотелось пускать русских в Лифляндию, но он не мог ограничить аппетиты своего союзника Петра, а поэтому соглашался на то, что Россия будет иметь право построить порт на Балтике. Петр ставил условием своего вступления в войну окончание турецкой кампании. Больше всего нервничали датчане. Угроза Швеции для них была очевидна. А тут еще скончался король Кристиан V, и на престол вступил его сын Фредерик IV. Все волновались — захочет ли он соблюдать прежние договоренности.

Швеция хранила спокойствие. Только что были заключены союзы с Голландией и Англией, чьи мощные флота гарантировали мир в Балтийском море, ибо шведы побаивались датчан, чей флот превосходил шведский по качествам кораблей и выучке экипажей. Швеция также предоставила в 1698 году за денежную компенсацию шесть тысяч солдат Нидерландам — Карл XII уже готовился к войне за испанское наследство.

16 марта 1700 года в Стокгольм примчался из Риги фельдегерь — капитан Нюландского пехотного полка Иоганн (Юхан) Браск. Он привез сообщение генерал-губернатора Эрика Дальберга о том, что 21 февраля польско-саксонская армия пересекла границу; на следующий день была осаждена Рига.



Датчане, убедившись, что саксонцы приступили к делу, ввели войска в Голштинию и осадили крепость Теннинген. Это взбесило молодого Карла XII, и он произнес свои знаменитые слова: «Милостивые государи, я решил никогда не вести несправедливой войны, а лишь справедливую и заканчивать ее гибелью противника. Я нападу на первого объявившего мне войну, а когда одержу над ним победу, этим, надеюсь, наведу страх на остальных!»

Король тут же нарушил свое обещание и, не обращая внимания на советы генералов, рекомендовавших первый удар нанести по саксонцам как более серьезному противнику, тем более что они-то как раз и начали первыми, указал направление главного удара — на Данию. На помощь Дальбергу к Риге было отправлено несколько пехотных полков под командой Георга Иоганна Майделя.

Мобилизация прошла строго по плану, разработанному еще Карлом XI; полки были готовы к отплытию через две недели. Правда, датский флот блокировал побережье и не давал шведам возможности выйти в море, но вскоре датчане были отогнаны союзной англо-голландской эскадрой. 17 (28) июня, в день своего рождения, Карл XII, поднявшись на борт флагманского корабля «Король Карл», сорвал с себя парик — последнюю деталь, связывающую его с мирным прошлым, и выбросил его в море.

Пока датский король занимался осадой Теннингена, шведы, при поддержке английской и голландской эскадры, окружили Копенгаген и заперли там весь датский флот.

Предложение уничтожить датский флот было отклонено английским адмиралом Руком и его голландским коллегой Ван Аллемонде. Оба имели одинаковые приказы от своих правительств — в драку не лезть, в прямое подчинение шведам не входить и постараться разрешить голштинскую проблему без особого нарушения баланса сил в регионе.

Напуганный столь стремительным развитием событий датский король Фредерик IV тут же поспешил заключить мир с тезкой — Фредериком IV Голштинским, причем на его условиях. Но Карла XII это не устроило, и он хотел продолжить военные действия. Тогда вмешались английский и голландский адмиралы. На их сторону встали и ближайшие со-

ветники Карла. После длительных дискуссий король уступил. Здесь, в Дании, Карл XII первый и последний раз дал себя уговорить на мир.

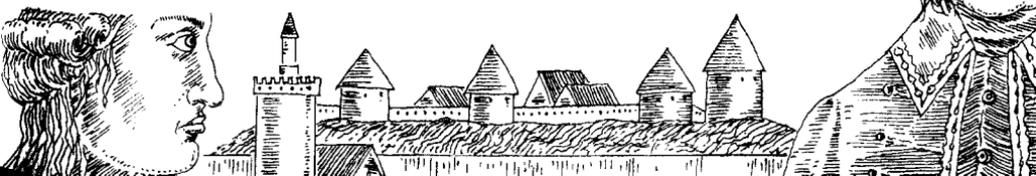
Карл XII вернулся в Швецию, стал готовиться к новой высадке в Лифляндии и столкнулся с проблемой отсутствия денег в казне. Последовали займы, под залог недвижимости крупной аристократии и под таможенные сборы был взят кредит у голландских банкиров¹⁹.

В тот день, когда Карл XII ступил на шведский берег, завершив кампанию с датчанами, Петр I объявил войну Швеции.

Глава 2

Нарвский «конфуз»

Начало Северной войны было абсолютно неудачным для русских. Доставшееся по наследству от боярской Руси войско состояло из четырех старых стрелецких полков и двадцати одного пехотного полка нового строя, из которых лишь будущие гвардейские полки — Преображенский и Семеновский — отличались и подготовкой, и, главное, духом; имелось еще два драгунских полка по 700 человек и 5250 человек поместной дворянской конницы, которая всегда созывалась по царскому указу при объявлении войны, ее проверял воевода, а затем уж «чинил промысел над врагом, как Бог вразумит». Встречаясь с противником, поместная конница бросалась вперед беспорядочной массой, а при неудаче укрывалась за пехоту. Если же исход дела был благоприятный, то конница не заботилась о преследовании врага, а предавалась разграблению захваченного обоза или лагеря. Поэтому до Петра конница на Руси была иррегулярным войском и призывалась лишь в военное время. С другой стороны, два драгунских полка, названные по именам своих командиров — первый Ефима Гулица (впоследствии Московский драгунский) и второй, сперва Шневенца, позднее Боура (Баура) (Киевский драгунский), — являлись как бы образцами кавалерийских полков для будущей русской армии. Общая численность армии до нарвского поражения составляла 33 384 человека²⁰.



В конце августа 1700 года Петр выступил из Москвы со всем своим войском и прибыл к Нарве к 23 сентября. Осада началась по всем правилам западноевропейского военного искусства. Работы возглавил генерал Людвиг Алларт, принятый из саксонской службы. Построили две линии — циркумвалационную и контрвалационную²¹. Флангами уперлись в реку Нарову, на правом фланге разместился Б. Шереметев со всей конницей, с ним дивизия А. Вейде, по центру И. Трубецкой, на левом фланге дивизия А. Головина, преображенцы и семеновцы. Но осадные орудия прибыли к крепости в октябре, поэтому первый выстрел прогремел лишь 18 октября, а массовый обстрел крепости начался еще через два дня.

Узнав о начале осаде Нарвы, Карл XII высадился на побережье Балтики в районе Пернова (Пярну) и стремительным броском с 12 000 войска устремился к русским²². Удар был нанесен с ходу и потому так ошеломил всех. 17 ноября русская поместная конница, которой командовал Шереметев, в панике бросилась через реку Нарову и, потеряв до тысячи человек, скрылась на другом берегу.

Петр с Головиным срочно отъехал в Новгород. Причины его поспешного отъезда до сих пор вызывают подозрения историков в трусости царя. Возможно, это и так, однако всеми своими последующими действиями и личной храбростью Петр смог достойно реабилитироваться в глазах потомков. Тем не менее накануне решительного сражения русская армия была оставлена на попечение герцога де Круа, за два месяца до этого принятого из австрийской службы. Это вызвало недовольство русских генералов из родовитых бояр, прежде всего Якова Долгорукого.

19 ноября 1700 года, в метель, шведские штурмовые колонны начали атаку русских позиций, но с ходу разбив центр русской позиции, они столкнулись с упорным сопротивлением на флангах, где дрались гвардейские полки и дивизия Вейде. В последнюю входил один из новых драгунских полков — Ефима Гулица²³. Можно сказать, что нарвское поражение стало первым боевым крещением русской регулярной конницы.

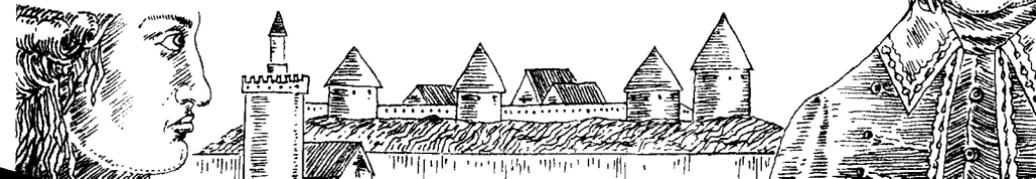
В неудаче русской армии были сразу обвинены офицеры-иностранцы, которых начали убивать на месте. Многим из

них пришлось бежать и сдаваться в плен. Первым капитулировал герцог де Круа, а с ним и командир преобращенцев полковник Блюмберг. Сражение длилось до темноты и прекратилось само собой.

За ночь, посоветовавшись, русские решили капитулировать. Карл понимал, что силы противника не исчерпаны, и разрешил ему отступить с оружием и знаменами, а офицерам — с их багажом. Шведам оставалась артиллерия. Однако во время прохода русских войск выяснилось, что шведы подумывали получить еще и всю казну русской армии, а русские не собирались им ее передавать, так как этот вопрос не был оговорен. Началась новая схватка, где опять русские понесли значительные потери, были частично обезоружены, ограблены, у некоторых полков отобраны знамена.

Под Нарвой в плен были захвачены Я. Ф. Долгорукий, А. М. Головин, А. Вейде, Л. Алларт, И. Ю. Трубецкой, И. И. Бутурлин и многие другие командиры — всего 79 человек. Убитыми русские потеряли около 6000 человек. Здесь зародилось, и прежде всего у самого Карла, презрительное отношение к русским и русской армии, что роковым образом сказалось в 1708 и 1709 годах²⁴.

Прокормить армию на выжженной войной земле не представлялось возможным, ибо провианта, захваченного у русских и того, что можно было получить из деблокированной Нарвы, хватило бы на несколько дней. Многие советники и генералы предлагали королю вернуться в Швецию, обосновывая это тем, что два противника разгромлены — русские и датчане, а саксонцы убралась уже в свои пределы. Но Карл более никого не слушал. Он уже наметил цель — и это был Август II. Историки спорят о том, почему Карл не пошел на Москву, дабы добить царя Петра и продиктовать ему условия мира в русской столице; многие видят в этом главную ошибку шведского короля. Но здесь не было никакой ошибки, а один лишь трезвый расчет. Плотность населения в России была несоизмеримо меньше, нежели в Польше, путь до Москвы пролегал по полупустынным русским просторам, а армию надо было кормить. По предложению графа Пипера, одного из главных советников короля, было решено ограничиться рассылкой подметных писем в надежде вызвать на



Руси новую смуту — недовольных реформами Петра, особенно среди раскольников и стрельцов, хватало.

Кроме того, не стоит забывать о потерях, что понесла шведская армия в сражении под Нарвой. Из 10 537 каролинов погибли 646, было ранено 1265, числились больными 1023. При батальонных знаменах оставалось в строю по 20–30 пикинеров и по 40–50 мушкетеров²⁵.

При этом следует, безусловно, отметить высокую эффективность действий шведов на поле боя. Если рассчитывать по формуле, предложенной шведским военным историком И. Веннерхольмом — $\text{Э} = \text{К} : \text{Ч}$ (где К — потери противника убитыми и ранеными, Ч — численность собственных войск)²⁶, то для шведов она составила 0,57 (6000 : 10537), для русских — 0,057 (1914 : 33384), то есть в десять раз ниже. Проще говоря, каждая сотня каролинских солдат вывела из строя 57 русских, а каждая сотня русских — лишь шестерых шведов.

То же самое можно сказать и о превосходстве боевого духа шведов. В. А. Артамонов определяет этот показатель по формуле: $\text{Д} = \text{К} : \text{П}$, где К — это потери, а П — количество сдавшихся в плен²⁷. После Нарвы боевой дух русской армии составлял 0,66 (6000 : 9040) и был самым низким за всю Северную войну. (Для сравнения: в Бородинском сражении на 45 000 погибших русских солдат была лишь 1000 попавших в плен, то есть $\text{Д} = 45!$ ²⁸)

Карл простоял несколько дней под Нарвой, затем повел войско на юг, в районы, что не подверглись опустошительным рейдам русской конницы, и встал там на зимние квартиры, разместив свой штаб в замке Лаис (Лайузе).

Зима 1700–1701 годов отразилась на шведской армии не самым лучшим образом — ее численный состав убавился из-за недостатка провианта и болезней; кроме того, усилилось недовольство местного дворянства, и так ущемленного законом о редукации, а теперь обремененного солдатским постоем. Правда, убыль солдат несколько компенсировалась начавшими прибывать пополнениями из Швеции.

На востоке против русских Карл XII оставил заслоны: в Карелии и Ингерманландии генерала Кронгиорта с 6000 человек; на южной границе Лифляндии полковника Шлип-

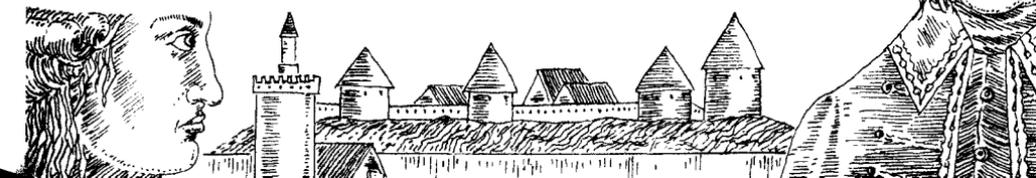
пенбаха с несколькими полками (около 8000 человек). На первый случай, по мнению короля, этого должно было хватить.

В конце 1700 года, оправившись от Нарвского конфуза, Петр издает два указа о наборе в солдаты. В первом повелевалось: «Прибрать в службу детей боярских, и недорослей, и казачьих, и стрелецких детей, и племянников, и захребетников (бездомных и безземельных. — *А. Ш.*), и из иных чинов и из наемных людей, чтобы добры и к службе годны: лет 17—20 и 30 (ограничение по возрасту существовало — от 15 до 30 лет. — *А. Ш.*). Им дано будет... жалование против Московских солдатских полков, денег на год всего по 11 рублей на человека, да хлеба по тому же, как Московским полкам».

Второй Указ от 12 декабря 1700 года гласил: «...взять даточных людей добрых, а не старых и увечных — с 50 дворов по человеку пешему, а с 150 дворов по два человека конных... А которые небыть на службе и которые на воеводствах и на приказах и у дел, и с отставных и со вдов и с недорослей и с девок — с 30 дворов по человеку. А буде у кого указанное число не достанет и с тех имать деньги по 11 рублей за человека»²⁹.

Необходимость стойкой, дисциплинированной армии была очевидна, и Петр в числе других мер (формирование пехотных полков, артиллерии, создания флота и пр.), направленных к одной и той же великой цели, приказывает князю Борису Алексеевичу Голицыну набрать в низовых городах (по Волге) десять драгунских полков по 1000 человек в каждом, а новгородскому воеводе Петру Матвеевичу Апраксину сформировать еще два полка в Новгородской губернии, в городах Тверь, Торжок и Старица. Драгуны должны были одинаково хорошо уметь действовать как в конном, так и в пешем строю.

Все полки были десятиротного состава, различной численности. Казанский полк, например, имел к 15 июня 1701 года 1036 человек, однако к месту сбора во Псков в сентябре полк прибыл в составе 890 человек; Вятский к 20 октября состоял из 754 человек, правда, в нем было девять рот.



В полку должны были быть офицеры, кроме командира, полковника, — подполковник и майор (штаб-офицеры), 10 капитанов, 10 поручиков, 10 прапорщиков (по числу рот), один поручик-квартирмейстер и один адъютант (обер-офицеры). В каждой роте должны были также состоять подпрапорщик, 4 капрала, вахмистр, каптернариус, два барабанщика и гобоист.

Офицеры и унтер-офицеры набирались в основном из старых конных полков и гвардии; привлекались и иноземцы, служившие в других армиях в конном строю.

В отношении обмундирования за образец была принята шведская военная форма. Для драгун она должна была быть синего цвета, но — за недостатком сукна именно этого цвета — очень часто первые драгунские полки русской армии представляли собой большое разнообразие и в цветовой гамме своих мундиров, и в форме одежды, поскольку единого утвержденного образца еще не было, и командиры полков руководствовались собственными соображениями о форме одежды.

Вообще драгунские полки того времени очень мало ходили на благоустроенную кавалерийскую часть и были драгунскими лишь по названию. Лошади были разномастные и различались по своему росту. Люди не были приучены к конному строю, зачастую передвигались пешком, а лошадей перегоняли табунами.

Такое же разнообразие представляло собой и вооружение драгун. Рядовые драгуны имели фузею и палаш, унтер-офицеры и офицеры — пистолеты и холодное оружие, которое также было разнообразным. Лишь через пару лет русская конница приобретет единообразие и в форме одежды, и в вооружении.

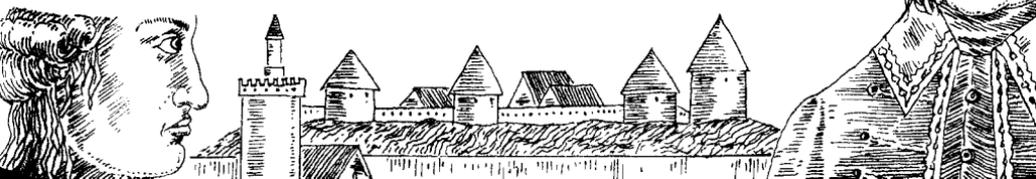
Еще до нарвского «конфуза» в армию было отправлено большое количество малороссийских казаков. Согласно «Самовидцу...», украинские казаки вышли в поход в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня 1700 года³⁰. Вперед ушел Полтавский полк полковника Ивана Искры (2290 казаков) и был сразу направлен к Нарве, куда стягивалась вся русская армия³¹.

Вслед за ним гетман Мазепа направляет еще 13 500 казаков (Киевский, Прилуцкий, Черниговский, Нежинский, Миргородский, Стародубовский и «охотничьи» полки) под командой своего племянника полковника Ивана Обидовского (полковника Нежинского полка), но они не успели к сражению под Нарвой. Помимо собственных казаков Мазепе предписывалось отправить и запорожцев, однако они отказались двигаться вместе с Обидовским и лишь к масленице (то есть в конце февраля 1701 года) добрались до Смоленщины. При этом, по донесениям Мазепы, они причинили столько бед и грабежей жителям русских сел, что гетман просил скорее бросить их в бой во искупление вины.

Всего под командованием полковника Обидовского было: Нежинского полка (И. Обидовский) — 4000 казаков, Черниговского (Е. Лизогуб) — 4000, Киевского (К. Мокиевский) — 1000, Миргородского (Д. Апостол) — 1000, Стародубовского (М. Миклашевский) — 1000, Прилуцкого (Д. Горленко) — 500³²; еще 2000 казаков приходились на долю «охотничьих» полков — Пашковского, Ф. Степановича, Д. Чечеля, Л. Шульги.

Согласно Военно-полевому журналу Б. П. Шереметева, зимовавшего возле Новгорода, Пскова и Печерского монастыря с «Новгородской и Черкасской конницей»³³, в русской армии присутствовали и пять украинских слободских казачьих полков — Ахтырский, Сумский, Изюмский, Харьковский, Остроженский³⁴. В военной историографии и документах канцелярий военачальников чаще всего малороссийские полки, подчинявшиеся Мазепе, именовали «Запорожскими», без разделения на настоящих запорожцев и гетманских казаков, а вот при упоминании о слободских казаках часто встречается название «Черкасы». Хотя могли и всех вместе называть и «Запорожцами», и «Черкасами». Численность слободских полков можно предположительно определить, исходя из царской грамоты от 28 февраля 1700 года, в 3470 человек³⁵.

В боевых действиях, предшествовавших Нарвскому разгрому, слободские полки участия не принимали. Единственным представителем казачества в первые дни Северной войны был Полтавский полк И. Искры, который принял участие



в неудачном столкновении русской кавалерии Шереметева со шведами под Нарвой 17 ноября 1700 года и затем отошел на зимовку к Новгороду.

«Самовидец» говорит в общей сложности о 20 000 казаков, сосредоточившихся после Нарвы в декабре 1700 года у Печерского монастыря, Изборска и Гдова³⁶. Это утверждение недалеко от истины, если сложить численность казаков Обидовского — 13 500, Искры — 2290, слободских — 3500 и запорожцев, добравшихся наконец до псковских земель. Кстати, Петр I простил их прегрешения на Смоленщине — с условием не делать больше таких «злодейственных дел».

16 декабря 1700 года казаки участвовали в бою с пятитысячным отрядом шведов в 30 верстах от Дерпта (Тарту) и первоначально вынудили его отступить, однако на следующий день были отражены противником. После Нового года казаки участвовали в действиях возле Нейгаузена³⁷, в обороне Гдова³⁸, совершали набеги на Мариенбург и Сыренск³⁹.

В начале 1701 года произошла серьезная ссора между наказным гетманом И. Обидовским, племянником Мазепы, и киевским полковником К. Мокиевским, приходившимся свояком гетману⁴⁰. Из анонимного старшинского доноса следует, что, напившись, Мокиевский «пана Обидовского вельми лял и блазном (молокосос, дурень. — *А. III.*) называл и як хотел обезчестил, до шабли порываючися, от того пан Обидовский вельми плакал, а и перед тим на розних мисцах перед всеми многократно пана стольника Обидовского зневажил и лял, що ревне бувало плаче и тужит»⁴¹. Заодно досталось от Мокиевского и всем остальным полковникам, которых в запале он называл «изменниками государскими». Амбициозный киевский полковник был явно недоволен тем, что его поставили под начало гораздо более молодого и менее опытного, по разумению Мокиевского, племянника гетмана⁴². «А когда отозвался пан Обидовский против него, — сообщает далее доносчик, — так он почал больше кричать и молвить: “Так не тилько полковники, але и сам пан гетман изменщик”»⁴³.

Через несколько недель И. Обидовский скончался от простуды, и начальство над малороссийскими казаками действительно перешло к К. Мокиевскому. Вскоре, однако, по-

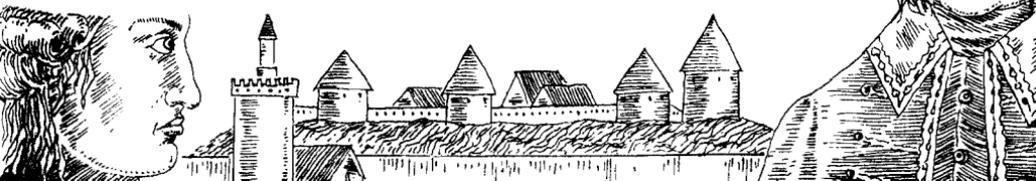
следовал очередной донос, где сообщалось, что киевский полковник беспрестанно оскорблял И. Обидовского, а по смерти его «вельми радовался». Очевидно, вернувшиеся на Украину полковники это подтвердили Мазепе, и гетман лишил Мокиевского полковничьего уряда⁴⁴.

В конце января царь выехал на встречу с Августом. Тот колебался насчет продолжения войны. «Нарвский синдром», как его назвали потом историки, подействовал и на саксонцев. Но Петр твердо пообещал из войны не выходить, выделить 20-тысячный корпус, пороху 10 тысяч фунтов и денег — 300 000 рублей. Сказано — сделано! Восемнадцать солдатских и один стрелецкий полк под началом Аникиты Репнина отправились к Динабургу, где стоял саксонский корпус фельдмаршала Штейнау. Командующий саксонской армией одобрительно отозвался о русских, но при себе оставил только 4000 солдат, остальным приказал отойти на 12 верст в сторону и строить укрепления вдоль Двины.

Как пишет «Самовидец...», «того же часу» гетманским полкам было разрешено вернуться в свои города⁴⁵; вместо них с Украины отправили 7000 казаков Гадячского полка во главе с Михаилом Боруховичем (Бороховичем), в том числе 2000 запорожцев. Цифра в 7000 человек была бы завышенной, так как средняя численность гетманских полков не превышала 3000 казаков, но скорее всего в отряд Боруховича, направленного в корпус Репнина на помощь саксонцам, входили и охочеконные полки⁴⁶. Вслед за гетманскими полками Шереметев отпустил и запорожцев по причине «кривд, учиненных московским людям», а также в связи с большими затратами на их содержание. Исключение составил запорожский полк Матвея Темника, который был переброшен под Ладогу в корпус Апраксина, начинавшего боевые действия в Ингерманландии.

В день рождения короля, 17 июня 1701 года, шведы, числом около 18 000, двинулись к Риге. Молниеносно обустроив переправу, на глазах у изумленных саксонцев Карл XII форсировал Двину, выстроил вновь полки в боевой порядок и бросил их вперед. Через два часа все было кончено.

Карл уже распоряжался поляками и потребовал от них, чтобы Август был свергнут с трона. Но поляки, вспомнив



про вольность шляхетскую, наотрез отказались подчиняться решению шведского короля. Карла попытались остановить англичане, говоря об опасности давать народу право свергать монарха. Но молодой король отреагировал молниеносно: «Удивительно слышать сие от посланника державы, которая имела дерзость отрубить голову своему королю».

Решение было принято окончательно и бесповоротно. Шведская армия пошла на Польшу и Саксонию.

Тем временем сформированные русские драгунские полки стягивались к Пскову, где командование армией принял генерал Шереметев, и к Ладого, где командовал граф Апраксин.

О состоянии конницы видно из писем царю самого Шереметева: «В драгунских полках много недостает людей, да и лошадей почти нет, а где они на корму, там поморены, и не только на них идти в поход, от чего Боже сохрани, но если б был приход неприятеля к Новгороду, то и отпора дать нечем...»⁴⁷

Кроме сложностей с вооружением, лошадьми и обмундированием, большую проблему составляло отсутствие опытных кадров — инструкторов, офицеров и унтер-офицеров, знающих драгунскую службу, да и вообще кавалерийскую, о чем царю докладывалось со всей откровенностью. Да и характеристики некоторых командиров полков были явно не в их пользу. Так, граф Апраксин говорил про командира Вятского полка Дениса Девгерина, что тот думает «только о грабежах и своих прибытках»⁴⁸.

Тем не менее военные действия против шведов назревали. Момент был самый наилучший. Разгромив русских под Нарвой, Карл XII посчитал, что теперь они еще долго не оправятся, и все силы обратил на Польшу. Но пока шведы гонялись за саксонскими и польскими отрядами, новые русские полки крепили и, главное, обретали веру в свои силы.

Не забывали русские и о крепостях. В Новгороде и Пскове к осени 1701 года восстановили каменные стены и, кроме того, возвели вокруг каменных башен земляные бастионы, что позволяло, во-первых, выдвинуть вперед узлы артиллерийской обороны и, во-вторых, пользуясь изломанными линиями фронта, вести эффективный заградительный огонь в нужных направлениях⁴⁹.

Глава 3

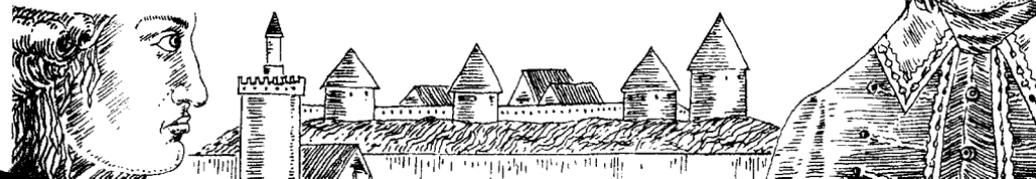
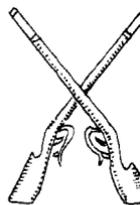
Первые боевые действия

Карл считал, заслонов в Прибалтике и Финляндии вполне достаточно, чтобы справиться с русскими варварами.

6 августа 1701 года стоявший у Пскова Борис Петрович Шереметев получил указание Петра послать «с ратными людьми за Свейский рубеж для промыслу и поиску неприятельских войск и разорения жилищ их сына своего г-на Шереметева». И вот 3 сентября в поход отправляется армия в количестве 11 052 человека «чинить промысл над вероломным шведом».

Первая стычка со шведами произошла 4 сентября под Рапиной (Рапиной) мызой, вблизи Псковского озера. Взято было 80 пленных, две пушки, три драгунских знамени, трубы и барабаны. Мызу защищали 600 шведов, бой длился шесть часов. В живых остался лишь один поручик, который и сообщил о происшедшем полковнику Шлиппенбаху, оставленному Карлом XII в Прибалтике для противодействия русским.

В начале декабря Шереметев получил известие о намерении Шлиппенбаха, стоявшего в районе мызы Эрестфер, двинуться на русских. Шлиппенбах располагал отрядом в 7000 человек. 23 декабря Шереметев решает нанести встречный удар шведам и выступает ему навстречу. Русские источники сообщают о численности отряда Шереметева в 6045 человек, однако цифра явно занижена более чем в два раза и соответствует скорее всего количеству драгун, участвовавших в походе, не включает пехоту, а также «черкасов» (украинских казаков), донских казаков, калмыков и татар, также выступивших в составе отряда⁵⁰. Из документальных источников можно видеть, что в бою 29 декабря 1701 года близ Эрестфера принимали участие гетманские полки — Миргородский, Полтавский, Лубенский, Переяславский, два охотничьих полка, пять слободских и донской полк Фролова. Гадячский полк Боруховича (около 3000 человек), участвовавший в походе А. Репнина к Риге, к этому времени уже покинул прибалтийский театр. В бою под Эрестфером погиб полков-



ник Григорий Пашковский, командир одного из охотничьих полков. Через пять дней после сражения все гетманские полки покинули Прибалтику, остались только два охотничьих полка. За отличия был награжден командир Ахтырского слободского казачьего полка Иван Перекрест (из крещеных евреев)⁵¹.

26 декабря Шереметев занимает деревню Выбовку, оставляет здесь весь обоз и 29-го выдвигается навстречу Шлиппенбаху, который также двигается из мызы Эрестфер и в двух верстах от нее занимает позицию на переправе через близлежащую речку. Вперед высылается шведский конный полк, который был внезапно атакован русскими драгунами и наголову разбит.

Шлиппенбах оставляет для защиты переправы два полка и шесть пушек, а сам отступает к мызе Эрестфер. Шереметев, не дожидаясь пехоты, бросает в бой одну конницу. После трехчасового упорного сражения шведы были разгромлены. Шлиппенбах оставил Эрестфер и отступил в глубь Эстляндии. По данным русских, шведы потеряли 3000 человек (что явно завышено), в плен были взяты 2 полковника, 8 офицеров и 356 нижних чинов, захвачены пушки и 16 знамен. О своих потерях сообщается приблизительно в тысячу человек. Можно вновь сравнить эффективность боя — у шведов она (1000:7000) равна 0,14, у русских (2000:17539) — 0,11; при этом боевой дух каролинов уже не тот, что под Нарвой (2000:366) — 5,4, и налицо явный прогресс русских в эффективности ведения боевых действий.

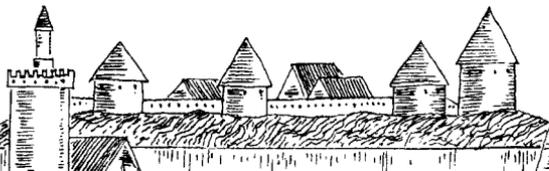
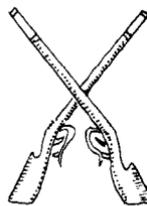
Победа при Эрестфере была ознаменована торжественным возвращением полков во Псков 4 января 1702 года. При этом, по словам современника, «взятого их [шведского] полковника везли в саях, ротмистр их взятый ехал на лошади; а за ними вели взятых языков 150 человек; а за ними шли наших полков солдаты; а после того ехал боярин Борис Петрович с конницей»⁵².

Моральное значение этой победы было очень велико. «Слава Богу, — сказал Петр, — мы дошли до того, что шведов побеждать можем!» Царь щедро наградил участников сражения: Шереметеву присвоено было звание фельдмаршал и пожалован орден Андрея Первозванного, офицеры награжде-

ны золотыми монетами, а солдатам роздано по серебряному рублю. В честь победы отчеканили большую памятную медаль. Это были первые боевые отличия, заработанные русскими полками.

Армия вернулась к Пскову и до лета 1702 года энергично занималась обучением. Особенно это касалось драгунских полков, которые пополнили лошадьми и оружием. Это было весьма кстати; еще в январе Шереметев сообщал Петру: «если не будут по этой росписи присланы драгунам лошади и припасы, и с ними идти в поход с безружейными нельзя, чтобы какого бесславия не принести, а за малолешадством будет безлюдно»⁵³. Кроме того, писал, что «во все полки драгунские надобно по гаубице», и получил ответ, что они «делаются»⁵⁴. И вскоре во все полки поступили полупудовые гаубицы весом в 26 пудов каждая с прислугой на конях.

В Эстляндии были оставлены украинские и донские казаки, калмыки и татары, которые занялись опустошением края⁵⁵. Жалованье и провиант до казацких полков не доходили, их разворовывали раньше, считая, что казаки, дикое туземное войско, все должны себе добывать в походе. Когда это происходило на вражеской территории, то имело некое оправдание, сотни местных жителей угонялись казаками, а их жилища разорялись и сжигались. Шереметев писал Петру, что он «не велел отнимать Чухну у Черкасс, чтоб охочее были...». Но когда они находились на русской территории, положение не менялось. Гетман Мазепа еще в 1701 году дважды писал царю, что казаки голодают, а Шереметев отнимает у них коней для передачи в драгунские полки. Но мер никаких не принималось. Тогда казаки начинали грабить русские деревни, где встречали, естественно, отпор со стороны местных жителей. Письменных челобитных крестьян Ингерманландии с жалобами на казаков, по-видимому, не сохранилось. Однако их взаимоотношения характеризует челобитная из села Низино Новгородского уезда. В мае 1705 года (то есть уже после взятия русскими Нарвы) они жаловались архимандриту Иверского монастыря Аарону: «Ехали с Олонца, с Лодейного поля, донские и яицкие и гребенские казаки в Санкт-Петербург, и у нас, сирот, хлеб в житницах, и овес семенной лошадям брали, и животы и статки



грабили, и животину, коров и овец, и свиней многих на полях в стаде побили, а по полям рожь прикормили без остатку, и подвод под них ставили, и тем подводам и доныне от них отпуску нет»⁵⁶. Это все не прибавляло популярности самим казакам и не доставляло им самим радости. Отношения властей с казачеством, что с украинским, что с донским, все царствование Петра I были напряженными. От казаков требовалось беспрекословное подчинение, а любые попытки проявления самостоятельности жестко пресекались; при этом все вопросы их снабжения, вооружения и оплаты возлагались на них самих. В результате была и измена гетмана Мазепы на Украине, и бунт Булавина, и уход атамана Некрасова с Дона к туркам.

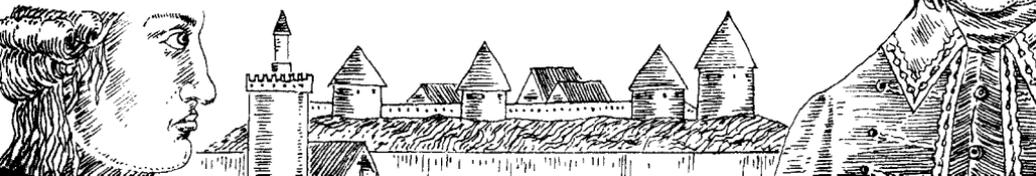
В 1702 году боевые действия возобновились. Шереметев вновь выступил 12 июля «для поиску и промыслу». Его армия состояла из 30000 человек, в том числе 9 драгунских полков, 8 пехотных, 3 рейтарских, а также казаки, калмыки и татары. Впервые встречается упоминание о гусарах⁵⁷. Видимо, речь идет о каком-то формировании из добровольцев-иностранцев, представлявшее собой что-то среднее между регулярной и иррегулярной кавалерией — казаками. Всерьез к началу создания первого гусарского подразделения — «воложской хоронгви» — приступят по указанию царя лишь в 1707 году.

18 июля Шереметев встретился вновь со Шлиппенбахом при Гуммельсгофе и в жестоком шестичасовом бою разгромил восьмидесячный корпус шведов. Сражение началось еще 16 июля с разгрома передового шведского отряда майора Унгернштерберга из 300 кавалеристов. Затем день противники готовились к продолжению схватки. Шереметев приказал выжечь все в округе на 10–15 верст. Рано утром 18 июля три драгунских полка — Кропотова, Полуэктова и Вадбольского — отправились в разведку, дошли до мызы Гуммельсгоф, где натолкнулись на основные силы шведов. Шлиппенбах атаковал их и опрокинул, заставив потерять пять орудий и несколько знамен. Шереметев срочно отправил, чтобы поддержать их, еще два драгунских полка — фон Вердена и Боура — и поспешил сам на подмогу с основными силами. Сражение завершилось в десять часов вечера. Потери шведов указываются в 5490 погибших, 328 плененных; свои потери

русские оценивают в 411 убитых и приблизительно столько же раненых. Эффективность боевых действий русской армии (5490:17000) равна 0,32!

После победы армия Шереметева отправляет пленных в Псков и разоряет, «как положено», край, затем берет штурмом несколько укрепленных мыз, крепостей и городов — Валмер, Трикат, Кригендербен, Гемелтай и, наконец, приступает к осаде Мариенбурга. Старинный город-крепость располагался на острове и со всех сторон был окружен водой. Мост шведы сожгли. Шереметев приказывает рубить плоты, в чем деятельное участие приняли и драгуны (на каждую роту полагалось иметь 80 топоров, 10 кирок и 10 лопат, которые всегда возились с собой). Петровский драгун был универсальным солдатом — и кавалеристом, и пехотинцем, и сапером.

25 августа начался решающий штурм. За три часа до рассвета пехота и драгуны переправились на остров и залегли под стенами. Утром артиллерия проделала брешь в стене, после чего из крепости вышел комендант и несколько офицеров, которые заявили о капитуляции и отдали драгунам шпаги. Часть гарнизона начала покидать крепость, но часть отказалась и продолжила вести огонь. Тогда Шереметев снова приказал продолжить обстрел. И здесь надо сказать несколько слов о героическом поступке шведского офицера, артиллерийского прапорщика Вульфа. Он собрал все имеющиеся в крепости знамена, отнес в пороховой погреб и взорвал себя вместе с ним. Взрыв был такой мощности, что от крепости остались одни развалины. «Едва Бог спас и нас, — писал Шереметев в донесении царю. — Слава Всевышнему, что мост был сожжен, иначе много из наших погибло бы. И так жаль... все пропало, одного хлеба 1500 пудов и прочего магазина пожег... А знамена пожжены от того проклятого (имеется в виду Вульф. — А. Ш.), взял с собой и зажег». Таким образом, шведы сражались с отвагой и самопожертвованием, недаром в Уставе Карла XII не рассматривалось отступление вообще — ни как маневр, ни как способ ведения боевых действий. Но если говорить о последующих шведско-русских сражениях, подобного уже не встретим. Будет все, скорее, наоборот. Шведские армии будут отступать, уклоняясь



от сражения, крепости будут сдаваться, не исчерпав и наполовину возможности обороны, великолепные позиции, грозящие противнику — русским — огромными потерями при штурме, будут оставляться без единого выстрела.

Мариенбург заслуживает и еще в одном особого упоминания. В плен были взяты комендант, 29 офицеров, 375 солдат, «546 чухны и латышей, кроме 500 розданных разным ратным людям». Так писал Шереметев. Среди тех самых пятисот «розданных ратным людям» была и некая Марта Круссе (Краузе), урожденная Скавронская, из бедной крестьянской латышской семьи, которая совсем юной вышла замуж за шведского трубача Иоганна Круссе (Краузе). Так она оказалась в гарнизоне крепости. При штурме муж бежал, а хорошенькая Марта попала в руки русским драгунам. Здесь ее заметил и забрал себе генерал Боур, затем она попала к Шереметеву, после к Меншикову, а уже от «светлейшего» Александра Даниловича к самому царю Петру, чтобы позже войти в русскую историю под именем Екатерины I.

Во время взятия Мариенбурга Петр находился с пятью гвардейскими батальонами в Архангельске, где срочно строились два фрегата. Отсюда морским путем отряд Петра добирался до Онежской губы Белого моря, и далее, 160 верст, через леса, речки и болота, русские прошли, таща на себе и пушки, и фрегаты, и вышли к Повенецкому погосту, самой северной точке Онежского озера. Затем Петр снова двинулся по воде и по реке Свирь вышел в Ладогу.

Точкой сбора всех русских войск — это касалось прежде всего корпуса Апраксина, стоявшего в Старой Ладоге, — было назначено место впадения в Ладожское озеро реки Назия, приблизительно в семнадцати верстах от шведской крепости Нотебург — бывшей новгородской крепости Орешек.

Еще в самом начале войны, 18 июня 1701 года, в разведку «к Канцам⁵⁸ и Орешку» засылались отряды городских казаков Бахметьева и Сокирина⁵⁹. Какого из Бахметьевых — установить сложно, но скорее всего — Степана Петровича Бахметева с уфимскими и «низовых городов» казаками⁶⁰. По фамилии второго участника разведывательного рейда, Сокирина, тоже можно сделать некоторые предположения. Село Сокиринцы (Соқыринцы) районного центра Сребного (*укр.*

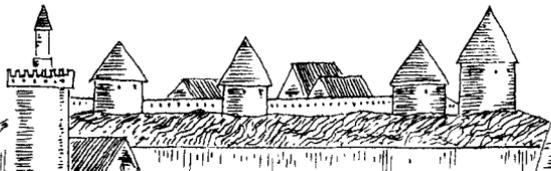
Срібне) к северо-востоку от Прилук было «сотенным местечком» Срибранской сотни Прилуцкого гетманского полка, которым впоследствии командовал Игнат Галаган; оно было пожаловано Галагану в 1716 году, уже в бытность его командиром Прилуцкого полка, за разгром Запорожской Сечи и стало его родовым поместьем. Возможно, что кто-то из малороссийских казаков, родом из Сокиринцев, ходил в ту разведку к Неве...

Боевыми действиями русских войск в Ингерманландии, а позднее в Финляндии, руководил Ф. М. Апраксин. Выступив из Старой Ладogi в начале августа 1702 года, Апраксин действовал так же, как и Шереметев в Лифляндии. «По указу твоему, — доносил Апраксин царю, — я рекой Невой до Тосны и самой Ижорской земли прошел, все разорил и развезвал от рубежа верст на сто...»⁶¹

Кронгиорт приказал пехоте выступить против Апраксина из Ниеншанца, а сам, с одной кавалерией, вышел из Дудеровской мызы (совр. Дудергоф) и 13 августа переправился через Ижору. Здесь противники и встретились. Шведская пехота не подоспела, а кавалерия была опрокинута русскими драгунами и рассеяна. Шведы потеряли около 500 человек убитыми и около сотни пленными. Апраксину достались обозы. Русская конница преследовала шведов до Славянки. Здесь Апраксин получил приказ Петра следовать назад к Нази и готовиться к штурму Нотебурга.

Вместе с Апраксиным действовал и будущий губернатор Ингерманландии А. Д. Меншиков. В результате рейда в марте 1703 года «в неприятельскую Свейскую землю к Канцам» в окрестных мызах было «латышей мужеска и женска полу в полон взято с 2000 человек». Пленных оказалось так много, что в Шлиссельбурге продать их не смогли и отправили на рынок в Старую Ладogu⁶².

К моменту взятия Ниеншанца в мае 1703 года главное командование принял на себя Б. П. Шереметев, прибывший сюда из Пскова и завершивший опустошение Лифляндии. Разорять же Ингерманландию Петр запретил. Апраксину было сделано внушение, а от Шереметева царь требовал особое внимание уделить иррегулярным частям — «ибо ведаешь, какие люди казаки и калмыки», писал он ему, строго указав,



чтоб «не жгли и не разоряли от Шлотбурга⁶³ за 50 верст или больше»⁶⁴.

Петр I смотрел на Ингерманландию как на территорию, которая безоговорочно войдет в состав России. В августе 1703 года: «Его царское величество накрепко заказал всем высоким и низким воинским людям, чтоб в Лифляндах и Ингерманландах впредь никто ничего не жег, и для содержания указа, иным на образец, неких калмыцких татар, которые противно указу чинили, казнить велел»⁶⁵.

Шереметев пытался оправдываться в письме от 23 мая 1703 года: «Чухны не смирны, чинят некие пакости и отсталых стреляют, и малолюдством проезжать трудно; и русские мужики к нам не приятны; многое число беглых из Новгорода и с Валдай, и ото Пскова, и добры они к шведам, нежели к нам»⁶⁶.

Какими же силами, в том числе и казаками, располагала русская армия в Ингерманландии? В корпус Апраксина первоначально входили два драгунских полка Девгерина и Морелия (Вятский и Нижегородский), рейтарские полки Ивана Кокошкина, Михаила Франка, Федора Ушакова, сводные конные полки астраханских стрельцов и городских низовых казаков Бориса Кареитова и Михаила Зажарского, полк конной службы из казаков и башкир стольника Степана Бахметева⁶⁷, а также запорожцы полка Матвея Темника, переброшенные сюда из армии Шереметева после того, как все остальные запорожцы ушли в Сечь. Есть сведения о казаках черниговского полковника Ефима Лизогуба, а также о двух охотничьих малороссийских полках, состоявших также под его началом и принимавших участие во взятии Орешка и в столкновении с отрядом генерала Кронгиорта на реке Ижоре в 1702 году⁶⁸.

Необходимо заметить, что в «Истории Императора Петра Великого, сочиненной его повелением. Первого черчения» (то есть первый черновик, первый проект, представленный на рассмотрение. — *А. Ш.*), приведенной в приложениях к «Запискам по истории военного искусства в России в 1-й половине XVIII столетия» Масловского, присутствуют данные от 29 апреля 1701 года, говорящие о том, что направлены Апраксину «...на помощь два полка пехоты, полк драгун (за-

менено лично Петром на «нерегулярных»), донских казаков и калмыков...»⁶⁹. Предположительно здесь имеются в виду перечисленные ранее полки, состоящие из низовых, то есть городских казаков Кареитова, Захарского и Степана Бахметева или малороссийских Черниговского полка Ефима (Якова) Лизогуба вместе с кампанейскими.

Оборону Нотебурга возглавлял подполковник Густав Вильгельм фон Шлиппенбах, родной брат генерала Шлиппенбаха, уже встречавшегося неоднократно с армией Шереметева, который по приказу царя руководил осадой Нотебурга.

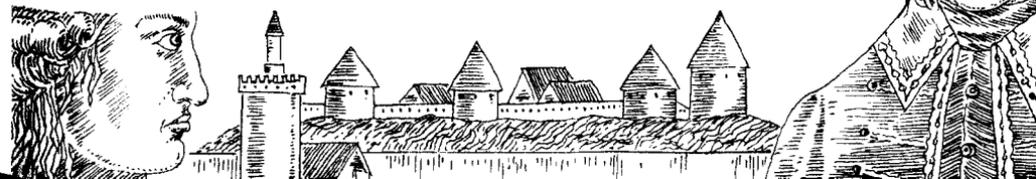
11 октября, после десятидневного обстрела крепости, русские проделали три пролома в стенах, и с половины четвертого утра начался решительный штурм. Шведы отчаянно сопротивлялись, и, если б не случайность, все могло окончиться неудачей. Штурм продолжался уже в темноте наступившего вечера, и Петр, отчаявшись, послал приказ об отступлении. Однако офицер с приказом заблудился в темноте, и войска продолжали сражаться. В 4.30 шведский комендант приказал барабанщику бить сигнал о капитуляции. Пальба прекратилась, русские приняли условия шведов, дали им три дня на сборы и выпустили в Ниеншанц. Занятый Нотебург был переименован в Шлиссельбург — Ключ-город, открывавший путь к побережью Балтийского моря.

Хотелось бы отметить, что сразу же после взятия крепости русские приступили к исправлению последствий ее осады. Кроме того, насыпали на острове дополнительно шесть земляных бастионов и усилили их артиллерией⁷⁰. Вслед за Новгородом, Псковом, Старой Ладогой, Шлиссельбургом росла цепочка оборонительных форпостов.

Глава 4

Точка отсчета

Наступила весна 1703 года. В этот год, ознаменовавшийся закладкой Санкт-Петербурга, наступила новая эра русской истории.



В марте 1703 года в районе деревни Липола состоялось еще одно сражение. Численно превосходящее русское войско с участием специально снаряженных отрядов лыжников атаковало стоящий в обороне так называемый «Черный полк» майора Бургхаузена, разбросанный по нескольким деревням⁷¹. В походе, в котором, по русским источникам, участвовали драгуны и «низовые ратные люди Бахметева», было «побито» свыше 200 шведов⁷². По шведским источникам, потери ограничились гибелью нескольких драгун и их командира майора Бургхаузена, убитого стрелой.

После закладки Санкт-Петербурга были взяты еще два города — Копорье и Ямбург. Остававшиеся на зимовку во Пскове генералы Бухвостов и фон Верден получили приказ идти к Ямбуру с двенадцатью пехотными полками — фон Шведена, Айгустова, Мевса, фон Делдина, Балка, Англера, Инфлента, Геренка, Шкотта, Рыдлера, Келина и Шарфа — и одним драгунским — Григорова. Сам Шереметев выступил 11 мая к Копорью с четырьмя пехотными полками — Кара, Толбухина, Гундерт-Марка и Деяты, одним стрелецким полком — Стрекалова; кроме того, было еще 1700 рейтар, 250 дворян Новгородского разряда и пять пушек. Находя эти силы недостаточными для похода на Копорье, Шереметев отписал фон Вердену во Псков, чтобы были присланы ему еще три драгунских полка — князя Волконского, князя Мещерского и Григорова. 23 мая фельдмаршал прибыл к Копорью и в ожидании драгун начал приготовления к осаде крепости. В тот же день он получил известие о взятии Ямбура. Однако драгуны запаздывали из-за нерасторопности почты, и Шереметев 25 мая начал бомбардировку крепости, а 27-го она сдалась. Ингерманландия была завоевана, теперь следовало ее удержать. Исходя из этого, Петр приказал всей армии Шереметева сосредоточиться в Ямбурге и заложить сильную крепость для прикрытия будущей столицы со стороны Эстляндии⁷³. Под власть России возвращались старые новгородские земли.

Всего в распоряжении Шереметева состояло 12 пехотных и 11 драгунских полков, царицынские и саратовские стрельцы, донские, яицкие и уфимские городовые казаки, башкиры, астраханские и казанские татары. Пехота разместилась

в крепости, а конница по берегам реки Луги. Пехота трудилась над возведением укреплений, а драгунам было приказано «лес возить и рубить, а также дерн по половине полка каждого в день»⁷⁴. Сроки работ были установлены жесточайшие: «дабы больверки в 10 дней, а весь город в 4 недели от сего числа конечно бы сделать, понеже великое дело в том состоит»⁷⁵.

17 июня получили известие, что комендант Нарвы генерал Горн намеревается атаковать русских под Ямбургом. Тотчас было приказано драгунским полкам укрыться в лесу, выманив шведов на оставленные якобы без защиты лагеря. В помощь коннице был отправлен пехотный полк Айгустова. 19 июня Горн атаковал русских, но сам подвергся нападению и спешно отступил. Извещенный об этом Шереметев примчался немедленно в драгунский лагерь и, взяв с собой два полка — князя Волконского и Боура, — бросился наперерез кратчайшей дорогой. Но вследствие поспешности отступления шведов ему удалось настичь лишь их арьергард, который был частично истреблен. Захвачено было две пушки и 26 пленных. Собственные потери — пятеро убитых и трое раненых.

Однако, несмотря на неудачу, Горн продолжал беспокоить русских вылазками. Обозленный Шереметев приказал фон Вердену взять всю конницу и положить конец нападениям шведов. Татарская конница выманила на себя значительный шведский отряд и вывела его на драгунские полки. Около 300 шведов было убито, девять взяты в плен. Фон Верден обошел Нарву и вышел к устью реки. Здесь обнаружили три судна, идущие в крепость. Обстреляв их из полковых гаубиц, русским удалось одно из них сжечь. После этого разорили все в радиусе двадцати верст вокруг Нарвы и вернулись в Ямбург.

31 июля сюда же прибыл вновь назначенный губернатор Ингерманландии Меншиков. Предстоял совет с Шереметевым, что делать дальше. Работы по завершению оборонительных укреплений Ямбура подходили к концу, необходимо было переместить полки, дабы не разорить уезд их кормлением, и продолжить военные действия. Представили на утверждение царю план:

1. В Ямбурге оставить три полка — два пехотных, один драгунский, всего 3000 человек.



2. Остальным отправляться в поход, но не ранее середины августа, по завершении работ в крепости.

3. В поход должны пойти 9 драгунских полков — Родиона Боура, Григория Волконского, Ивана Игнатьева, Семёна Кропотова, Петра Мешерского, Никиты Мешерского, Василия Григорова, Афанасия Астафьева, Ивана Горбова, а с ними полки Мурзина, Дмитрия и Ивана Бахметевых, состоявшие из легкой конницы — татар, башкир, казаков и калмыков.

4. Маршрут определить следующим образом: через реку Нарву у Сыренца, оттуда к Везенбергу, далее к Ревелю, и, выйдя Рижской дорожкой к Печерскому монастырю в сентябре, последнем военном месяце, полки распустить на зимние квартиры, чтобы люди были готовы и прочны к ранней весне.

План был утвержден Петром, и 22 августа Шереметев выступил с 11 тысячами кавалерии при 24 конных орудиях. Шведы не смогли воспрепятствовать переправе русских через Нарву, да и далее вели себя весьма пассивно, оставляя город за городом. Шведские гарнизоны покидали их, не пытаясь обороняться. Так русские взяли Ракобор, где им досталось огромное количество медикаментов, пополнивших полковые аптеки, заняли Феллин, Руин, другие города и мызы. В конце сентября кавалерия Шереметева вернулась в Печерский монастырь, завершив таким образом 400-верстный поход.

Всю зиму полки ремонтировались, получали новые фузеи, шпаги, заодно несли охранную службу на всем пространстве от Гдова до Ямбурга и Копорья.

Кампания 1704 года началась походом Шереметева к Дерпту, а Апраксину было приказано наблюдать за Нарвой и препятствовать возможной высадке десантов с кораблей шведов в устье реки Наровы. Задача была сложной, и вся нагрузка ложилась на драгунские и казачьи полки, которые постоянно совершали рейды и к Нарве, и на побережье. 7 января 1704 года рота капитана князя Михаила Мешерского задержала в двух верстах от Нарвы и привела в русский лагерь восемь «латышей», выехавших из города за дровами. Они показали, что в Нарве три пехотных полка, «а в тех полках

салдат тысячи с две или больше», две роты драгун, рота рейтар⁷⁶. Подробные сведения о расположении и численности шведских войск в Нарве содержали показания крестьянина деревни Матвеевской Копорского уезда Андрея Никулаева. Крестьянина доставили в Петербург, где он рассказал, что «было в городе швецких служилых людей пехоты 3000, драгунов и рыстарей 400, гранидиров 150, пушкарей 50, посацких 400 человек. И... генваря по 2 число, как пошел из Ругодива (Нарвы. — А. Ш.), прибывших служивых людей из Стекольной (Стокгольма) и ниоткуда в Ругодив не было. И около Ругодива в ближних мызах и в деревнях верстах в 10-ти, в 20-ти, в 30-ти швецких служилых людей нет»⁷⁷.

От разведки перешли к действиям, Апраксин доносил царю: «Драгуны беспрестанно разбивают неприятельские патрули и караулы, мешают мелким высадкам и не дают ничего выгружать на берег». Постоянная качка на море мешала шведам вести прицельный огонь по русской кавалерии, потому особых потерь не было. Вскоре шведский флот отошел к Ревелю (Таллину) и произвел высадку десанта. Общее командование армией принял на себя снова Шлиппенбах. Петр решает немедленно снять осаду Кексгольма и направляется к Нарве. К нему присоединяется и Апраксин. Начинается осада Нарвы. На этот раз все складывается удачно. Шведский гарнизон, зная о движении армии Шлиппенбаха, попадает на уловку русских, разыгравших сцену его приближения к крепости. Обмундирование-то было очень похожим! Осажденные вышли из крепости (около 1150 человек) навстречу «освободителям» и были успешно перебиты.

Между тем настоящий Шлиппенбах продолжал свое движение к Нарве. Ему навстречу были брошены шесть драгунских полков, которые разгромили шведов напрочь.

Силы Шереметева под Дерптом были значительные: 7 драгунских полков — Боура, Кропотова, Игнатъева, Мещерского, Ифлента (Инфланда), Григорова и Гагарина (7628 человек), 2 низовых (казачьих) полка Назимова и Мурзенко (1730 человек), 12 полков пехоты — фон Шведена, Айгустова, Мевса, фон Дедлина, Николая и Федора Балков, Англера, Шкотта, Гасениуса, Геренка, Келина и Рыдлера (11 116 человек), 2 стрелецких полка Вестова и Палибина (1058 человек). Все-



го 21 532 человека, не считая иррегулярной конницы. Но нерешительный Шереметев топтался под Дерптом — древним русским городом Юрьевом, основанным в 1030 году князем Ярославом Мудрым. Это была серьезная крепость. С северной стороны Дерпт был хорошо укреплен бастионами по новейшим правилам фортификации; правда, со стороны реки Эмбах его прикрывала лишь простая каменная стена. Редан, построенный на левом берегу реки, служил вместо переднего укрепления и обеспечивал сообщение между двумя берегами. Гарнизон крепости состоял из трех с лишним тысяч человек под начальством полковника Карла Густава Скитте, человека горячего и беспокойного. Крепость была хорошо снабжена провиантом и воинскими припасами. Многочисленная артиллерия довершала неприступность города.

Несколько дней русские рыли траншеи на обоих берегах реки, а также с севера, со стороны Рижской дороги, прямо напротив ворот Св. Иакова. Подтянули осадную артиллерию и восемнадцать дней непрерывно бомбардировали Дерпт. Но осажденные, несмотря на частые пожары в городе и убыль в людях, не сдавались — ожидали подкрепления. Каждый день, под вечер, они выпускали в небо, высоко-высоко, две ракеты — подавали сигналы.

Петр торопил, опасался подхода шведских войск на помощь осажденным, но осторожный Шереметев медлил.

Все драгуны были брошены на шанцевые работы, превратившись опять в пехоту. После трех недель сидения, надоевшего всем, шведы решились на вылазку. Комендант приказал полковнику Гизенгаузену и подполковнику Бранту взять тысячу человек, конных и пеших, выйти из крепости через ворота Св. Иакова и засыпать воздвигнутый напротив ретраншемент. Эта вылазка не удалась, шведы отступили, потеряв трех офицеров убитыми, в том числе Бранта, и с ними пятьдесят солдат, а также десять офицеров пленными, но терпение Петра лопнуло.

Он примчался от Нарвы на трофейной яхте «Ульрика». Переставил все осадные батареи заново. В результате этого между Русскими воротами и башней Пинтурма образовался пролом, куда моментально устремились русские. Шведы бросились им навстречу, завязался упорный бой, а подкреп-

ления, получаемые с обеих сторон, продлили его на всю ночь. С рассветом русским удалось овладеть рavelином и, захватив шесть пушек, немедленно развернуть их вовнутрь. Комендант посылал двух барабанщиков бить сдачу крепости, но оба были убиты. И лишь подав сигнал из трубы, ему удалось обратить внимание Шереметева. К часу дня штурм завершился. Гарнизон, а из него в живых осталось две с половиной тысячи, был отпущен. Офицерам даже сохранили шпаги. Потери русских — 742 убитых, 2165 раненых⁷⁸. Потери шведов — 811 человек. Кроме того, вся артиллерия, состоявшая из 111 орудий, досталась русским.

Петр вернулся под Нарву. Неудача с вылазкой удручающе подействовала на гарнизон, но сдаваться Горн не собирался. У него оставалось еще около четырех тысяч человек, не считая ополченцев, и четыре сотни орудий угрожающе смотрели на русских с крепостных стен. Началась правильная осада.

Основная цель штурма — северные бастионы Виктория и Гонор. Отвлекающий маневр — атака на южные бастионы Триумф и Фортуна. Подведенные вплотную к стенам подступы прикрывали пехоту. Возведенные осадные батареи открыли ураганный огонь. Пушечные батареи били по бастионам, мортирные — по городу. За десять дней было выпущено 4556 бомб. Прибывшие из-под Дерпта пехотные полки непрерывно тревожили неприятеля ложными атаками южных бастионов.

Мощнейший обстрел северных бастионов привел к обрушению левого фаса Гонора. 6 августа осаждавшие послали коменданту предложение о сдаче. Комендант Горн отказался.

Основной штурм Петр назначил на 9 августа. Еще два дня крепость подвергалась непрерывным обстрелам. Штурмовые лестницы поднесли вплотную к стенам. Со всех полков собрали grenадеров и в ночь перед штурмом разместили в ближайшем к пролому подступе. Поставили дополнительную батарею из четырех пушек.

Начали в два часа дня. Новая батарея открыла огонь в упор, сметая защитников с верха обвала. Осадная артиллерия продолжала забрасывать город ядрами и бить по башням.

Безымянный прапорщик из пехотного полка рванулся наверх первым, первым на лестницу полез, первым знамя свое



ротное воткнул. И погиб тут же, почти весь разорванный встречным залпом. Но за ним полезли другие. Шведы защищались отчаянно. Бочки с порохом поджигали и скатывали вниз — только ноги-руки в стороны летели. Тем не менее русские ворвались в город. Пощады не ведали, да никто поначалу и не просил. Дрались за каждый дом, рубились, кололи штыками, за ножи хватались. Убивали всех подряд. И солдат, и мирных жителей.

Горн понял, что Нарву не удержать. Послал одного барабанщика — убили, другого — убили. Сам схватил барабан, на площадь вышел перед ратушей, встал, начал отбивать сигнал капитуляции. Его окружили русские grenадеры. Взяли в кольцо, но убивать не стали. Между тем в городе продолжались бесчинства. Озверелые солдаты не могли остановиться. Бойня продолжалась.

Получив известие о капитуляции, в Нарву примчался сам Петр. Видя, что его солдаты продолжают истреблять противника, разъярился, самолично заколол двоих. С окровавленной шпагой подлетел к арестованному коменданту, ожидавшему на площади. С размаху царь влепил генералу Горну пощечину. Кричал в гневе: «Не ты ли виноват? Не имея никакой надежды, никакого средства к спасению, пошто дрался? Глянь на шпагу, генерал! Это кровь не шведская, это русская. Я своих заколол, дабы удержать прочих от бешенства. Все из-за упрямства твоего дурного!»

Вслед за Нарвой капитулировал и Ивангород. Потери русской армии были меньше чем при взятии Дерпта — убитых 358, раненых 1340⁷⁹.

Пленные из Нарвы (4555 человек) отправлены были в Казань, а из Ивангорода отпущены по их желанию — в Ревель или в Выборг, поскольку комендант крепости полковник Магнус Шернстрале согласился на сдачу добровольно⁸⁰.

Успехи, достигнутые к 1704 году, означали, что Россия уже выполнила одну из главных задач войны — возвращение утраченной в предыдущем столетии Ижорской земли. Еще после взятия Нотебурга Петр написал письмо Августу II из «завоеванной нашей наследной крепости Орешек», а одна из триумфальных арок, установленных во время празднования побед в Москве зимой 1704—1705 годов, была украшена

надписью: «Мы ни чужой земли не брали, ни господствовали над чужим, но владеем наследием отцов наших, которое враги наши в одно время неправильно присвоили себе. Мы же, улучив время, опять возвратили себе наследие отцов наших»⁸¹.

Взятые Нарва, Ивангород, Дерпт влились вместе с заложеным в 1703 году Петербургом в единую оборонительную систему Северо-Запада. Однако в отличие от всех старых крепостей Петропавловская крепость Петербурга строилась уже по совершенно новому принципу, как каменная крепость бастионного типа. Инструкцией Петра Р. В. Брюсу, руководившему фортификационными работами, было предписано одеть в камень в первую очередь бастионы Головкина и Зотова, а также куртины между бастионами Меншикова и Головкина (то есть усиливали карельскую сторону)⁸². Возведение этих укреплений было закончено к осени 1708 года. В 1709 году был полностью перестроен в камне Трубецкой бастион и начата перестройка куртины между бастионами Зотова и Трубецкого. Артиллерийское вооружение крепости довели до 445 орудий⁸³.

Продолжалось строительство укреплений на острове Котлин, где к сентябрю 1706 года была возведена крепость святого Александра, вооруженная 40 пушками. Кроме нее, построили еще несколько батарей. Всего Кронштадт обороняло 114 пушек и 1 мортира⁸⁴. Артиллерия, руководимая К. И. Крюсом, удачно отразила две попытки шведского флота уничтожить укрепления острова — эскадры де Пруа (в 1704 году) и К. Г. Анкерштерна (в 1705 году).

На берегах Балтики стояли уже не те нестройные массы, которые дали себя так легко разбить в 1700 году, а закаленные в боях и обученные тактическим приемам ведения боевых действий войска. Из новгородских земель, находившихся под властью шведов, оставался Кексгольм, бывшая Корела, да Выборг нависал угрозой для новых территорий. Однако центр борьбы вынужденно смещался на юг, в Польшу и на Украину. Об этом отчаянно просил Петра союзник Август II, чьи дела принимали опасный оборот.

Петр внял просьбам польского короля и заключил с ним трактат наступательного и оборонительного порядка, подпи-



санный царем 19 августа 1704 года. Согласно этому документу, Петр обязывался во все время войны с Карлом XII держать в Польше двенадцатитысячную армию. Польский же король должен был выставить к лету будущего 1705 года войска конного — 21 800 человек и пешего — 26 200 человек. Все войска должны были содержаться за счет Польши, пока она воюет со Швецией. В случае ухода Карла из Польши последняя обязывалась перенести театр военных действий с тем же числом войск туда, куда будет угодно России, но в таком случае русские обязались выделить на содержание польской армии 200 000 рублей.

Незадолго до подписания трактата шведский генерал Левенгаупт разбил под Якобштадтом русско-саксонский отряд, возглавляемый с польско-саксонской стороны Огинским и Вишневецким, с русской — генералом Корсаком. Это заставило Петра послать в Польшу князя Репнина с корпусом из 12 000 человек конницы и пехоты.

Петр предполагал к весне 1705 года сосредоточить всю армию в Литве и перенести театр военных действий в Польшу. Полкам были приготовлены зимние квартиры, но Петр изменил свое решение и распорядился идти в Курляндию: «Когда реки встанут, тогда собраться с конницей “пристойным числом” и пойти прямо на генерала Левенгаупта». Но зимний поход не состоялся, и действия были перенесены на весну.

Петр назначил Полоцк общим сборным пунктом армии, бывшей под началом Шереметева. Левенгаупт стягивал свои войска к Митаве, расположившись лагерем неподалеку.

1 июля армия Шереметева выступила в поход. В ее составе было 9 драгунских полков — Боура, Волконского, Кропотова, Игнатьева, Григорова, Ифлента, Мещерского, Сухотина, Гагарина и «выборный» шквадрон (эскадрон), а также 3 пехотных полка — Шенбекова, Лангова и Повияшева. Приготовили пять тысяч подвод, так как предполагалось на них перемещать пехоту. Конницу разделили на три бригады (по три полка). Ими командовали полковники Боур, Кропотов и Игнатьев. Всей пехотой командовал генерал Чамберс. В армии было 10 полупудовых гаубиц и 6 трехфунтовых медных пушек.

10 июля Шереметев был уже у Немана, в 35 верстах от Митавы. Отсюда было выслано к Митаве 13 рот драгун под командою полковника Боура. В тот же день ночью Боур подошел со своим отрядом к воротам города. В карауле была рота шведских солдат при двух пушках. Шведы были настолько поражены неожиданным появлением русских, что бросились бежать. На их плечах отряд Боура ворвался в Митаву. Преследование продолжалось до центральной площади города, где драгун встретили еще несколько рот шведов, выставивших вперед рогатки. С небольшой заминкой, но препятствие было преодолено, и шведам ничего не оставалось, как укрыться вместе с комендантом фон Кноррингом в замке.

Боур возвратился к Шереметеву с трофеями — 9 знамен, 2 пушки и 4 мортиры, а также привел 56 пленных. Собственные потери — 10 убитыми и 30 ранеными. Левенгаупт, узнав о нападении русских на Митаву, тотчас выдвинулся вперед со своей конницей, но не успел.

Победа Боура вдохновила Шереметева, и он решил атаковать Левенгаупта всеми силами. Между тем шведы заняли крепкую позицию в районе мызы Гемауртсгоф.

15 июля Шереметев, построив свои войска в две линии, двинулся к мызе Гемауртсгоф. Позиция шведов прикрывалась с правой стороны болотом, а с левой ручьем, протекавшим и через фронт, образуя излучину. Шведы также выстроились в две линии: первая была сомкнута, вторая стояла с интервалами. Приближался вечер, и Шереметев заторопился. Он приказал генералу Розену взять три драгунских полка бригады Боура и начинать движение на правом фланге. Переправившись через ручей, русские натолкнулись на четыре шведских эскадрона полковника Штакельберга, отряженные Левенгауптом для наблюдением за противником.

Розен приказал немедленно атаковать шведов, что послужило общим сигналом к бою. Полковник Кропотов, видя отступавших шведских кавалеристов, бросил все свои три полка вперед, забыв о пехоте. Вслед за Кропотовым устремилась в атаку и бригада Игнатьева.

Шведы встретили русских драгун огнем из пушек, их конница правого фланга опрокинула драгун и устремилась на



пехоту, боевые порядки которой и так уже были расстроены. Отошедшие назад драгуны перестроились и вновь атаковали корпус Левенгаупта. Им удалось обойти первую линию шведов, но, увидев их обоз, все драгуны устремились туда. Вторая линия шведов, оборотившись фронтом назад, нанесла удар по драгунам, грабившим обоз. Наступившая темнота прекратила бой, продолжавшийся более четырех часов. Шведская армия всю ночь простояла под ружьем, а Шереметев отступил.

Потери русских были весьма значительны: в коннице погибли 16 офицеров и 294 драгуна, ранены 41 офицер и 779 драгун, без вести пропали 67, в плен попал один поручик. Пехота была практически вся истреблена: 33 офицера и 1561 солдат погибли, не считая большого числа раненых и пропавших без вести. Кроме того, шведы взяли 7 гаубиц и 6 пушек, 8 знамен и один штандарт.

После поражения под Гемаусртсгофом Петр писал Шереметеву: «Не извольте о бывшем несчастье печальны быть (понеже всегдашняя удача многих людей ввела в пагубу), не забывать и паче людей ободривать... несчастливый случай учинился от недоброго обучения драгун (о чем я многажды говаривал), но ныне пишу, чтоб вы добрую партию отрядили, которые б могли взять добрых языков... дабы мы известны были о неприятельском состоянии... которые с бою ушли, покинув свою должность, учини им по воинским правилам». То есть Петр предполагал по-прежнему отрезать Левенгаупта от Риги, но со своим решением он опоздал. Шведы уже ушли в Ригу, оставив в Митава небольшой гарнизон.

Царь сам прибыл к Шереметеву, приведя за собой дивизию Репнина и несколько драгунских полков Ренне⁸⁵. Через неделю, 4 сентября, Митава сдалась, ее гарнизон был выпущен и отправился в Ригу.

В Курляндии оставалась одна не занятая русскими крепость Бауск. Петр приказал полковнику Балку взять два пехотных полка — Лефортовский и фон Шведена, а также драгунский — князя Волконского — и занять Бауск. Отряд Балка явился под стены крепости 10 сентября, а 14-го пехота и спешенные драгуны Волконского ворвались в крепость. Швед-

ский гарнизон из 500 человек, при 4 мортирах, 8 гаубицах и 46 пушках, капитулировал.

Покончив с Курляндией, Петр оставил здесь шесть драгунских полков под командованием Боура, а со всей остальной армией направился в Гродно.

Глава 5

Гродненская операция. 1705–1706 годы

Пока шведский король Карл XII рассуждал, куда ему направиться после Нарвы, в Речи Посполитой разгорались страсти. Государство, кишевшее партиями, группировками, конфедерациями, где свобода была доведена до абсурда, а общественные интересы подчинялись частным, постепенно катилось к развалу, до которого, правда, оставалось еще около семидесяти лет. Составная часть Речи Посполитой — Литва — уже была объята гражданской войной: с одной стороны магнаты Сапеги, с другой — князья Григорий Огинский и Михаил Вишневецкий.

Часть запорожцев, отпущенных в 1701 году из Лифляндии, пристала к сторонникам Казимира Яна Сапеги и приняла участие в междоусобицах. Чуть позднее партия Огинского — Вишневецкого стала на сторону короля Августа; соответственно Сапеги воззвали к шведской помощи, и гражданская война перерастает в международный конфликт⁸⁶.

По просьбе короля Августа Петр приказывает Мазепе оказать помощь мозырскому старосте Михаилу Халецкому в осаде одной из лучших крепостей Белоруссии Быхова, являвшейся серьезным стратегическим пунктом и оплотом сторонников Сапеги. Гетман направляет к Быхову 12 000 казаков во главе со стародубовским полковником М. Миклашевским, в том числе 1500 запорожцев во главе с Тимофеем Радичем.

12 октября 1702 года крепость пала, в основном стараниями гетманских казаков, однако Миклашевский передал ее полякам и вернулся на Украину, приведя с собой пленных запорожцев, что состояли в гарнизоне Быхова. Это вы-



звало гнев Мазепы. Гетман писал царю: «Зело гневен есм на полковника стародубского наказного моего, что не усыпкою денною и ночью войск его величества регимента моего малороссийских работаю и трудами и уроном людей, которых больше 200 человек, меж которыми и сотников 2 человека убито, а столько же и раненых учинилось самих только при нем будучи людей (понеже при Халецком регименте мало было людей, и то конные, которые только на речи смотрели⁸⁷), склонив ту Быховскую крепость к подданию, допустил Халецкому на имя королевского величества польского и Речи Посполитой осадити, а на имя великого государя нашего своих людей ни мало не оставил, рушился к рубежу... а он бы Халецкий хотя бы и 10 лет стоя добывал бы той крепости, то не возмог бы достати оной, как и сами быховцы в осаде будучи говорили и писали, что не сдались бы Халецкому, да и ныне тоже твердят, что не Халецкому, и не ляхам сдались»⁸⁸.

Миклашевский оправдывался тем, что осажденные сдались лишь на условиях передачи крепости полякам, а спешный отход объяснил начавшимся среди казацких полков голодом⁸⁹. 1500 запорожцев, состоявших при войске, в штурме участвовать отказались, видимо, по той причине, что среди гарнизона крепости находились их товарищи, и разбрелись по округе, где промышляли грабежом, отказавшись повиноваться и Тимофею Радичу, и польскому воеводе Халецкому. По приказу Мазепы зачинщиков казнили, а остальных отослали в Смоленск и превратили в крестьян. Гетман хотел казнить и тех запорожцев, что были на стороне Сапеги, но старшина, участвовавшая в походе, отговорила Мазепу не делать этого, поскольку им была обещана жизнь.

Затем произошла некая странная история, где Миклашевский был замечен в сношениях с литовской прошведской партией. Сложно сказать, было ли это провокацией, направленной на раскол среди казачьей старшины, или политической игрой, рассчитанной на привлечение самого Мазепы к лагерю противников Москвы, но Миклашевского затребовали в Москву, и гетман стал его выгораживать. Мазепа просил царя не отсылать Миклашевского в Москву: «Не пристойно ли бы было его по войсковым правам наказать за его преступление, подержать в Батурине в вязенье, от полков-

ничьего уряду отставить, из Стародуба перевести в Глухов на старое господарство, чтобы жил, нежели посылать к Москве, чтоб таковым поступком иных полковников не ожесточить сердца и не привести в отчаяние».

Опала Миклашевского продолжалась недолго. 16 декабря 1704 года Петр I в ответ на просьбу Мазепы распорядился: «Доносил ты наш верноподанный, нам Великому Государю, нашему царскому величеству, что регимента твоего в пяти полках полковников ныне нет. А прежде бывший полковник стародубовский Миклашевский, у которого за некоторое преступление полковничество отнято... клялся пред тобой верноподанным нашим пресвятым евангелием в церкви, что нанесено на него ложно, и обещался нам Великому Государю, нашему царскому величеству, служить верно... И Мы, Великий Государь, наше царское величество, указали тебе... о помянутом Миклашевском учинить по своему рассмотрению и по верной своей к нам Великому Государю службе... велеть ему в том полку быть... по-прежнему в полковниках, и сказать... дабы он ту нашу царского величества милость к себе видя, верностью и службою нам... оказался паче прежнего, дабы себя истого подозрения весьма вывести мог...»⁹⁰

17 февраля 1704 года «генеральная конфедерация» в Варшаве, сколоченная шведским представителем генерал-лейтенантом Арвидом Горном, заявила об отмене присяги Августу II и отрешила его от польского трона; еще через полгода, 12 июля, был избран новый король познаньский воевода Станислав Лещинский.

Тем временем саксонская армия уходит от шведов на север от захваченного Карлом XII Львова. К ней присоединяется 10 000 малороссийских казаков под командой наказного гетмана переяславского полковника Ивана Мироновича. Неожиданно Август II поворачивает и захватывает Варшаву. Произошла своеобразная рокировка — Карл XII устремился из Варшавы к Львову, Август II, наоборот, покинул Львов и занял Варшаву.

После этого саксонский курфюрст, оставшийся без польского трона, уезжает в Краков; одна часть его войска отправляется осаждать Познань, другая часть остается в Варшаве в качестве гарнизона. Карл XII вновь возвращается и захва-



тывает Варшаву и тут же устремляется в погоню за отступившими из столицы саксонцами, которым, несмотря на очередное поражение при Пунитце, удастся ускользнуть в австрийскую Силезию. Шведы отыгрались на малороссийских казаках, которых союзники лишили лошадей. По шведским источникам, все 2000 казаков были уничтожены⁹¹.

После этого на всем театре военных действий наступило затишье. Ключевым пунктом стратегии русской армии на ближайшие кампании становится Гродно. Все пути, отходившие от этой крепости, были ключевыми для оборонительной тактики, избранной Петром I и позволяющей предугадать замыслы противника. От основной шведской армии Гродно прикрывало южное направление, к Киеву — через Брест и Луцк (540 верст) или через Пинск и Луцк (700 верст); северо-восточное, к Петербургу и только что завоеванной Ингрии, — через Полоцк и Витебск; и восточное, к Москве, — через Минск и Смоленск.

Важным было также северное направление, к Риге и Полоцку, как коммуникационная линия, сообщавшая шведскую армию в Польше с гарнизонами Лифляндии (в первую очередь с Ригой, а значит, и с самой Швецией).

Фельдмаршал Огилви⁹² занял Гродно, Меншиков с авангардом — Тыкоцин⁹³, Мазепа получил приказание направить к Львову 15 000 казаков⁹⁴.

Гродненская операция представляет собой любопытный в военном отношении эпизод Северной войны как первое «сидение». Стягивание русских войск из Курляндии и других мест к Гродно заняло три осенних месяца, и к ноябрю 1705 года русская армия расположилась: пехота — в окрестностях Гродно и отчасти Тыкоцина, конница — от Августова до Пултуска, причем драгуны составили охранительную линию квартирного расположения русской пехоты.

7 декабря 1705 года царь покинул ставку и отправился в Москву. Главное командование принял на себя король Август. Надо отметить, что, кроме русских войск, в армии присутствовал и саксонский корпус генерала Шуленбурга, численностью около 6000 человек. Русскими войсками командовал фельдмаршал Огилви, конницей — Меншиков.

Прибыв в Москву, Петр немедленно отправил в армию 500 рекрутов, в основном для пополнения драгунских полков, понесших большие потери в сражении под Гемауертсгофом. Пехота получила пополнение раньше⁹⁵.

Конец 1705 года ознаменовался для русской армии еще одним царским указом, связанным с большим количеством беглых дезертиров. Перед войсками было зачитано: «...за побег со службы и из полков из трех человек (сбежавших и пойманных. — *А. Ш.*) казнить одного с жеребья (по жребию. — *А. Ш.*), и при казни быть всем тех полков солдатам, с ружьями, со знаменами и с барабанами, а двух, бив кнутом, отсылать вечно на каторгу. Самовольно из бегов являвшихся солдат наказывать кнутом же и отсылать в работу на пять лет, и после определять паки в солдаты»⁹⁶.

Карл XII наконец осознал всю опасность, исходившую от возрожденной и окрепшей русской армии, и принял решение ее разгромить. Зимой 1705 года его, казалось, не могли остановить ни лютые морозы, ни отставшие резервы. Карл XII стремительными переходами приближался к русским. Когда шведы уже обходили Тыкоцин, обеспокоенный Август II собрал в Гродно военный совет, чтобы обсудить три вопроса:

Идти ли навстречу неприятелю и атаковать его прежде, чем он соединится с другим корпусом шведских войск?

Ожидать ли неприятеля в Гродно в ретраншементе и крепко защищаться?

Отступать ли и куда?

Под давлением Августа большинством голосов было принято решение отступать. Протокол в тот же день был отправлен царю на утверждение. В ожидании ответа русская армия оставалась в Гродно, расположившись внутри города, близ оборонительного вала, прикрытого широким рвом и защищаемого многочисленной артиллерией.

Конница, шесть полков бригады Ренне (Волконского, Пфлуга, Гейнсина, Горбова, Штольца и Ренне) продолжала стоять неподалеку, по течению реки Нарев.

После быстрых изнурительных маршей 13 января 1706 года шведы показали перед Гродно, на левом берегу Немана. Они шли тремя колоннами, в боевом порядке, с артиллери-



ей. Обоз отстал. Переночевав, рано утром шведы продолжили движение и проследовали мимо Гродно. В трех верстах ниже по течению Немана Карл остановил марш своей армии. Сам же с шестью сотнями гвардейских grenадер спустился на лед реки, построил их в боевой порядок и быстро с примкнутыми штыками двинулся на правый берег Немана, где засели спешенные русские драгуны. После незначительной перестрелки драгуны сели на коней и отступили в Гродно, где стали позади пехоты, посередине боевого расположения русской армии.

В тот же день вся шведская армия переправилась через Неман и выстроилась у деревни Девятовцы, в трех верстах перед Гродно, между ковенской и виленской дорогами. На следующий день шведы подступили под самые верки города. Король лично выехал вперед и осматривал укрепления Гродно. Из города открыли огонь, все изготовились к отражению штурма.

Но силы шведов также были на пределе, и вместо решительного штурма началась осада. Шведы во всем терпели недостаток, и, чтобы облегчить снабжение армии продовольствием, Карлу пришлось широко разбросать войска в окрестностях Гродно, а в результате — отдалится от самого города.

Этим обстоятельством решил воспользоваться Август II, чтобы вырваться из Гродно и покинуть вверенную ему армию. 17 января темной ночью саксонский курфюрст исчез из Гродно, в сопровождении 600 саксонских кавалеристов и... четырех русских драгунских полков, которым он приказал следовать за ним. В городе остались лишь два полка — Горбова и Штольца.

Надежды русских на помощь саксонцев не оправдались. 2 (13) февраля 1706 года под Фрауштадтом⁹⁷ в двух-трехчасовом сражении шведский фельдмаршал К. Г. Реншельд всего с 12000 войска, не имея ни одной пушки, разгромил 18300 саксонцев и 6362 русских с 31 пушкой, пленив 7300 человек⁹⁸. Была использована так называемая тактика двойного охвата, словно скопированная у Ганнибала, одержавшего победу над римлянами у Канн в 216 году до н. э. Эта победа оценивается как одна из наиболее блестящих в истории шведской ар-

мии. Она же может быть названа самым темным пятном позора на мундире шведского солдата. Взятые в плен саксонцы перешли на шведскую службу, а русские перебиты «за бесполезностью»⁹⁹. Пленных солдат резали, «как овец на бойне», протыкая пиками сразу по несколько человек, а потом еще в течение двух дней выискивали среди саксонцев, выводили и простиливали головы¹⁰⁰.

Огилви беспрестанно писал Петру, то жалуясь на бедственное положение, то ругая плохо подчинявшихся ему драгун: «...конницу ни к малому действия не могу употреблять, ибо она так утомлена и ослабела... драгуны обвыкли токмо в деревнях сидеть, доброй стражи не имеют, с мужиков водку, ветчину, куры, гуси ограблывать...»¹⁰¹, то, скорее, все-таки вынужденно, отмечая заслуги драгун в снабжении войска: «...понеже через кавалерию из Тикотина 2641 мешок муки счастливо привезли»¹⁰², то чуть позже опять жалуясь, «как мало те 6 драгунских полков могут употребляться к службе; они не отличились ни одним делом; только грабят и разоряют»¹⁰³.

Петр отправил Огилви решительную инструкцию — вывести войска из Гродно с подробными указаниями порядка и способа выступления. По его распоряжению, отступление армии должно было начаться сразу после вскрытия рек, а направление отступающей армии было назначено Петром на Брест или Пинск. Инструкцией определялись и действия кавалерии — «по выступлению конницу оставить позади, чтоб была в траншаменте и у моста до самого утра, или и долее, смотря по делу, чтобы неприятель не мог помешать выходу». Вместе с тем Петр сосредоточивал в Минске силы для оказания помощи осажденным — около 12 000 человек; гетману Мазепе было приказано идти туда же.

Карл XII хоть и удалился от Гродно на семьдесят верст, расположив свою ставку в местечке Желудок, но его отряды зорко следили за всеми подходами к Гродно. Шведский король также стягивал дополнительные силы. 19 февраля 1706 года в Гродно прибыл разведчик из Новогрудок, посланный от полка Боура, который сообщил, что шведские войска расположены в Белицах, Каменке и Орле, где шведы строят мост через Неман; в Вильно выслано 900 кавалеристов; в Но-



вогрудке ожидают поляков Сапеги, которого планируют отправить к Минску. Шведы усиленно обирают местное население, особенно фураж, который изымается подчистую. При этом доставка в шведский обоз вина была запрещена, так как в одну ночь умерло от отравления сразу 200 шведских солдат — это была месть польских крестьян-курпов¹⁰⁴.

Наступала весна, и вскрылись реки. Мост, выстроенный шведами близ Орла, был снесен, гродненский мост — единственный путь отступления русской армии — уцелел. С началом весеннего ледохода, в Пасху 24 марта, русским удалось выскользнуть из окружения, обманув шведов оставленными в окопах драгунами¹⁰⁵, которые сначала жгли огромное количество костров, изображавших все войско, а затем легко оторвались от преследования. Когда шведы обнаружили, что противник исчез, поздно было. Карл бросился в погоню, но был остановлен весенней распутицей. Таким образом, русские спокойно отошли к Бресту¹⁰⁶.

Русская конница двигалась в арьергарде все время на виду у противника. 13 апреля Карл XII попытался атаковать бригаду Ренне и лично, обнажив шпагу, бросился во главе двух гвардейских батальонов в разделявшую противников речку Ясельду и по пояс в воде перешел ее в брод. Но драгуны уклонились от боя и продолжили отступление, портя дороги и разрушая за собой мосты. Русские дали крюк в 400 верст и оказались у Киева, оставив небольшие отряды в Полесье, куда ринулся Карл. Зачем он пошел туда, никто не понимал. Сам Карл объяснял это желанием наказать Вишневецкого — сторонника Августа. У этого магната здесь имелись огромные поместья. Но в апреле весь край превратился в одно сплошное озеро. Редкое население, прячась в лесах и за болотами, истребляло мелкие шведские отряды, направленные в поисках провианта. Узкие дороги русские перегораживали редутами и встречали шведов огнем. В этих стычках Карл сам несколько раз ходил в штыковые атаки.

В местечке Ляховичи шведам преградил путь Переяславский полк И. Мировича¹⁰⁷. 15 апреля 1706 года казаки осуществили здесь вылазку, в которой были убиты 30 шведских солдат, 50 ранены и несколько взяты в плен¹⁰⁸. Мазепа попытался оказать помощь И. Мировичу, направив отряд мирго-

родского полковника Д. Апостола от Клецка, однако он был разбит шведами, и дело кончилось сдачей И. Мировича. Как следует из челобитной в Сенат вдовы Мировича Пелагеи, он скончался в 1707 году в плену, находясь в Швеции — «увезен за море, в Готтембург (видимо, Гётеборг. — *А. Ш.*), и там в полоне умре»¹⁰⁹.

Эти события окончательно убедили Петра в невысоких боевых качествах малороссийских казачьих полков, и у него созревает решение начинать постепенно привлекать гетманских казаков на службу в драгунские полки, а также переводить их в разряд компанейцев, то есть наемников-профессионалов.

Лишь 23 апреля добравшись до Пинска, Карл осознал всю бессмысленность преследования русских. Видя, что настигнуть их он не может, король расположился в окрестностях Луцка и Дубно. Здесь он простоял без движения целый месяц, после чего решил идти в Саксонию, против Августа. Реншельд предлагал другой план: «Двинуться на север, выбить русских из Лифляндии, разрушить Петербург». И приводил разумные доводы: «Войск у Петра там мало, через Ревель, Выборг, Ригу мы можем получить все необходимое из Швеции».

Но король напоминал гончего пса. Он ничего не видел, кроме ускользающей дичи. «Сначала Август!» — отрезал он, и спорить было бесполезно.

Шведы вновь прошли Речь Посполитую из конца в конец. В сентябре они были уже в Силезии и вошли в Саксонию. Август бежал из своего курфюршества и укрылся снова в Кракове, безучастным зрителем наблюдая, как гуляют шведы по его наследственным владениям.

Глава 6

В Литве и на Украине. 1706–1708 годы

В конце концов шведский король полностью разгромил Августа и заставил его отречься от престола в пользу Станислава Лещинского, а заодно и от союзнических обяза-



тельство по отношению к России. 25 августа 1706 года Август тайно, через уполномоченных, согласился на так называемый Альтранштадтский мир.

Фельдмаршал Огилви к этому времени был заменен Репниным, а всей конницей командовал Меншиков. Репнину было приказано следовать к Киеву, а Меншиков с конницей (около 17 000 человек)¹¹⁰ расположился в окрестностях Дубно. Узнав о сосредоточении русской кавалерии, Август II с 15 000 саксонских и польских войск двинулся к Люблину. Меншиков, в свою очередь, узнав о движении Августа, пошел ему навстречу, и 16 сентября русская и саксонские армии соединились в 30 верстах от Люблина.

Меншиков тут же предложил совместными усилиями разгромить шведский корпус генерала Мардефельда¹¹¹, оставленный Карлом XII в Польше. К шведам подошли также польские войска сторонников Станислава Лещинского — под командованием Сапеги, Потоцкого и Любомирского. Корпус А. А. Мардефельда (6 батальонов и 23–26 эскадронов — всего 4538 человек) был сформирован по остаточному принципу — лучших Карл XII забрал с собой в Саксонию. Корпус состоял из уроженцев германских владений Швеции, а также баварцев, швейцарцев и французов, перешедших под знамена Карла XII при Фрауштадте. Из «природно-шведских» полков были лишь кавалеристы полковника Г. Горна — Северо-Сконский полк¹¹². По мнению самого Мардефельда, боевой дух его полков не был высоким: «...оставшиеся в Польше части проявляли большое недовольство, а некоторые впали в глубокую подавленность, так как сочли, что к ним Его Королевское Величество относится с некоторым пренебрежением, отсортировав их, как негодные»¹¹³.

Сосредоточив около 32 000 человек, Август перешел Вислу 23 сентября и расположился в городе Петрокове. Спустя два дня здесь же он подписал условия Альтранштадтского договора, который доставил ему из ставки шведов секретарь Инфингстен. Ничего не подозревая, Меншиков со всей конницей шел вперед, даже бросив обозы. Неподалеку от Петрокова к нему присоединилось 5000 украинских казаков.

Получив известие о движении русско-саксонской армии, Мардефельд, стоявший около месяца в Варте, пере-

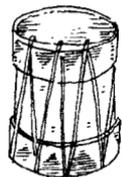
шел к 1 октября в Калиново, приказав великому коронному гетману Юзефу Потоцкому с 13 000 войска занять Виндаву. Меншиков отправил туда же Ренне с 300 драгун, всех казаков и калмыков. Ренне атаковал поляков так стремительно, что Потоцкий обратился в бегство, оставив до 600 человек убитыми. Несколько десятков пленных было распластано калмыцкими саблями по приказу Меншикова, который, возможно, думал этим сбить гонор с приверженцев Лещинского¹¹⁴.

Разъездами было установлено, что Мардефельд занял сильную позицию к западу от Калиша, за рекой Просно. Меншиков настойчиво убеждал Августа II атаковать шведов.

Положение саксонского курфюрста, скрывавшего от русских заключенный им с Карлом XII мирный договор, было крайне щекотливым — он не мог сражаться с Мардефельдом, чтобы не разгневать шведского короля, и не мог рассказать обо всем русским, боясь выглядеть изменником в глазах Петра. Август дважды посылал к Мардефельду известия о заключенном мире, убеждая его заблаговременно отступить, но шведский генерал, не имея никаких распоряжений от своего короля, не верил Августу, тем более что конница Меншикова теснила его со всех сторон. И еще один любопытный факт «сложного» положения, в котором пребывал саксонский курфюрст, — поиздержавшийся Август занял у Меншикова 10 000 ефимков. «Зело о деньгах скучает король и просил у меня со слезами. Говорит — есть нечего. Видя его скудность и дал ему своих», — писал Меншиков Петру¹¹⁵.

Август, принужденный уступить настойчивости Меншикова, согласился атаковать Мардефельда, не теряя надежды, что Мардефельд вовремя получит от Карла XII известие о заключенном с саксонцами мире и отступит. 15 октября Меншиков и Август форсировали реку Просно чуть выше Калиша, взяли влево и прижали шведов к реке. Казаки с калмыками преграждали противнику единственный путь к отступлению. Единственное, что сделал король, — это формально самоустранился от командования польско-саксонскими силами, передав его генералу М. Бранту.

«По отправлении воинской думы» было решено атаковать шведов. На правом фланге встала вся русская конница Меншикова, на левом саксонская Августа — 14 полков. По цен-



тру поляки Ржевусского и Синявского — около 10 тысяч человек. В тылу у противника казаки и калмыки. Против них стояли шведы — по центру, в первой линии, 15 эскадронов вперемежку с 4 батальонами пехоты, во второй — 8 эскадронов и 2 батальона пехоты, по флангам 20 тысяч поляков Потоцкого и Сапеги.

Полагая, что лучший способ обороны — нападение, шведский генерал ничего не сделал для инженерной подготовки поля сражения — ни редутов, ни испанских рогаток. В головах шведских военачальников прочно сидел шаблон — разваливать линии противника стремительной атакой.

В два часа 18 октября началась пушечная стрельба. Вскоре оба фронта сблизились и вступили в бой. Первой пошла русская кавалерия первой линии — личный «шквадрон» Меншикова и 8 драгунских полков. Драгуны смяли польские полки Потоцкого и Сапеги, которые обратились в бегство. Опрокинув поляков, русские оказались под ударом шведской кавалерии. Но увлеченные преследованием семи полков русской первой линии шведы оторвались от пехоты и оказались охваченными с флангов свежими эскадронами второй линии; они были разгромлены, и лишь генералу фон Крассову, командовавшему шведской кавалерией, удалось уйти в Познань с пятью сотнями сконских кавалеристов.

Перед русским драгунами осталась шведская пехота второй линии, выстроившаяся в каре, — померанский батальон полковника К. Горна и баварский батальон полковника Г. В. Гертца. К ним присоединились 60 кавалеристов из разных полков, остатки французских гренадер и несколько потерявших свои части офицеров¹¹⁶.

Первая конная атака захлебнулась, ибо пехота стояла нерушимо. Тогда драгуны спешили и вновь пошли вперед. Но шведы крепко стояли и дрались отчаянно. Только после нескольких штыковых атак они дрогнули, а когда увидели, что русские подтащили пушки и готовятся расстрелять их в упор, Мардефельд распорядился бить сигнал о сдаче. Капитуляцию приняли генералы Ренне и Боур. Так закончилось славное дело под Калишем. Боевой дух шведов неуклонно снижался. По уже известной нам формуле он был равен 1,1 (3000:2740, то есть на 3000 погибших пришлось 2740 пленных). Потери

русских, по сообщению Меншикова, составили 84 убитых и 324 раненых, что вообще-то вызывает сомнение.

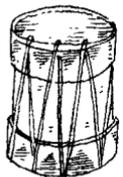
Обрадованный победой Меншиков писал царю: «Не в похвалу, вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как все поле мертвыми телами устлано. И сею преславною виктори-ей вас поздравляю и глаголю: виват, виват, виват! Дай Боже и впредь такое оружию нашему счастье, чего всесердечно желаю».

В ответ на это Петр прислал Меншикову трость, украшенную гербом князя и большим изумрудом, усыпанным алмазами. Офицеры получили золотые, а солдаты серебряные медали: на одной стороне изображен Петр в латах и в лавровом венке, кругом надпись: «Царь Петр Алексеевич»; на обороте изображена рука, выходящая из облаков, венчающая всадника, скачущего по полю с жезлом в руке, по кругу надпись: «За верность и мужество».

Драгуны дрались в пешем строю против шведской пехоты и, опрокинув ее, уже в седлах, закончили разгром противника. Это было началом конца победоносного шествия Карла XII и его армии. Было еще много сражений, и не раз шведы выходили из них победителями, но приближалось торжество русского оружия. Цепь, казалось бы, случайностей уже складывалась для шведов в закономерность.

Победа при Калише передала всю Польшу в руки союзников, но ее значение умалось действиями самих союзников. Стараясь смягчить свою вину перед Карлом XII, Август, уговорив Меншикова отдать ему всех шведских пленных, приказал их освободить и отправить в Померанию, а сам поехал в Саксонию, дабы выпросить прощение у шведского короля. Но это не помешало Карлу XII 15 ноября 1706 года обнаружить Альтранштадтский договор.

Конница Меншикова была переброшена в Галицию и заняла зимние квартиры в Жолкве. Сюда же в конце декабря прибыл сам Петр. В связи с изменой союзников планировавшийся ранее поход Меншикова против Левенгаупта откладывался. В Жолкве собрался военный совет, куда, кроме царя, прибыл и Шереметев, только что завершивший усми-



рение бунта в Астрахани. Постановили следующее, собственноручно Петром внесенное в «Гисторию Свейской войны»: «В Жолкве был генеральный совет, где дать с неприятелем баталию: в Польше или при своих границах. Положено в Польше не давать, понеже ежели б какое несчастье учинилось, то трудно было бы иметь ретираду; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах и партиями, а также оголожением провианта и фуража томить неприятеля. К чему и польские сенаторы многие совет свой дали». Насчет польских магнатов неизвестно, а вот большинство историков отмечают, что данное предложение исходило от Шереметева, но было поддержано Петром.

С тактической точки зрения, учитывая тот факт, что русские в боевом отношении уступали еще шведам и не могли рассчитывать на серьезный успех в открытом бою против армии самого Карла XII, зато преуспели в малой войне, этот план соответствовал характерным особенностям местности, которая становилась театром предстоящих военных действий — много лесов, сложный пересеченный рельеф, многочисленные реки, ручьи и болота, а также относительная малонаселенность района.

Во всех своих предприятиях Карл XII мало заботился об устройстве базы и обеспечении своих коммуникационных линий. Весь успех он видел лишь в выигрыше сражения, внезапности и смелости своих решений. Его войска получали довольствие со складов лишь во время длительных стоянок, во время стремительных маршей они или везли все с собой в обозе (это были небольшие объемы припасов), или же брали у местных жителей. План, принятый на совете в Жолкве, сводился к тому, чтобы шведы уже ничего не могли найти у жителей, а потому должны были все везти с собой. Это требовало создания громадных обозов, затруднявших передвижение армии, и все равно обеспечивало ее припасами ненадолго¹¹⁷.

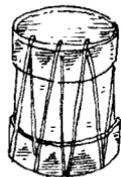
Выполняя решение совета в Жолкве, русская армия отошла к границам: к началу 1707 года пехота сосредоточилась в Волыни у Острога и Дубно, а конница была передвинута к Висле.

Ввиду слухов о движении Левенгаупта из Лифляндии в Россию был выставлен заслон — генерал Алларт¹¹⁸ с пехотной дивизией занял Минск и Полоцк, а по течению рек Западной Двины, Десны и Вилии выдвинуты кавалерийские заставы, сформированные из двух драгунских полков — Волконского и Горбова, трех польских хоругвей, а также казаков, татар и калмыков. Левенгаупт действительно предпринял поход, но, дойдя до реки Свенты, повернул обратно — он не имел четких указаний короля.

В сентябре 1707 года Карл XII двинулся на восток. Из Саксонии с ним шла 34-тысячная армия, в Лифляндии стоял 16-тысячный корпус Левенгаупта, в южной Финляндии — 15 тысяч генерала Либекера. Начинаясь последний поход каролинов.

Еще с лета три кавалерийских отряда под командованием генерал-поручика Ренне, генерал-майора Гейнскина и полковника Шульца методично разоряли воеводства Польши, громили немногочисленных сторонников Станислава Лещинского, жгли деревни, портили воду в источниках и колодцах, ломали мельницы и увозили или уничтожали все, чем мог воспользоваться противник. Карл XII направил Реншельда с 6000 человек, чтобы отрезать отряд Гейнскина, действовавший в Познаньском, Калишском и Ленчицком воеводствах, от основных русских сил. Но Гейнскин вовремя отступил, соединился с Ренне и вместе они прибыли в Варшаву, где находился Меншиков.

Перейдя польскую границу, Карл продвинулся до местечка Слунце, где простоял весь октябрь. Эту остановку шведов Меншиков принял за прекращение военных действий в этом году и выступил из Варшавы, предполагая уже размещаться на зимние квартиры. По той же причине было решено отправить пять драгунских полков¹¹⁹ в Дерпт для активизации действий против шведов в Лифляндии. Но из пяти полков два не дошли. По дороге к Дерпту подполковник Нащокин, командовавший полком князя Григория Волконского¹²⁰, узнал о вспыхнувшем на Дону восстании казаков Кондрата Булавина, переменял без всяких указов маршрут и направился с полком прямо в Москву. По этому поводу Петр писал Меншикову из села Преображенского 21 декабря



1707 года: «Полки Гагарина и Волконского ныне к Шомбурху поспеть не могут, понеже Гагарина лошади зело ленивые, а Волконского полк... для казачьего дела повернулся к Москве, не дождавшись других указов; и не ведали мы, как тот дурак подполковник то учинил, покамест сам к Москве приехал и сказал, что полк его в двадцати верстах отсель. Однако ж мы сему дали полку две недели здесь постоять и потом отправим его к Шомбурху». Но события разворачивались таким образом, что все полки были возвращены назад.

Карл XII, усилившись рекрутами, прибывшими из Померании и Швеции, в конце октября двинулся к Висле, которой достиг за пять переходов. Здесь он опять остановился в ожидании, пока река замерзнет. Как только установился лед, шведы переправились на другой берег и широким 30-верстным фронтом передовыми частями стали приближаться к Гродно.

21 декабря сюда прибыл царь и на другой день предписывал Меншикову: «...понеже мы сего часу получили ведомость, что неприятель со всем корпусом уже в 12 милях отсель обретается, того для сам изволь немедленно идти с конницей, которая при тебе, к Вильно... провиант и фураж жечь по сторонам и позади везде, который хотя в житницах или в чем ином, которое невозможно забрать с собой, а который возможно на быках забирай с собою, понеже обое годно, также бараны и прочую живность, токмо когда будешь у Вильны или близко той дороги, которая от Вильны до Полоцка, закажи чтоб не жгли, для того чтоб было нам чем идучи назад прокормиться».

К концу января 1708 года Карл вышел к Гродно. Он вел себя, как гончий пес. Сначала он носился за Августом, теперь настала очередь Петра. Но Петр ускользнул. Русские отошли за Двину, оставив у Гродно заслон с бригадиром Мюленфельсом — оборонять мост. Впрочем, увидев приближающийся авангард шведской конницы, Мюленфельс сбежал, а мост не сжег! Карл сам повел в бой восемьсот своих драгун. Но вместо армии Петра ему достался разоренный и полусожженный город.

Мюленфельса обвинили в измене, взяли было под арест, но в общей кутерьме отступления бригадир сбежал и подался к шведам. Измена ему зачтется позднее.

Захватив город, Карл расположился на отдых, поджидая всю армию. Но тут внезапно появились русские драгуны. Завязался бой, в котором король рубился наравне со своими гвардейцами. Знали бы русские, что сам Карл дерется с ними, глядишь, и блеснула бы удача. Карл отбивался отчаянно, сам зарубил двоих, пока подоспела помощь — два шведских драгунских полка. Правда, пока они подходили, русские успели отступить.

Карл метнулся догонять русскую армию, но, сделав десять переходов в направлении Сморгони в условиях сильнейших морозов по опустошенной местности, остановился, поскольку совершенно утомил и расстроил свои войска. Каролинская армия встала широкими квартирами вокруг Сморгони, имея тыл откинутым к Вильно и Гродно, а фронт на полпути от Сморгони к Минску. Каково приходилось шведам, можно судить по замечанию Шереметева, шедшего во время отступления в русском авангарде: «Нужда великая, взять негде, деревни, которые есть, все пусты. Не токмо провианту сыскать невозможно, но и жителей никого нет!» Условия, в которых передвигались шведы, были значительно хуже.

По соображениям, что раньше «травы» шведы вперед не двинутся, русская армия также встала на зимние квартиры. Конница разместилась вокруг Могилева и по обоим берегам Днепра. Вся конница была разделена на четыре бригады¹²¹ — Меншикова, Гольца, Пфлуга и принца Гессен-Дармштадтского. Главная квартира пехоты была в Витебске; дивизия Шереметева, полки дивизии Репнина в Чашниках, дивизия Алларта расположились в окрестностях Почаевичей, Лукомли и далее вдоль реки Уллы к Полоцку. Общая схема расквартирования была составлена сообразно со средствами края, удобством размещения и, главное, с учетом возможности быстро собрать войска при необходимости.

Таким образом, главная армия Шереметева и Меншикова прикрывала самое опасное белорусское направление; в нее входило 38 100 человек пехоты и артиллерии, 33 000 — кавалерии. Здесь же находились 6000 донских казаков и 4000 калмыков. Драгунский корпус генерала Боура (6500—7000 человек) держал рижское направление. В Ингерманландии и Пскове стояла армия Апраксина — 50 000 человек. Украину защища-



ли войска Д. Голицына, расположенные гарнизонами в Киеве, Чернигове, Нежине и Переяславле. Итого: около 140 000 человек (не считая войск Балтийского флота)¹²².

От Мазепы требовалось направить в Литву и Белоруссию Стародубский, Черниговский, Нежинский, Переяславский и четыре компанейских полка — всего 9100 казаков; а также в Польшу, против сторонников Лещинского, — Киевский, Гадячский и Белоцерковский полки — 5000 казаков. В связи со вспыхнувшим на Дону бунтом Булавина туда был направлен Полтавский полк И. Левенца и два компанейских.

Можно предположить, что с учетом значительных потерь полков за семь лет войны в распоряжении гетмана оставалось около 15—17 тысяч казаков; ему были подчинены также 2000 человек бригады, которой командовал генерал Анненков.

Таким образом, общая численность русских войск составляла около 175—180 тысяч человек. Главные силы шведской армии состояли из 34—35 тысяч человек, корпус Левенгаупта имел 16 тысяч человек, финляндская армия Любикера — 12—15 тысяч, резерв генерала фон Крассова, оставленный в Польше, — 8 тысяч человек. Итого: около 75 000 человек.

К этому времени относятся два события, весьма важных для всей русской армии. Давно уже ощущались значительные неудобства и даже путаница от названий полков по именам их шефов или командиров. Шефы менялись, а с ними и названия, которые канцелярии не успевали исправлять. 10 марта 1708 года последовал царский указ о наименовании полков по городам и провинциям. Одновременно вся Россия была разделена на восемь губерний, из которых каждая, в виде натуральной повинности, обязывалась содержать несколько полков.

По мере расположения полков на квартирах их приводили в порядок. Основное внимание уделялось укомплектованию и обеспечению вооружением. В это же время в войска поступила инструкция для конницы, носящая название «Учреждение к бою», что позволило более основательно и целенаправленно уделить внимание подготовке драгун.

Весна и лето 1708 года выдались чрезвычайно дождливыми. Тем не менее 5 июня Карл XII перешел в наступление. 7 июня он подошел с главными силами к Минску, оттуда

двинулся к Березине, взяв с собой трехмесячный запас продовольствия. Еще в Сморгони Карл XII узнал о волнениях на Дону и восстании башкир. Это подвигло его изменить план кампании и принять решение идти на Москву через Смоленск; при этом корпусу Левенгаупта был отдан приказ выдвигаться из Лифляндии.

Дорога на Москву открывалась в Смоленске. Именно этот город и был обозначен в качестве направления движения Левенгаупту. Генерал стал деятельно готовиться к выходу — на его долю выпало доставить к армии Карла обоз, что было жизненно необходимо. Все понимали, что поход в глубь Московии будет протекать по выжженной и пустынной равнине.

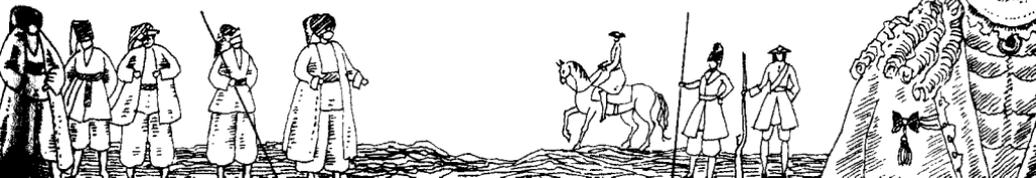
Прорыв шведов через Березину был исполнен блестяще. Уже 14 июня, опрокинув небольшой заслон, они заняли оба берега Березины и тотчас приступили к наводке моста.

Русская армия тем временем отходила к Днепру. Карл XII продолжал двигаться вперед, но скорость его переходов не превышала восемь верст в день — «великие грязи», бездорожье, болота, ненастная погода, а также «добрая зарубка» дорог и разрушение мостов арьергардами русских войск делали свое дело.

Планировалось, что русская армия сосредоточится в трех районах: в центре, у Шклова, — пехота Шереметева и конница Меншикова, южнее, у Могилева, — Репнин и Гольц, севернее, при Орше, — Алларт и Пфлуг. Артиллерия должна распределиться между пехотными дивизиями, тяжелые обозы — отойти еще дальше к границе.

4 июля 1708 года Карл вышел на русские войска у Головчина. Шереметев считал, что его позиция удачна: позади лес, впереди болотистый берег речки Бабиц, укрепленный шанцами. Никаких дополнительных сил к Головчину фельдмаршал не подтянул, а наоборот, рассредоточил свои полки по широкому фронту. Пехотная дивизия Алларта и кавалерийская бригада Пфлуга стояли севернее Головчина, отрезанные от него непроходимым болотом.

Карл не был бы Карлом, если бы заставил себя долго кружить и выбирать место для сражения. Он внимательно осмотрел все окрестности и определил оптимальное место для



атаки. По центру позиции, за солидными оборонительными сооружениями, за валами и испанскими рогатками стояла 14-тысячная дивизия Шереметева — 18 батальонов пехоты с артиллерией и драгунская бригада. Несколько южнее, через болото, также укрывшись за полевыми фортификационными сооружениями, располагалась 7,5-тысячная дивизия Репнина с 10 пушками. Еще ниже — кавалерия Гольца (10 тысяч драгун генералов Инфланда, Гейнсина и принца Фридриха Гессен-Дармштадтского). Всего у русских под Головчином было сосредоточено около 38 тысяч человек — чуть больше, чем насчитывала вся армия Карла XII, но к сражению Карл смог подтянуть лишь 12 тысяч солдат.

Король решил переправиться через реку Вабиц, выйдя прямо на болото, разделявшее дивизии Шереметева и Репнина, и затем, выбравшись на твердую почву, зайти им в тыл. Он сам повел в ночную атаку пять пехотных полков, одним ударом разрезал боевой порядок Шереметева и обрушился на левый фланг русских, где стоял корпус Репнина. «Многие полки пришли в конфузию, непорядочно отступили, а иные и не бились, а которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем».

Это Петр так записал в своем журнале. И абсолютно правильно все отразил. Полки Репнина бежали в панике, но в реляции, Петру поданной, объяснили, что хотели по казацкому примеру отступить и выманить Карла на укрепленный деташемент, коего не было и в помине...

Репнин запаниковал при виде шведов, пробирающихся по болоту, и немедленно послал адъютантов к Шереметеву и Гольцу за помощью. Первые же гранаты, брошенные гренадерами Карла XII в русские окопы, произвели ошеломительный эффект. Вместо того чтобы атаковать и сбросить шведов обратно в болото, которое они преодолели с большими сложностями, Репнин приказал отступить — хотя нападению подвергся лишь правый фланг его дивизии, — вместо того чтобы перебросить резервы с бездействовавшего левого фланга. Но вывести из окопов 7500 человек оказалось не так просто, и это привело к потерям — почти семь сотен убитыми, столько же ранеными и столько же пленными; шведам достались все 10 пушек, бывших при Репнине.

Суд приговорил Репнина к лишению жизни. Но затем приговор смягчили: чина лишить, от корпуса отрешить, поставить в строй рядовым, а за утрату имущества казенного взыскать по полной. С солдатами поступили хуже. Тех, кто имел ранение в спину, — повесили.

Шведам тоже досталось. Потери убитыми и ранеными составили 1474 человека.

Простояв около двух дней на позиции, отбитой у русских под Головчином, Карл добрался 7 июля до Могилева и остановился в ожидании Левенгаупта. По расчетам королевской ставки, Левенгаупт должен был делать приблизительно пятнадцать верст в день, соответственно, его прибытие ожидалось к 22–25 августа 1708 года¹²³.

Бесцельное стояние шведской армии сопровождалось непрерывными налетами казаков и калмыков. Участник того похода гвардейский полковник К. М. Поссе отмечал их действия в своем дневнике: «4 августа... переправились через Днепр и украли 30 битюгов... 5 августа... опять переплыли через реку и увели 12 лошадей...» и т. д.

Застоявшийся в ожидании Левенгаупта Карл приказывает начать движение на восток в направлении Мстиславля; после этого происходит несколько довольно неудачных для шведов столкновений с русскими; при этом повсюду видно зарево горящих деревень, уничтожаемых по приказу русского царя.

В это время Карл XII принимает решение в третий раз изменить план кампании и повернуть на Украину. Его уговаривают вернуться к Могилеву и подождать Левенгаупта, но король не хочет идти назад, ибо расценивает это как отступление. Он приказывает идти на Украину ускоренным маршем, там можно будет в конце концов соединиться с Левенгауптом и получить подкрепления из Польши. Приблизительно 4 сентября 1708 году выступает отряд Лагеркроны, за ним следует и вся шведская армия¹²⁴.

Левенгаупт пребывал в некотором смущении. Ему с самого начала было указано только направление движения, но не место соединения с основной армией. Генерал знал, что король не любит распространяться о своих планах. Но не до такой же степени. Это походило на русское: «Пойди туда —



не знаю куда!» А ведь в его обозе под охраной 12 950 солдат и шестнадцати орудий ташилось восемь тысяч нагруженных доверху повозок.

Почему Карл не дождался Левенгаупта? Этот вопрос до сих пор мучает историков. Одни видят причину в медлительности шведского генерала, другие — в горячности короля. Конечно, Левенгаупт двигался осторожно и неторопливо. Он имел уже опыт боев с русскими и давно утратил по отношению к ним высокомерную презрительность. Генерал понимал, насколько важен его обоз для каролинской армии и насколько важно для русских не допустить их соединения.

Карл, разумеется, тоже прекрасно понимал важность воссоединения с Левенгауптом, но подчинялся обстоятельствам. Могилев и его окрестности были давно разорены¹²⁵, взятые с собой припасы закончились, армия голодала, впереди лежала Московия. Карлу известен был приказ Петра: «...хлеб стоячий на поле и в гумнах жечь, не жалея, убранный вывозить, при невозможности прятать, мельницы и жернова закопать в землю или утопить, дабы хлеб молоть нечем было, строения и мосты портить, леса зарубать. А ежели кто повезет к неприятелю, хоть и за деньги, будет повешен»¹²⁶.

Шведский король переправился через Днепр и пошел вперед, по-прежнему преследуя отступавших русских. Движения сторон не отличались поспешностью. Часто одну армию от другой отделял один переход. Шведы часто останавливались на ночлег в тех же местах, где накануне стояли русские, которые, уходя, все припасы забирали с собой, а все, что не могли забрать, уничтожали. Кроме того, шведов постоянно беспокоили наскоки русских драгун: 29 августа у села Доброе, 7 сентября неподалеку от Малейкова, 9 сентября в полумиле от Кадина. Причем в последнем бою участвовал сам король, и под ним была ранена лошадь¹²⁷.

Возможно, после этого сражения Карл почувствовал, что еще немного, и дух его армии упадет. Обессиленные солдаты нуждались в отдыхе и нормальном питании. 18 сентября шведы переправились через Сож и повернули на юг в Северскую область. Но и здесь их ожидания не сбылись.

Между тем Меншиков — а с ним 10 драгунских и 3 пехотных полка с батальоном астраханцев — бросился наперерез

Левенгаупту. Шведы уходили к Шклову, где намечалась переправа через Днепр. Левенгаупт чувствовал, что ему наступают на пятки, и поторапливал свой корпус. Обоз в восемь тысяч повозок, бесконечной лентой ползущий по разбитой лесной дороге, растянулся на десяток верст. Разбитая колесами дорога превратилась в одно тягучее болото. Колеса вязли, солдаты на своих плечах вытаскивали телеги. А еще надо было отбиваться от наскоков русских...

Но до поры до времени Провидение хранило корпус Левенгаупта. Русские даже чуть не потеряли противника. Нанятый проводник-еврей ни в малой степени не собирался вести русских верной дорогой¹²⁸. Меншиков двигался на северо-запад, а Левенгаупт, параллельно ему, на юго-восток. Случайно встретившийся по пути польский шляхтич, из сторонников Августа, указал русским на ошибку. Еврея тут же повесили. Меншиков бросился к Днепру. Левенгаупт успел переправиться и уничтожить за собой мост. Вышедшие к реке передовые отряды русских он обстрелял из артиллерии. Решено было догнать его во что бы то ни стало. Пехоту по двое посадили на лошадей, реквизированных где только можно, и погнались за неприятелем. К Меншикову примчался сам Петр. Всего в составе «легкого корпуса», или «корволанта», было 5149 пехотинцев, посаженных на коней, и 7792 драгуна¹²⁹. На подходе был еще корпус Боура, от которого отделился отряд в 900 драгун и казаков во главе с Ф. И. Фастманом, перекрывающий путь шведам у реки Сож с приказом «держаться неприятеля до последнего человека под потеряннем живота»¹³⁰.

Наконец Левенгаупт понял, что ему не оторваться. Он позднее писал, что «казаки и калмыки», ожидавшие его авангард на Соже, а также кружившие вокруг лагеря, были приняты им за главные силы противника. Это вызвало необходимость, по его мнению, усиления авангарда, что и было выполнено посылкой крупного отряда в 2806 человек. Таким образом, из первой части сражения было выведено около 4500 человек, что подтверждается шведскими источниками¹³¹. 28 сентября 1708 года впереди деревни Лесной Левенгаупт построил вагенбург (вид полевого укрепления из сцепленных повозок), поставил шесть батальонов в первую линию, остальные выстроились перед лагерем. Около по-



лудня 28 сентября шведам в левый фланг, где стоял батальон Абовского пехотного полка, неожиданно ударили казаки и калмыки. При этом был убит командир батальона подполковник Ваденфельт. Пограбив, казаки и калмыки стремительно отошли¹³².

Вылетевшие первыми на неприятеля пехотные полки — Семеновский, Преображенский, Ингерманландский, с ними драгунский Невский — сразу спешили и построились в ордер для баталии. Петр обошел строй, приказал казаков с калмыками разместить позади — чтобы никто отступить не смел¹³³.

Шведы атаковали первыми, но русские устояли, а подошедшие остальные полки — Санкт-Петербургский, Владимирский, Троицкий, Тверской, Сибирский, Ростовский, Нижегородский, Смоленский и Вятский — завершили разгром неприятеля и на плечах отступавших вырвались к вагенбургу. Дрались обе стороны отчаянно, до полной усталости. Очевидец писал: «Более биться было невозможно, и тогда неприятель у своего обоза, а наши прямо в боевых порядках сели и долгое время отдыхали на расстоянии полновины пушечного выстрела друг от друга».

Шведы попытались за это время перестроить оборону, вызвав из авангарда 1377 человек и резерв от повозок 1429 человек, но к русским подошел корпус генерала Боура — еще восемь драгунских полков, и этим исход боя был предreshен. Русские снова пошли в атаку, сбили шведов с позиций и прорвались в вагенбург. Вся артиллерия досталась победителям. Левенгаупт с частью обоза отступил за свой лагерь, продолжая сдерживать русских огнем, что позволяла делать узость дороги.

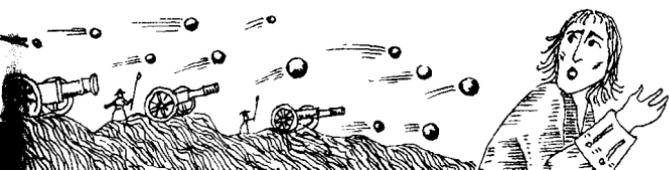
Наступила ночь. Вместе с темнотой начался сильнейший снегопад. Полки легли спать прямо в лесу. Воспоминания шведских офицеров однообразны: «...добрую милю¹³⁴ нас преследовали калмыки, которые начали грабить обоз...», «...кто хотел следовать за своим знаменем и ротой, тот пошел, кто не хотел, тот засел в лесу и остался. Под утро многие были переколоты калмыками, когда спали и были пьяны...» и т. д. Выйдя к реке Сож и снова обнаружив отряд Ф. Фастмана, который накануне был принят ими за главные силы русских, шведы, несмотря на численное преимущество, не рискнули вступать в бой и стали уходить дальше по бере-

гу, наступаемые еще одним отрядом — генерала Г. Пфлюга. Многие начали переправу самостоятельно и погибли под казачьими саблями.

Темнота и снег давали шанс Левенгаупту оторваться от преследования. Но как это сделать с множеством повозок? Переправа через Сож у Пропойска была уже сожжена казаками. Генерал принял единственно правильное решение — остатки обоза сжечь, на освободившихся лошадях посадить пехоту и, оставив для прикрытия арьергард, отступить. Общие потери составили — у шведов 6396 человек, у русских — 3967. Эффективность действий: у шведов 0,31 (3967:12950), у русских — 0,34 (5296:15700). Победа при Лесной была, как сказал царь Петр девять месяцев спустя, «матерью Полтавской баталии».

Вырвавшийся из-под Лесной отряд Левенгаупта 30 сентября (то есть всего через двенадцать дней после короля!) вплавь переправился через Сож и направился по следам Карла XII в Северскую область. До соединения с основными силами шведов он был еще раз атакован у деревни Духовичи четырьмя драгунскими полками генерала Инфланда, потерял убитыми трех офицеров и двести солдат, да еще двести солдат попали в русский плен, и лишь после этого соединился с армией короля Карла. Встреча получилась безрадостная. К королю Адам Людвиг Левенгаупт привел шесть тысяч изможденных солдат — еще шесть тысяч голодных ртов. Карл никогда уже не простил Левенгаупту этого поражения и при каждом удобном случае насмехался над ним.

Драгунские полки Инфланда отошли к Стародубу, а вскоре туда подошли две пехотные дивизии, посланные Шереметевым. В середине октября шведский король проследовал мимо Стародуба, не решившись штурмовать крепость. Шведы попытались занять Новгород-Северский, но их опередил Инфланд со своими драгунами. Карлу XII ничего не оставалось, как становиться на зимние квартиры, что он и сделал неподалеку от Новгород-Северского в местечке Горки. 27 октября к нему в ставку прибыл гетман Мазепа с 1200 казаками. До этого гетман долгое время вел с Карлом тайные переговоры и решил открыто стать на его сторону, когда понял, что вот-вот может быть разоблачен. Карлу XII Мазепа



обещал зимовку в своей резиденции — городе Батурина. Но штурм Батурина, учиненный по приказу Петра I, помешал этому и наглядно продемонстрировал, как впредь будут поступать с изменниками.

Мазепа попытался склонить на свою сторону запорожцев; ему удалось договориться с кошевым атаманом Гордиенко, но сама Сечь отказалась идти за ним. Гордиенко ничего не оставалось, как покинуть Сечь с оставшимися верными ему казаками и присоединиться к Мазепе.

Запорожцы написали письмо царю Петру, где подтверждали свою лояльность, но при этом вздумали ставить условия: упразднить малороссийские казачьи полки на Украине, отдать на вечные времена перевоз у Переволочны во владение Сечи, а также скрыть все городки, построенные по указам Петра вдоль Самары и левого берега Днепра. Это письмо вызвало ярость Петра — в памяти царя свеж был еще булавинский бунт на Дону, и он приказал разорить Сечь, «как гнездо осиное». В дело пошли драгуны полковника Яковлева и казачий полк Игната Галагана, в недавнем прошлом запорожца. Яковлев сперва разорил все переправы у Переволочны, сжег все лодки, затем повернул к Сечи.

Подойдя к укреплениям, Яковлев приказал открыть ему ворота, на что запорожцы заявили, что, дескать, власть московского царя они признают, но в Сечь не пустят. Но Яковлев взял Сечь штурмом — хотя и не с первого раза.

Разгром Запорожской Сечи помог русским с неожиданной стороны. Этим оказался весьма доволен турецкий султан, поскольку запорожцы сильно досаждали его владениям. Отсюда и прохладное отношение к шведам, выразившееся в отказе выдачи разрешения крымскому хану оказать Карлу XII вооруженную поддержку.

Глава 7

Мазепа

Фигура гетмана Ивана Степановича Мазепы сейчас сильно политизирована. Но оставим на время в стороне те причины, что побудили его принять роковое для себя реше-

ние, выгоды или, наоборот, проблемы, ожидавшие Украину при положительном исходе его заговора. Попробуем рассмотреть главное — почему не удалось Мазепе привести в исполнение свой замысел, почему он не сумел увести за собой всю Украину, почему за ним не пошли в основной своей массе казаки?

На примере Мазепы мы можем убедиться в том, насколько важное значение в жизни казачества имела религиозно-нравственная сторона. Малороссия благополучно избежала раскола православия — этого страшнейшего события русской духовной жизни XVII—XVIII веков, вызвавшего жесточайшее противостояние некогда единоверцев. Но если у донских казаков-раскольников старая вера превратилась в знамя борьбы за независимость Дона от Москвы, то у Мазепы, стремившегося, по сути, к тому же в отношении Украины, подобного символа не было. Что в среде староверов, ушедших из-под руки Москвы, или ее не признающих запорожцев, что у казаков, присягнувших на верность русскому царю и принявших новые обряды, главными преступлениями оставались преступления против войска и против веры. К преступлениям против веры относилась не только «перемена веры», но и действия (а также слова), оскорбляющие святыни и нарушающие православные обычаи. Последнее касалось не только внешней обрядности, но и каких-то внутренних устоявшихся веками традиций в отношениях человека с Богом и между собой.

Главным из таинств все казаки — запорожские, гетманские, донские, яйцкие, гребенские — признавали крещение. До крещения, как они полагали, у ребенка нет души, ее вдувает священник при купели, а дети, умершие не крещеными, не смогут предстать перед Страшным Судом. При этом чрезвычайно важное значение приобретали «восприемники при купели» — крестные отец и мать; считалось, что «их нужно почитать больше кровных родителей». В восприемники обычно приглашали или родственников, или «тех, кого любят»¹³⁵.

Все, что было связано с крестом или крещением, имело очень важное, если не сказать — первостепенное значение. Можно вспомнить отказ донских казаков целовать крест



в верности московским царям, обычай побратимства, который ознаменовывался обменом нательными крестами, и т. д.

История отношений престарелого гетмана Мазепы и шестнадцатилетней дочери войскового судьи Кочубея Матрены описана в художественной литературе весьма романтично. Но Мазепа был ее «восприемником», то есть крестным отцом. Что произошло на самом деле, точно не известно. Или Мазепа воспылал любовью к юной девушке, или она к нему, или это чувство было обоюдным, но свершился факт кощунства по отношению к главному христианскому казачьему таинству — крещению. Вопреки Божьим установлениям Мазепа посватался к Матрене, чем поверг в шок не только ее родителей, но и все украинское казачество.

Почему Мазепа так поступил? Конечно, вполне допустимо, что хитроумного и многоопытного гетмана могла обуять всепоглощающая страсть любви. Но главное в другом — скорее всего Мазепа не считал факт собственного участия в крещении Матрены Кочубей серьезным препятствием. Отчего? Мазепа происходил из старинного рода. Его отдаленный предок получил в 1544 году от короля Сигизмунда I шляхетство и село Мазепицы близ Белой Церкви. XVI век — время, когда Польшей руководили иезуиты; таким образом подкупая казачью старшину, они обращали запорожцев на службу польской короне. Иван Мазепа получил хорошее образование в Киеве и Варшаве, его молодость прошла при польском дворе, затем на польской службе в качестве войскового писаря при гетмане Правобережной Украины Петре Дорошенко. Безусловно, он знал о тайном стоворе Дорошенко с Турцией, о его отношениях с гетманом находящейся под протекторатом России Левобережной Украины Иваном Брюховецким, которого Дорошенко заманил и убил, мечтая о создании единого казачьего государства под протекторатом Турции. Позже Мазепа переходит на сторону России и занимает должность войскового есаула при новом гетмане Левобережной Украины Иване Самойловиче.

Его польское воспитание, польское шляхетство не позволяли чувствовать близость ни к казачеству, ни к украинскому народу. На них он смотрел, как на собственных холопов. Хотя ему и приписывают авторство нескольких очень

популярных казачьих песен, в нем все тянулось к польской, то есть западной культуре. Да и обстоятельства перехода Мазепы на службу к левобережному гетману, а значит, и России, с точки зрения казачьего права, были связаны с тяжелейшим преступлением. 11 июля 1674 года он был захвачен запорожской заставой, когда направлялся с письмом Дорошенко к крымскому хану. При этом Мазепа вез с собой «подарок» — 15 пленных казаков, забитых в колодки. Запорожская рада приговорила его к смертной казни. Спасло Мазепу вмешательство кошевого атамана Ивана Серко, пользовавшегося непререкаемым авторитетом среди «лыцарства». Серко, как и Самойлович, мечтал об объединении двух половин Украины при безусловном сохранении независимости Сечи. Красноречие Мазепы убедило кошевого, что именно его можно использовать для этой цели, отправив с донесением в Москву. Серко отпустил Мазепу в Батурин, к Самойловичу, где тот попросился служить под высокую руку гетмана.

Дальнейшему возвышению Мазепы послужил неудачный поход на Крым князя Василия Голицына — фаворита царевны Софьи. Мазепа сразу убил двух зайцев — «обелил» Голицына, виновного в неудачном походе, заодно «свалив» гетмана Самойловича, возложив ответственность на своих же казаков, а также запорожцев¹³⁶. Это еще раз свидетельствует о его отношении к казакам.

В результате 25 июля 1687 года Мазепа стал гетманом Левобережной Украины, дав присягу на Евангелии и кресте. Под давлением князя Голицына собранная по случаю выборов нового гетмана Рада избрала Мазепу якобы добровольно¹³⁷. Однако казаки цену Мазепе знали¹³⁸; его клевета настолько возмутила их, что въехать в гетманскую резиденцию Батурин ему удалось лишь при помощи русских войск.

Несмотря на то что Петр I старательно избавлялся от тех, кто верно служил царевне Софье, Мазепа ему понравился — прежде всего в пользу Мазепы сыграли удачные действия казаков при взятии Азова.

Гетман был прекрасно осведомлен о сложных отношениях патриарха Адриана с царем. Поэтому он так уверенно, пользуясь тем, что гетманская власть на Украине традиционно имела значительное влияние и в церковной иерархии,



вступил в конфликт с патриархом Адрианом в защиту хиротонии некоего Дионисия Жабокритского в луцкие епископы. Тем более что позиция царя была четко обозначена¹³⁹. Однако патриарху Адриану удалось отстоять запрет на хиротонию, сославшись на позицию остальных православных патриархов, прежде всего иерусалимского Досифея. Все это не лучшим образом сказалось на авторитете гетмана. Впрочем, в связи с неудачным началом войны со Швецией Петру I было явно не до луцкой кафедры. Не лучшим образом отразились на авторитете Мазепы в церковных делах и переход в 1700 году в унию львовского епископа Иосифа Шумлянського¹⁴⁰, и аналогичный поступок так и не утвержденно Дионисия Жабокритского в 1702 году¹⁴¹. Несомненно, что иерархи православной церкви, предававшие анафеме Мазепу после его измены, припомнили его поддержку изменника Жабокритского. По крайней мере в грамотах на имя кошевого Запорожской Сечи Константина Гордиенко в качестве одного из пунктов, составляющих измену Мазепы, было названо его намерение «церкви святые и монастыри превратить в римскую и униатскую веру»¹⁴².

Когда в начале Северной войны, как пишет А. Широкопад, «казаки в походе терпели страшные лишения, и не столько от противника, сколько от воровства московских воевод»¹⁴³, виновным в этом они считали Мазепу. Вернувшись на Украину, они поведали всем о тех лишениях, которые пришлось вынести. Недовольство гетманом усиливалось. Особенно волновался Полтавский полк Ивана Искры, располагавшийся на границе Малороссии и земель Запорожской Сечи.

В это время и случился казус с Мазепой и Матреной Кочубей. Связан ли донос царю отца Матрены Василия Кочубея с обидой на гетмана или это было сделано из преданности, сказать сложно. Скорее всего и то, и другое. Историк казачества Б. Алмазов объясняет это столкновением европейского и азиатского мышления, отсюда и «азиатская этическая норма — преданность, присущая Кочубею», который верой и правдой служил царю, исполняя долг генерального судьи. «Ему вменялось в обязанность следить за точным исполнением предписаний и законов, указов и распоряжений царя. Но ведь эта должность не мешала его преемнику Чуйкевичу

служить не царю, а Мазепе... И мстил Кочубей совершенно в традициях азиатского менталитета»¹⁴⁴. Безусловно, Кочубей знал или подозревал не без оснований о некоторых тайных переговорах гетмана со сторонниками шведского ставленника Лешинского и с самим Карлом XII. Будучи азиатом по менталитету и православным по духу, Кочубей прекрасно понимал, что можно ожидать от католической Польши и лютеранской Швеции — в лучшем случае уния, то есть возврат к XVI веку. Пренебрежительное поппание Мазепой одного из главных краеугольных камней казачьего православия — таинства крещения — лишь укрепило уверенность Кочубея в своей правоте, тем более что этот поступок гетмана коснулся непосредственно самого генерального судьи и его дочери. Кочубей пишет один донос царю, за ним вдогонку отправляет второй царевичу Алексею, уже совместно с полтавским полковником Искрой, с просьбой донести свои опасения в отношении Мазепы до отца. Но Петр, зная о мятежности казачьей старшины, безоговорочно верит гетману, расценивает доносы как клевету и приказывает пытать доносчиков, а те не смогли представить серьезные улики против Мазепы, под пыткой признались, что солгали, и были переданы на расправу ему же. И здесь Мазепа совершает второй, с точки зрения казачьей православной философии, опрометчивый поступок — он казнит отца своей крестной. Мог ли Мазепа избежать личной причастности к казни? Вероятно, мог. Только он особо и не размышлял на эту тему. Гетман прекрасно понимал, что донос справедлив, страх перед возможным возмездием царя был велик, поэтому он, не раздумывая, приказал отрубить головы Кочубею и Искре, что и было сделано 14 июля 1708 года в местечке Боршаговка неподалеку от Белой Церкви. Несчастливая Матрена Кочубей выдается замуж за Семена Чуйкевича¹⁴⁵, и отец последнего принимает должность казненного генерального судьи. Имения Кочубея конфискуются, а его вдова Любовь Кочубей содержится под стражей в Батурине.

А что же украинское казачество? Ведь по шведским данным, Мазепа привел в ставку Карла XII, размещавшуюся в Орловке, в 70 верстах от Батурина, менее 2000 человек, да и то многие быстро покинули его¹⁴⁶.



25 октября 1708 года при переправе через Десну близ Коропа в направлении шведской ставки Мазепу сопровождали генеральный обозный Иван Ломиковский, генеральный судья Василий Чуйкевич, генеральный писарь Филипп (Пилип) Орлик, генеральные есаулы Михайло Гамалия и Дмитрий Максимович, генеральный бунчужный Федор Минович, генеральный хорунжий Иван Сулима, миргородский полковник Даниил Апостол, прилуцкий — Дмитрий Горленко, лубенский — Дмитрий Зеленский, компанийские полковники — Гнат (Игнат) Галаган, Андрияш Малама, Юрий Кожуховский, сердюцкий полковник Яков Покатило, писари Яков Гречаний, Михаил Ломиковский, Иван Максимович, племянник Андрей Войнаровский, свояк Константин Мокиевский, канцелярист и другие знатные товарищи. Таким образом, налицо восемь человек высшей старшины, включая гетмана, три полковника гетманских полков¹⁴⁷ (из двадцати), четыре полковника наемных полков¹⁴⁸ (из десяти) и менее 2000 казаков, из которых около тысячи наемников — компанейцев и сердюков.

После Полтавы с Мазепой оставалась половина генеральной старшины, один прилуцкий полковник Д. Горленко, канцеляристы и 500 казаков¹⁴⁹.

Где же еще несколько десятков тысяч малороссийских казаков? Да и примкнувшая было к Мазепе часть старшины вскоре покинула его. Что остановило старшину и казачество? Ответ современных украинских историков — «батуринская резня». Однако документы петровской эпохи и недавние археологические раскопки в самом Батурине этого не подтверждают. Меншиков в письме Петру I от 24 октября 1708 года, то есть еще за неделю до штурма Батурина, сообщает о том, что ведет переговоры с сердюками, охранявшими резиденцию Мазепы¹⁵⁰. Меншиков прекрасно понимает, что в условиях измены гетмана и близкого присутствия шведской армии озлоблять местное население массовыми казнями неразумно. В ответном письме Петра от 2 ноября 1708 года, на второй день после взятия Батурина, рекомендуется город сжечь и отступить, так как шведы рядом. Таким образом, выходит, что Батурин был сожжен уже после штурма. Что касается расправ над мирным населением и его поголовного ис-

требления, то этим предположениям противоречит приказ нового гетмана Ивана Скоропадского батуринскому коменданту Даниилу Харевскому от 22 декабря 1708 года, разрешающий жителям вернуться в город и селиться¹⁵¹. По переписи 1726 года в Батурине было 560 дворов, что соизмеримо с населением Полтавы¹⁵². Трудно себе представить столь быстрое возрождение полностью разоренного города, где было уничтожено все мирное население.

В отношении погибших при штурме Батурина сердюков особого сожаления никто не высказывал. Соловьев приводит письмо жителя Стародуба киевскому воеводе князю Баратынскому, где тот сетует, что в сердюках состоят одни лишь «поляки»¹⁵³, набранные за плату Мазепой¹⁵⁴. Их участь казачеству Левобережной Украины была безразлична.

Безусловно, жертвы среди мирного населения были, как при любых военных действиях. Некоторые были арестованы с подозрениями на измену, но впоследствии отпущены, остальные разбежались¹⁵⁵. Удалось ускользнуть и командовавшему сердюками полковнику Чечелю — он был схвачен позднее, привезен в Глухов и там публично казнен.

Миф о «батуринской резне» родился в универсалах Мазепы, которые тот рассылал по Украине в надежде поднять ее на борьбу с Петром. Поверить в это было легко, ибо разгром недавнего казачьего бунта Булавина на Дону сопровождался массовыми казнями и сожжением городков как царскими властями, так и малороссийскими казаками, отправленными туда по приказу Мазепы. Таким образом, гетманские казаки прекрасно были осведомлены о том, что их ждет в случае бунта или измены, и понимали, что царские солдаты церемониться с ними не будут, а донские казаки не упустят возможности отомстить. С другой стороны, еще до своего перехода на сторону шведов Мазепа постоянно сообщал Петру о волнениях в собственных малороссийских казачьих полках, а также в Запорожье, усиливая в целом тем самым недоверие и подозрительность Петра к казачеству. Украинское казачество становилось фактически заложником в той сложной игре, что была задумана Мазепой.

Недовольство Москвой было в некоторой степени традиционно и оправдано действиями русской администра-



ции, в том числе и военной, не считавшейся с казаками ни на Украине, ни в действующей армии. Царские генералы смотрели на Украину как на часть государства и ничем особенным выделять ее жителей, в том числе и казаков, среди прочих областей России не собирались. В то же время Мазепа, хоть и пытался выглядеть приверженцем московской линии, тайно, на словах, ратовал за независимость Украины и якобы за вольности казачьи. Его богатые пожертвования на православные храмы, его выступления в защиту хиротонии Жабокритского и тем самым оказание поддержки православному населению польских областей Украины должны были уверить всех в этом и укрепить его позиции. Однако взаимоотношения Мазепы с церковью имели и оборотную сторону. В 1689 году в столице, по инициативе прибывшего туда Мазепы, были подписаны Московские статьи, по которым содержание наемных компанейских полков возлагалось и на духовенство, ранее свободное от этого, а кроме того, за казаками закреплялось право проживать на землях, принадлежащих церкви без какого-либо «отягчения»¹⁵⁶. Подобные меры никак не могли встретить понимание у духовенства Малороссии.

Участие казаков в расправе над своими братьями-донцами, казалось, кровью должно было связать их с Мазепой, а жестокость царских войск демонстрировала то, что будет с ними, если они не поднимутся как один за своим гетманом и за независимость Украины, которую несли якобы шведы. В качестве примера должен был послужить штурм Батурина. Таким образом, по словам Мазепы, у казаков не было иного выхода, как примкнуть к нему. Однако суть определяют не слова, а реальные поступки. Поэтому для казаков вырисовывалась иная картина. Обиды от московских людей украинские казаки связывали или с бессилием гетмана противостоять царским генералам, или с его нежеланием заступиться за своих подчиненных. Участие казаков в братоубийственной войне на Дону также легло на совесть Мазепы. Личное обогащение гетмана, его личная охрана из преданных сердюков-поляков, раздача земель своим приближенным вместе с проживавшими на них как крестьянами, так и казаками любви к нему не добавляли. Его предательство по отношению к сво-

ему предшественнику Самойловичу, к казачьему вождю Правобережной Украины Палею, его постоянные жалобы царю и обвинения в адрес Запорожской Сечи также характеризовали гетмана в глазах всего казачества. А кроме того, надо принять во внимание обстоятельства, при которых Мазепа попал к запорожцам, а от них к Самойловичу, и отношения с семейством Кочубей — связь с крестницей, казнь ее отца, выдача ее замуж за Чуйкевича и назначение последнего на должность казненного Кочубея, то есть нарушение самых святых казачьих православных традиций, — все это повлияло важнейшим образом на отношение малороссийского казачества к своему гетману. Переход в униатство львовского епископа Иосифа Шумлянского и несостоявшегося луцкого епископа Дионисия Жабокритского, анафема, которой его предал киевский митрополит вместе с черниговским и перяславским епископами в Глухове¹⁵⁷, лишь укрепили нежелание Украины пойти за Мазепой.

Православная церковь после предания Мазепы анафеме обозначила его поступок как повторение Иудиного греха. Первым это осуществил Феофан Прокопович, некогда воспевавший гетмана, но гораздо больше внимания изменнику было уделено в тексте службы в память Полтавской виктории, сочиненной еще одним видным украинским богословом Феофилактом Лопатинским, с 1708 года возглавлявшим Московскую академию. Именно ему, также непосредственно знакомому с Мазепой, царь поручил составление службы и лично курировал исполнение заказа. Служба выдержала три правки, прежде чем обрела окончательный вид¹⁵⁸.

О крайнего неистовства и злобы!
 Обретется ныне последующий зле предыдущему Иуде,
 Обретется второй Иуда, раб и льстец,
 Обретется сын погибельный, диавол нравом, а не человек,
 Трекляты отступник Мазепа,
 Иже оставив страну православную,
 И прилепился к супостату,
 Совещая воздати злая за благая,
 За благоденствия — злодейство,
 За милость — ненависть...¹⁵⁹



В обличении Мазепы Лопатинский опирался и на древнерусские традиции киевского периода, в частности, на тропарь равноапостольному князю Владимиру, где в основу сюжета положена притча Христа о купце, ищущем драгоценный жемчуг (Мф. 13, 45–46). Но если для князя Владимира драгоценный бисер — Христос — становится предметом поиска и любви, то для Мазепы — продажи и предательства. Равноапостольный князь противопоставляется неблагодарному и лукавому рабу, исцеление одного является антитезой гибели другого. Видимо, это связано с претензиями Мазепы быть малороссийским правителем, «князем Киевским», но из него получается не второй Владимир, а второй Иуда, закономерный конец которого — смерть¹⁶⁰. Сочинение Лопатинского выражало не только и не столько его личную точку зрения, сколько общецерковную и общероссийскую, не только общероссийскую, но и малороссийскую¹⁶¹.

Ныне все события, происшедшие на Украине до и после Полтавской битвы, большинством украинских историков рассматриваются с точки зрения международных политико-правовых отношений, которые сложились к тому времени на европейском континенте и в центре которых оказался гетман И. Мазепа, но подобным образом можно было бы оценивать союз, скажем, Литвы и Польши, но не Украины и России.

Вот, например, позиция Института истории Украины НАН Украины; она представлена в выступлении проф. Т. Чухлиба на состоявшейся в Москве в 1996 году конференции «Полтавская битва: взгляд через столетия»¹⁶². С самого начала автор акцентирует внимание на том положении, что «между государствами-суверенами и государствами-вассалами существовал общественный договор, который состоял из взаимных прав и обязанностей... и предусматривал... в обмен на “защиту и уважение” со стороны своих властителей... “покорность, службу и верность”». Такие договоренности состояли из взаимных добровольных обязательств, а их основными элементами со стороны суверенов — королей, царей и императоров — должно было быть уважение и обеспечение “старинных прав и привилегий” своих подданных, необходимость их воинской защиты и т. п. В случае невыполнения протекторами своих обязанностей относительно протезиро-

ванных правителей меньших государств князья, графы, бароны, курфюрсты, хозяева, гетманы и др. имели законное право на выступление против властителя или же смену своего патрона на более лояльного».

То есть отношения Украины с Россией здесь, по сути, сравниваются с отношениями Франции и герцогства Бургундского, являвшегося вассалом французской короны и отчаянно воевавшего с ней! Чем закончилась война герцога Карла Смелого и короля Людовика XI, несмотря даже на поражение Франции? Тем, что Бургундия стала частью королевства. Однако никому из историков не придет сейчас на ум обосновывать необходимость, закономерность и своевременность отделения Бургундии от Франции, ибо с абсолютизацией королевской власти история реальных вассальных отношений ушла в прошлое и не является предметом дискуссий. Впрочем, о какой вассальной зависимости Украины от России может идти речь?

Мы имеем дело с попыткой оправдать измену части казачьей старшины во главе с гетманом Мазепой царю Петру «государственными» интересами Украины. Ошибка состоит в одной-единственной фразе, которую употребляют историки — независимо от того, какой точки зрения они придерживаются, — говоря о «нарушении Россией договоров или договорных статей!» Так, профессор Т. Г. Таирова-Яковлева, автор исследований, посвященных личности гетмана Мазепы, рассматривает «измены» Ю. Хмельницкого, Выговского, Брюховецкого и Мазепы при всем разнообразии обстоятельств, толкнувших их на это, с точки зрения единственной, по ее мнению, причины — что «условия, ради которых заключался договор (с Москвой. — А. Ш.), переставали выполняться»¹⁶³. О каком договоре или договорах идет речь? О так называемом «Переяславском договоре 1654 года».

Слово «договор» означает совместные действия сторон, то есть союз, на каких-то условиях и подразумевает расторжение при их несоблюдении. Но переход под руку Москвы означал лишь одно: превращение в «подданных», что являлось синонимом слова «холопы», ибо на Руси все себя называли «холопами» великого князя или царя и таковыми, по сути, и являлись, вне зависимости от того, был ли это кре-



стьянин или боярин¹⁶⁴. Иностранцы это прекрасно знали и понимали. В качестве примера можно вспомнить инцидент со шведском посольством, ожидавшим разрешения Ивана Грозного проследовать из Новгорода в Москву для заключения мира после войны 1554–1557 годов. Получив царское соизволение, шведы на радостях напильсь, и кто-то из слуг растопил печку иконами, что являлось, по понятием того времени, страшным преступлением, карой за которое могла быть только смертная казнь. Единственным заслуживающим внимание аргументом для отсрочки наказания явился тот факт, что в Московском государстве лишь царь распоряжается жизнями своих холопов, и это убедило новгородцев, которые отпустили шведов, а Грозный позднее их простил.

Отсутствие договорных отношений, по определению невозможных с русским царем, заменялось присягой, челобитными, как единственным способом общения с монархом, и его милостью в виде пожалований. Но что царь дал, то мог и отнять! И если на Дону казаки долго отказывались от присяги царям, считая это «страшным знамением», поскольку она сопровождалась целованием креста или Евангелия, то на Украине присягали легко и столь же легко изменяли присяге; точно так же поступала порой и русская знать, особенно в период Смутного времени.

Профессор Т. Чухлиб приводит ряд объяснений поступку части украинской старшины, пошедшей за Мазепой. Приведем их здесь полностью:

«Во-первых, Московское царство не желало решать дело объединения Украины путем возвращения под гетманскую власть Правобережья». Т. Чухлиб справедливо отмечает, что идея воссоединения «двух берегов» Днепра существовала давно и с началом Северной войны, а также благодаря удачным действиям фастовского полковника С. Папия виделась гетману вполне осуществимой. Далее Т. Чухлиб пишет: «Несмотря на это, в Нарвское соглашение Речи Посполитой с Московским государством 30 августа 1704 года внесли пункт, в котором отмечалось, чтобы Палий “вернул добрым или злым способом” Польше все занятые казацким войском правобережные крепости». Однако решение вопроса затягивалось. В 1707 году Петр пишет Мазепе о том, что на самом

деле не собирается отдавать полякам Правобережье, так как планирует в дальнейшем войну с Турцией и не желает иметь враждебные тылы¹⁶⁵. По этой же причине Петр рекомендует тянуть время¹⁶⁶.

Изменение военной ситуации привело к тому, что поляки вновь стали давить на Петра и требовать возвращения Правобережья. Царь пообещал им это сделать, как только вернется на престол король Август, и приказал писать Мазепе, что разрешает отдать полякам Белоцерковский уезд, но при условии, «если он усмотрит, что не может произойти какой из того опасности и в Малороссийском народе смятения...»¹⁶⁷. После Полтавской битвы в Правобережье был возвращен из ссылки С. Палий, а передача этих земель Польше была осуществлена намного позднее смерти фастовского полковника, в 1714 году, после неудачного Прутского похода 1711 года, по условиям заключенного с турками мира, а также... по совету нового гетмана И. Скоропадского, так как в связи с изменой Мазепы эти территории стали объектом постоянных вторжений Филиппа Орлика, запорожцев и татар и, по сути, со временем опять превратились в пустыни. Так ли уж не желала Москва воссоединить два берега Днепра?

Второй причиной измены гетмана. Т. Чухлиб считает, что «царь Петр I и его окружение начали активно ограничивать политические права украинского гетмана». В качестве подтверждения историк приводит обиды гетмана на подчинение его в военном отношении Меншикову, а также на отдельные распоряжения Меншикова по казачьим полкам в обход гетмана. Кроме того, в качестве аргумента используются слова княгини А. Дольской, чрезвычайно заинтересованного лица в переходе Мазепы на сторону короля Станислава Лещинского, о намерениях того же Меншикова стать гетманом вместо Мазепы.

Были ли у Александра Даниловича серьезные намерения относительно занятия места Мазепы, или это все-таки была провокация со стороны княгини Дольской, сказать сложно. По крайней мере после Полтавы речь об этом не шла, хотя «конкурент» — Мазепа — устранился сам. Что же до подчинения, то раньше Мазепа спокойно находился в подчинении князя В. В. Голицына во время Крымских



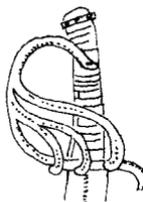
походов и Б. П. Шереметева во время Азовских, а в отношении Меншикова, худародного «высочки», у старого гетмана вдруг разыгрались амбиции. Петр исходил из стратегической целесообразности, определяя подчиненность того или иного генерала. Наверное, было бы удивительно, если бы царь подчинил, наоборот, армейские части с их командирами начальнику иррегулярной конницы, коим фактически являлся гетман с точки зрения военной иерархии.

Третьей причиной, считает украинский историк, стало то, что «Москва начала радикальные изменения административного устройства Украинского гетманата. 18 декабря 1707 года Петр I издал указ об основании Киевской губернии, которая бы охватывала территорию радиусом в “сто верст” от Киева. Киевская губерния становилась одной из восьми новых административных единиц, среди которых также были: Московская, Ингерманландская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская, Сибирская. При этом Киевской губернии должны были принадлежать такие города, как Переяслав (центр Переяславского полка Украинского гетманата), Чернигов (центр Черниговского полка), Нежин (центр Нежинского полка) и др. Полномочия киевского губернатора были такими: “велено им в тех губерниях о денежных сборах и о всяких делах присматриваться, и для доношения ему, Великому Государю, о тех губерниях готовым быть”. Вскоре русским губернатором Киевской губернии был назначен Голицын. В... “закличному листі” к Скоропадскому гетману Мазепа так оценивал изменения в административном устройстве Украинского гетманата в пользу Московского царства: “...коли без жодної з нами згоди почала (Москва) міста малоросійські в свою область відбирати...”».

Однако текст присяги Мазепы — Коломакские статьи, содержал следующий абзац: «Народ Малороссийский всякими мерами и способами с великороссийским народом соединять... чтобы были под одной... Державою обще... и никто б голосов таких не испушал, что Малороссийский край гетманского рейменту»¹⁶⁸. Мазепа согласен был с Петром, он понимал его реформы и всеми силами выполнял все пожелания царя в течение долгих лет своей службы. Но он не понимал главного — своего места в будущей новой России, созда-

ваемой Петром, которая поглощает Украину. Награда в виде непонятного для гетмана титула князя Священной Римской империи ничего не проясняла, а лишь добавляла горечи, что тем самым у него хотят «гетманство забрать»¹⁶⁹. Мазепа наверняка понимал, что не лишится богатств, напротив, царь был благосклонен, уважителен и щедр с ним, впрочем, как и со всеми, кто рьяно служил на благо Отечества. Но гетман не мог войти в ту самую плеяду «птенцов гнезда Петрова», в ближний круг царя, по многим причинам — он не вписывался в нее, он был там чужой. К тому же все те, кто окружал Петра, и в первую очередь все набиравший и набиравший силу Меншиков, этого бы не позволили. Да и сам царь никак не вписывался в тот образ «государя», каким должен был быть монарх по разумению Мазепы. Петр был царем, плотником, матросом, драгуном, палачом, бомбардиром, зубодером одновременно, не гнушаясь ничем. Любой успех вызывал восторг царя и награду, но и любой промах, ошибка вызывали дикую ярость, гнев и кару, вне зависимости от прошлых заслуг. Это Мазепа чувствовал постоянно. Примеров было предостаточно — гетман знал, как проигравший шведам при Головчине князь Репнин чудом избежал смертной казни и встал в строй рядовым при Лесной. Мазепа понимал, что, если он со своими полками, не получив помощи русской армии, не удержит Украину, реакция Петра будет непредсказуемой. Вот тогда можно было лишиться всего, и головы в том числе. Жить в таком напряжении казалось невыносимым. Поговорить с царем напрямую, поторговаться, выпросить себе лично какие-то гарантии, наконец, должность, соответствующую уровню гетманства, учитывая и условия тяжелейшей войны, и характер царя, не приемлющего подобное, было просто невозможно. Царь был беспощаден и к себе самому, и к другим, неприхотлив, не стяжатель и требовал того же от остальных. В этой ситуации Мазепа не знал, как поступить, и в конце концов решился на безрассудный поступок.

«В-четвертых, московское правительство урезало права гетмана в сфере экономики и финансов, предоставлении земельных владений казацкой старшине. Кроме того, 20 февраля 1704 года Петр I издал грамоту ко “всему Войску За-



порожскому” о введении на украинских землях в обращение только российских денег, хотя до этого здесь долгое время пользовались разновидностями европейской монеты».

Что здесь нового увидел украинский историк? Эти «права» были урезаны с 1654 года. Еще Богдан Хмельницкий и его генеральный писарь Выговский, а за ним и прочая старшина били челом Алексею Михайловичу, и он жаловал их городами и селами. Мазепу задевало то, что царь иногда осуществлял пожалования, забыв поставить в известность гетмана. Да, безусловно, это имело место, но разве гетман не знал характер молодого царя? Прекращение хождения любых денег¹⁷⁰ на территории Украины, как территории России, и введение там единой валюты, российского рубля, — с точки зрения экономики и финансов шаг абсолютно верный. Он мог показаться спорным, если бы Украина до этого чеканила свою монету, но при поляках на ее территории основной денежной единицей являлся золотый. Между тем Россия в 1686—1687 годах пыталась ввести некую «региональную» валюту под названием «севские чехи», но она не прижилась¹⁷¹. Особо возмущались запорожцы: «У нас ходит монета подобная той, какая ходит на Руси, и мы иной не имеем монеты — ни талеров, ни червонных золотых». В целом финансовая и экономическая самостоятельность Украины ликвидировалась еще Московскими статьями 1665 года, подписанными Брюховецким.

«В-пятых, Москва всячески ограничивала политико-административные полномочия украинской старшины. Во время пребывания Петра I и его членов правительства в Киеве в 1706 году Меншиков требовал от гетмана Мазепы ограничить властные полномочия генеральной и полковой старшины. “Иван Степанович, пора теперь приниматься за тех врагов”, — неоднократно говорил московский князь гетману, понимая под “врагами” казацких полковников».

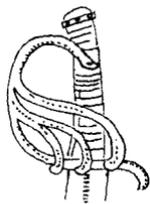
Разве это не совпадало с намерениями самого Мазепы? Гетман, служивший при польском дворе, на Правобережье у Дорошенко, на Левобережье у Самойловича, видел всю пагубность с точки зрения государственности и единовластия правителя любых проявлений вольности — что в дрязгах польской шляхты, что в ненадежности казацкой старшины,

что в шатаниях Запорожской Сечи. Недаром любимой книгой Мазепы был «Государь» Н. Макиавелли.

Замысел Мазепы состоял в том, чтобы создать новое малороссийское дворянство, отличное от польской шляхты с ее вечными раздорами, — «бунчуковых товарищей»¹⁷². Новое дворянство должно было отличаться и от существующей старшины, которая, безусловно, была недовольна избранием Мазепы в гетманы, считая его выскочкой, и это подразумевало противодействие с ее стороны. Поэтому политика Мазепы в отношении с действующей старшиной была очень осторожна — гетман тщательно выбирал тех, кого можно приблизить к себе, расположить и превратить в верных и преданных единомышленников. В ход шло все: и задабривание путем раздачи поместий и должностей, и проявление определенного терпения и милосердия даже к тем, кто писал доносы на Мазепу¹⁷³, и возвращение к власти некогда отстраненных, репрессированных прежних сторонников Брюховецкого и Дорошенко, и т. д. Не забывал Мазепа и об укреплении связей со старшиной путем породнения в той или иной форме, как в пресловутом эпизоде с семейством Кочубей.

В планах Мазепы было продолжить закабаление посполитых крестьян и постепенно превратить в это же сословие простых казаков. Он поощряет старшин приписывать казаков в число своих тяглых людей и отнимать у них землю. Это приводит к колоссальному сокращению численности полков — «из которого села выходило на службу по полтораста казаков, теперь выходит человек по пяти или шести»¹⁷⁴. Налицо уменьшение почти в тридцать раз! Закономерный вопрос: а зачем это нужно было гетману? В числе прочих была и такая причина: сокращение численности малороссийских казачьих полков приводило к уменьшению старшины, в первую очередь настроенной оппозиционно, и реальному ослаблению ее позиций, так как уменьшалась и находящаяся в ее подчинении военная сила.

Кроме того, Мазепе необходимо было обуздать Запорожскую Сечь, бывшую пороховой бочкой для любого гетмана. Он прекрасно понимал, что свободолюбивая Сечь является ориентиром для возмущения всего населения. Недаром он писал Петру: «...Не так страшны запорожцы, как целый укра-



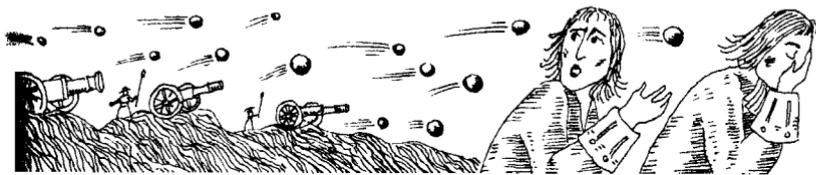
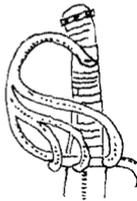
инский посполитый народ, весь проникнутый своевольным духом, не желающий быть под гетманской властью и ежеминутно готовый перейти к запорожцам»¹⁷⁵. Ликвидация Сечи полностью (или превращение запорожцев в компанейцев) в принципе соответствовала бы планам Мазепы, однако осуществить подобное в реальности было невозможно. Оставался один выход — найти запорожцам постоянное занятие, то есть войну, и здесь история помогла гетману, обеспечив все последнее десятилетие XVII века непрерывными войнами с Турцией и Крымом.

«В-шестых, Петр I начал “реформирование” казачьего войска, а его члены правительства начали руководить украинскими военачальниками. В 1705 году из-под Гродно казачий старшина И. Черныш прислал в Батурин копию царского указа о направлении в Пруссию каждого пятого казака Киевского и Прилуцкого полков “для обучения и устройства их в регулярные драгунские полки”. Кроме того, позднее П. Орлик свидетельствовал, что Мазепа получил “указ Царского Величества об устройстве казаков, подобно Слободских полков, в пятаки”¹⁷⁶, который так напугал и рассердил было всех полковников и старшину, что они ни о чем не говорили, только что тот выбор пятаков — для устройства их в драгуны и солдаты”. А в 1706 году по приказу Петра I было образовано специальное воинское формирование — Украинская дивизия, которая была соединением «городовых» и охотничьих полков Левобережной и Слободской Украины. Командующий этой дивизией назначался царским указом и во время походов принимал на себя строевое и полевое управление всеми казачьими полками и русскими подразделениями, которые находились на территории Украины. В мае 1708 года на должность командира Украинской дивизии был назначен майор лейб-гвардии Преображенского полка Долгоруков, которому предписывалось “быть со всеми москвичи, с столники, с стряпчими, с дворяны, с царедворцами, и со всеми городовыми и всяких чинов ратными людьми, и с конными драгунскими, и с пешими салдацкими, и с слободскими Черкасскими, и с кумпанейскими полками, и гетманскими многими regimentами на Украине командиром”. А общее руководство над Долгоруковым и всем укра-

инским войском должен был осуществлять киевский русский воевода Голицын. Под его власть в ноябре 1707 года Мазепа передал “новоустроенную” Печерскую крепость вместе с казацким гарнизоном. Угрозу традиционным формам политико-войскового устройства Украины в начале XVIII века ее элита (видимо, казацкая старшина. — А. Ш.) небезосновательно расценивала не только как потерю контроля над войском и преобразование его в составляющую русской армии, но и как начало изменения всей модели традиционной власти и общественных отношений вообще.

Мазепа понимал, что малороссийские полки, состоявшие из казаков-хлебопашцев, отживают свой век. Он хорошо видел разницу в боевых качествах между профессиональной наемной армией, состоящей из компанейцев, запорожцев-сечевики или донских казаков, живущих лишь одним ремеслом — войной, и малороссийскими казачьими полками, объединявшими в себе одновременно и воинов, и земледельцев. Сокращение численности казачьих полков можно было компенсировать увеличением количества компанейцев. Время Мазепы — расцвет компанейских полков. Помимо двух существовавших компанейских конных полков — Пашковского и Новицкого, он создает охочепехотный или «сердюцкий» полк, а также личную гвардию — «компанию надворной хорогви». Во главе всех компанейских полков Мазепа ставит полковника Илью Новицкого, характеризуя его «яко в делах искусного мужа». Боевое крещение компанейцы получают в 1688 году в деле против татар у реки Тясьминя. К концу XVII века количество компанейцев увеличивается до семи полков, а к 1709 году уже существовало пять охочекомонных (конных) и пять сердюцких (пехотных) полков¹⁷⁷.

Петр также подчеркивал, что «войско Малороссийское не регулярное и в поле против неприятеля стоять не может» и «из нынешних присланных некумпанейских ничего добра, разве худа есть, понеже, не имеячи определенного жалования, толко на грабеж и тотчас домой уйдут». Исчерпывающая характеристика! Что-то о донских казаках такого у Петра не встречается... Царь требует преобразования гетманских полков в компанейские полки, и в этом его устремления совпадают с видением Мазепы. Но нагрузки, которые возложил



Петр на Украину, были невероятны. Мазепе приходилось нелегко, и он передавал через графа Г. И. Головкина, что зимой будет сложно «войско перебраться, кто годен, а кто не годен до компанейской службы», и «лучше б было, когда б весною повеленное устраивалось»¹⁷⁸.

«В-седьмых, Московское царство не обеспечило надлежащей обороны Украины от шведского наступления. Во время воинского совещания в Жолкве в 1707 году гетман Мазепа попросил у Петра I предоставить ему для обороны границ Украины 10 тысяч русских солдат. На это сюзерен ответил своему вассалу (опять подчеркивание якобы существующих отношений. — *А. Ш.*): “Не только 10000, но и десять человек не могу дать; как можете сами обороняйтесь”. Кроме того, царь подчеркнул, что будет изматывать армию Карла XII неприятием решающего боя и отступлением своих войск в глубь Московского царства. При этом на пути шведов должны были уничтожаться поселения, продовольственные припасы для солдат и фураж для коней. Предусматривая возможное нападение на Киев шведско-польских войск во второй половине 1707—1708 году, Петр I приказывал в 4-м пункте, чтобы “во время неприятельского прихода, осадя и управя Печерский монастырь, уступит за Днепр, а старый Киев оставит пусть”».

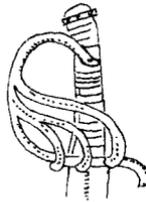
Позволю себе не согласиться. На просьбу Мазепы Петр ответил обещанием выслать корпус Шереметева «итить на оборону Украины с поспешением» и заверял, что народ малороссийский «во всяких неприятельских наступлениях не оставим»¹⁷⁹. В июне 1707 года Петр направил грамоту, в которой выражал сожаление по поводу тяжелой службы и бедствий, обрушившихся на Украину, ставшую театром военных действий, но заявлял при этом, что в «таком ныне с неприятелем нашим, Королем Шведским, военном случае того весьма обойти не возможно, и того ради надлежит вам... то снести», а «по окончании сея войны те понесенные трудности и убытки... награждены будут»¹⁸⁰.

«В-восьмых, русские военачальники и солдаты проявляли самоуправство в отношении украинцев. Одно из первых писем к Петру I от Мазепы, в котором гетман жаловался на самоуправство русских подразделений в отношении украин-

ского населения Левобережья, датируется 16 июня 1703 года. На протяжении 1705 года в Западной Белоруссии находились Киевский и Прилуцкий полк во главе с приказным гетманом Д. Горленко, которые совершали совместные воинские операции наряду с русской армией. В письме к Мазепе Горленко жаловался на “численні образи, поношення, приниження, досади, грабунок коней і смертні побої козакам від великоросійських начальних і підначальних”. Дошло даже до того, “що приказного гетьмана коварно з коня зіпхали і насильно з під нього і з під інших йому підлеглих начальних людей коні і підводи забрали”.

Учитывая то, что с 1706 года началось активное строительство Печерской крепости в Киеве, казацкая старшина неоднократно жаловалась в Батурин на то, что московские “пристави у тієї справи фортифікаційної козаків палками по головах б’ють, вуха шпадами (шпагами) обтинають і всіляке поругання чинять, що козаки залишивши хати свої, кошовицю і жнива, поносять на службі Царської Величності тяготу днів і вар, а там великоросійські люди хати їхні грабують, розбирають і палять, жонам і донькам їхнім насилля чинять, коні, бидло і всіляку худобу забирають, старшину б’ють смертними побоями”. Очевидцы утверждали, что в ответ на такие обиды со стороны московских членов правительства Д. Горленко говорил Мазепе: “Як ми за душу Хмельницького завжди Бога молимо й ім’я його блажим, що Україну від іга людського свободив, так противним способом і ми і діти наші у вічні роди душу і кості твої будемо проклинати, якщо нас за гетьманства свого по смерті своїй в такій неволі (російській) оставиш”».

Действительно, факты самоуправства российского генералитета и иных начальствующих людей над малороссийскими казаками имели место. Но государственные интересы для Петра I стояли превыше всего, поэтому на жалобы Мазепы он внимания не обращал. Опять же здесь сказывался невысокий военный потенциал малороссийских полков, что позволяло царю использовать их так, как он считал нужным и целесообразным. Если было необходимо выполнять земляные или строительные работы, то, по мнению царя, его солдат должен был быть универсален. Разве не участво-



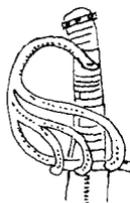
вали драгунские и пехотные полки в строительстве Петербурга? Разве не строил Мазепа со своими казаками крепости на Днепре по приказу князя В. В. Голицына? Понятно, что царя не интересовал принцип комплектования казачьих полков с его конкретным разделением на казаков, которые должны были только воевать, и казаков, обеспечивающих первых, — «подпомощников» или «подсоседков». Для него они все были одной массой, которая должна была выполнять первостепенные задачи, диктуемые временем и боевой обстановкой. Стоит отметить, что использование донского, яицкого казачества на земляных или строительных работах было редкостью и не принимало такие масштабы, как в случае с малороссийским казачеством, что говорит в их пользу с точки зрения боевого использования. Хотя в самом конце 20-х — начале 30-х годов XVIII века огромное количество людей было брошено на строительные работы — драгун и казаков, в том числе и донских.

«В-девятых, московский царь перегружал казацкое войско постоянными воинскими походами. Начиная с 1700 года украинское войско ежегодно активно использовалось Москвой в далеких походах в земли Прибалтики, Саксонии, Севера России, Литвы, Польши, Белоруссии, Казани и Дона. Хотя по выводам современного московского историка В. Артамонова, русская война за Балтику выходила за сферу национально-украинских интересов. Есть свидетельства, что в июне 1706 года к гетману Мазепе обратились женщины казаков Стародубского полка с просьбой вернуть своих мужей домой, ведь они уже больше пяти лет находились в воинских походах против шведов. Учитывая это, Мазепа просил Петра I издать соответствующий указ о возвращении Стародубского полка в Украину на отдых. Кроме того, постой и действия российских войск в Украине приводили к ее опустошению. Сам царь в грамоте к гетману от 24 июня 1707 года писал: "...Что войску Нашему Запорожскому от непрестанных нынешних трудных служб и походов, так наипаче жителям Малыя России от переходов Наших Царского Величества великороссийских и Низовых, от провозу на Киев и сюда в главное войско всяких военных припасов и казны, наносятся немалыя тягости..."»

Этот пункт трудно комментировать. Война — суть жизни казачества. Возникает парадокс: с одной стороны, малороссийское казачество именует себя запорожским, исповедующим единственный образ жизни — военный поход, и в то же время требует мирного труда и отдыха от войны. Этаким симбиоз воина-пахаря, подтверждающий то, что большая часть населения, в том числе служивого, в малороссийских полках, по сути, являлась «оказаченным» крестьянством. Вот колоритный пример. Летом 1694 года гетман Мазепа высылает в поход к реке Кальмиус Полтавский и Гадячский полки, пехотный Кожуховского и кампанейский Ростовского «делать там нападение на азовских басурман». К посланному отряду присоединилось какое-то количество запорожцев. Общая численность отряда составляла около 10 000 «добрых людей». «Но тут “непостоянная и дерзостная чернь” (то есть казаки. — А. Ш.), не уважая имени царей и не понимая собственной пользы своей, стала толпами возвращаться назад, отговариваясь тем, что ей неудобно ради военных промыслов ходить в такие далекие места, потому что дома у нее наступили жатвенные и сенокосные работы в полях, и если она пропустит это дорогое для себя время, то в таком случае дойдет по полной нищеты. Оттого вся эта толпа дальше... не пошла»¹⁸¹.

Если обработка земли у донского казачества запрещалась под страхом смертной казни, а у запорожцев для этого были крестьяне, которыми руководили «гнездюки», то здесь мы наблюдаем явную тягу к созидательному труду, а не к военному ремеслу, которым можно заниматься лишь от случая к случаю. В конечном итоге это было совершенно верно подмечено и царским правительством, что привело к переводу всего малороссийского казачества в крестьянское сословие и тем самым поставило точку в его истории.

«В-десятых, карательные действия армии Московского царства в Украине приводили к разорению и уничтожению ее населения. Российский историк В. Возгрин утверждал, что Украина в 1708—1709 годах стала даже объектом своеобразного геноцида: “Отходившие к югу русские войска выжидали территории прежде всего днепровского Правобережья. При этом уничтожались населенные пункты, запасы продук-



тов у населения и лесные массивы не только на пути шведов, но широкими (по 40—45 км) полосами справа и слева от их предполагаемого маршрута. Кроме того, сжигались города, заподозренные в поддержке казаков — сторонников Мазепы, а их жители подвергались тотальной ликвидации. Эти карательные меры стоили украинскому народу огромных жертв”. Другой известный ученый Е. Тарле подтверждал, что Мазепа “боялся полного разорения Украины от наступающего Карла и отступающего или параллельно идущего русского войска”».

Надо для начала разделить карательные действия и геноцид. Указы Петра о разорении касались всех территорий, как Украины, так и России: «от границ на двести верст поперег, а в длину от Пскова через Смоленск до Черкасских городов...»¹⁸² Во-вторых, подразумевалось хлеб прятать, скот выводить в леса и на болота, а уничтожать лишь при необходимости. В случае неисполнения этого предупреждалось, что «войска будут все жечь без остатку», чтобы «жители потом не жаловались». Такие радикальные меры применялись впервые. Обычно «уездных людей предупреждали о набеге неприятеля, были приказания идти в «осадное сидение» с семьями и имуществом, но предупреждений об уничтожении огнем в допетровскую эпоху не было»¹⁸³. Украине, ставшей военным театром, выпала участь быть разоренной дважды — от собственных рук, волей Москвы, и от противника. Геноцидом, как мы знаем, именуется «истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп, равно как и меры по предотвращению деторождения в их среде»¹⁸⁴. Разве хоть один указ Петра говорит об уничтожении населения на Украине или о разорении местности для тех же целей? Карательные акции имели место, но в таких ли масштабах? Мы уже говорили о явно раздутом кровавом штурме Батурина, который использовался и одной, и другой стороной явно в пропагандистских целях. Лишь часть захваченных в плен с оружием в руках мазепинцев была казнена, децимация (казнь каждого десятого) применялась к жителям тех городов и местечек, которые добровольно сдались шве-

дам или сторонникам Мазепы, большая часть старшины и их родственников, добровольно вернувшиеся, были помилована, и лишь несколько семейств отправились в ссылку¹⁸⁵.

Глава 8

Последняя зима каролинов

Зима 1708—1709 годов выдалась ужасной. Неудача с Ба-турином, на который так рассчитывали с подачи Мазепы шведы, усугубилась природными катаклизмами. Морозы стояли небывалые, солдаты замерзали в караулах насмерть, не дождавшись смены. «У нас три лучших доктора — водка, чеснок и смерть», — говорили шведы. Сколько отмороженных конечностей пришлось ампутировать полковым лекарям...

Русская армия встала на зимние квартиры в окрестностях Лебедина, оставив в охранении конницу, которой было приказано непрерывно тревожить шведов, отрезать их обозы, уничтожать мелкие партии, отправлявшиеся на фуражировки. Королевская ставка разместилась в местечки Ромны, что на реке Псел. Впервые за многие месяцы шведы смогли здесь по-человечески поесть. Настроение их несколько улучшилось. Но сидеть на месте, даже в условиях сильных морозов, было не в характере Карла XII. Русские появились в районе города Гадяч, и король принял решение прервать мирную жизнь. Он совершил быстрый марш, но противника уже не застал. Станислав Понятовский, сопровождавший повсюду короля, отметил в своих мемуарах: «Прежде чем прийти к Гадячу, шведы потеряли три тысячи солдат, замсртво замсрзших, кроме того, всех служителей при повозках и многих лошадей». П. Энглунд пишет, что каждое утро на улицах Гадяча собирали трупы сотен замерзших шведов и целый день отвозили их на санях в какой-нибудь овраг¹⁸⁶.

Постоянные нападения русских драгун и казаков Скоропадского заставили Карла XII в конце декабря 1708 — начале января 1709 года сняться с квартир и предпринять наступление. Шведы попытались закрепиться на рубеже рек Псел



и Ворскла, но на их пути встал укрепленный пункт русских Веприк. В сущности, все укрепление состояло из деревянного частокола, на который был наморожен толстый слой льда. Гарнизон под командой полковника Ю. Фермора состоял из двух батальонов пехоты, сотни драгун (всего 1400 человек. — *А. Ш.*) и 400 казаков. Шведы промучились под Веприком почти две недели, пока не подвезли артиллерию. Установив четыре батареи по пять орудий, открыли огонь, но ядра лишь кололи лед, который русские тут же намораживали опять. Король приказал подвезти осадные лестницы, атаку возглавил сам фельдмаршал Реншельд. Но лестницы оказались коротки, к тому же одновременного штурма крепости тремя колоннами не получилось, каждая действовала сама по себе, что привело к излишним потерям: около 400 убитых, 600 — раненых. Реншельд получил контузию в грудь, ранен был генерал Штакельберг, убито три полковника и многие штаб-офицеры.

Шведские историки отмечают «феномен поведения короля» под Веприком: впервые в отличие от всех предыдущих схваток он не пошел впереди штурмовых колонн, а послал вместо себя Реншельда, оставшись наблюдать со стороны. Штурм повторили вновь, и вновь неудачно. На следующий день послали парламентаров с предложением Фермору сдаться на самых почетных условиях. Посоветовавшись с офицерами, Фермор согласился, тем более что посланная Петром помощь пробиться к Веприку не смогла. Крепость все-таки сдалась, но тем не менее Веприк вошел в историю как первое поражение Карла XII от русских¹⁸⁷.

В ночь с 26 на 27 января король с шестью пехотными полками направился к Опошне, которую занимала бригада драгун генерала Шомбурха. Русские отступили, но шведам удалось их настичь и при деревне Пени нанести поражение. Драгуны потеряли убитыми и ранеными около 500 человек и 50 пленными.

Карл возвратился в Опошню, где переночевал, и поутру двинулся дальше к Ахтырке, оставив офицера с 50 солдатами охранять пленных и поджидать подхода подкреплений. Шомбурх, узнав о выдвижении шведов, приказал Ярославскому драгунскому полку атаковать Опошню. Во время боя

русские пленные сумели разоружить своих конвоиров и уйти к Шомбурху; все шведы были перебиты.

Подойдя к Ахтырке, король не стал ввязываться в бой, а обошел русские позиции и двинулся к Краснокутску, где сосредоточилась русская конница под общим начальством Ренне. Сюда же на помощь Ренне двинулся Шомбурх. Ренне выслал навстречу Карлу два драгунских полка, однако они были легко опрокинуты шведской конницей. Но в пылу атаки король с одним эскадроном оказался отрезан от основных сил шведов. Поняв, что попал в западню, Карл приказал солдатам занять оказавшуюся неподалеку мельницу и приготовился к обороне. Но русские не знали, что перед ними сам король, поэтому особых усилий для овладения мельницей никто не приложил. Вскоре к шведам подошло подкрепление, день уже заканчивался, темнело, и русские предпочли отступить.

После этого происшествия Карл XII решил более не испытывать судьбу и, собрав по окрестностям достаточно провианта, приказал поворачивать обратно. Однако у Опошни его обоз был атакован и отбит русскими. Шведы отыгрались на населении близлежащих населенных пунктов: были сожжены Краснокутск, Городня, Куземин, Олешня, Мурафа, Колонтаев, Коломак. Жители Краснокутска, попытавшиеся оказать сопротивление, были все угнаны в плен. Участник похода шведский юнкер Р. Петре записал в дневнике: «Больше всего было жалко малых детей, вынужденных брести со своими матерями по глубокому, по конское брюхо, снегу, и бедные жители... смотрели на свои горящие дома и рыдали так, что даже камни не могли оставаться равнодушными к их горю»¹⁸⁸.

В конце февраля ужасная зима сменилась неожиданной сильной оттепелью, началась распутица. Словно сама природа восстала против шведов. Армия, не способная двигаться дальше, расположилась по правому берегу Ворсклы; резиденция короля была устроена в Великих Будищах. Шведские историки оценивают численность шведской армии к марту 1709 года не более чем в 25–28 тысяч человек. Согласно официальным армейским документам, морозы, болезни и простуды вывели из строя около 8000 человек. Единственным



утешением служило то, что, по мнению шведов, русские страдали от морозов не меньше. Не хватало пороха, одежды и обуви, солдаты выглядели оборванными и неопрятными. Сделка с турками о закупке пороха не состоялась¹⁸⁹, и померанский полковник Рудольф фон Брюнов, командовавший артиллерией, приступил к его кустарному производству. В полках занялись дублением и выделкой кожи для сапог, сами мололи муку.

Граф Пипер попытался уговорить Карла вернуться в Польшу, но король не хотел и слышать об этом, по-прежнему надеясь на помощь, с одной стороны, Лещинского и генерала фон Крассова, а с другой — крымского хана Девлет-Гирея.

Между тем, если на помощь Крассова и Лещинского король рассчитывать не мог, хотя и не знал еще об этом, так как их части были блокированы специально посланным корпусом Голицына и Гольца, то шансы заполучить в союзники крымского хана были велики. Весной 1709 года шведы сообщают Девлет-Гирею, что Запорожская Сечь в лице кошевого Гордиенко с ними, а заодно спрашивают о видах и сроках помощи из Крыма. В том, что такая помощь последует, они не сомневались. «Мы стоим на пути, по которому татары обычно ходили на Москву. Теперь они пойдут с нами», — такие письма шли в Стокгольм из шведской армии¹⁹⁰.

Над русскими нависла нешуточная угроза. 28 000 шведов, а также казаки Мазепы и Гордиенко могли объединиться с 40-тысячным татарским войском. Не стоит забывать о донских казаках-игнатовцах¹⁹¹, вступивших в подданство хана и горевших желанием отомстить за смерть своих товарищей, близких и родных, погибших в ходе подавления булавинского восстания на Дону; они уже открыто нападали на русские села, разоряли их и уводили людей в плен. Этой армии Петр I мог противопоставить не более 40–50 тысяч человек.

К счастью для русских, эти планы удалось сорвать благодаря интенсивным переговорам, которые русские вели с турецким султаном Ахмедом III. Султан занял нейтральную позицию и запретил крымскому хану предпринимать какие-либо действия против России. Ради этого Петр I совершил весной 1709 года поездку в Азов, где встречался с представителем султана Кападжи-пашой, сжег на его глазах свой флот и вер-

нул значительную группу пленных янычар; свою роль сыграла и полученная Кападжи-пашой крупная взятка¹⁹². В это же время посланник в Стамбуле П. А. Толстой подкупил визиря Чорлулу-Али-пашу и ряд других вельмож¹⁹³.

Глава 9

Оборона Полтавы

Собственно говоря, если рассматривать Полтавское сражение как одну большую войсковую операцию, то условно ее можно разделить на три фазы: 1) оборона Полтавы; 2) полевое сражение; 3) преследование русскими шведской армии и ее капитуляция.

В течение апреля все шведские полки были постепенно стянуты к востоку, к берегам Ворсклы, и образовали линию протяженностью свыше 40 верст от Опошни к югу до Полтавы и дальше до Старых Санжар. В конце апреля 1709 года шведы осадили Полтаву.

Вокруг города не было ни мощных каменных стен, какие приходилось брать шведам и в Польше, и в Саксонии, ни глубоких рвов. Укрепления представляли собой земляные валы, на которые кое-где можно было просто взбежать. Думая быстро захватить город, шведский король и представить себе не мог, что его планы будут расстроены. Так уж случилось, что знаменитая Полтавская битва затмила подвиг защитников крепости, как бы отодвинула на второй план, но надо знать, что первый акт Полтавской виктории разыгрался именно здесь.

Под началом коменданта крепости полковника Алексея Степановича Келина находилось около 4000 солдат, 2600 казаков и 29 орудий с незначительным количеством боеприпасов. Ближайшими помощниками Келина были полковник фон Менгден и французский инженер-фортификатор Тарсон.

24 апреля Карл бросил на штурм крупные силы, но, как только шведы подошли к крепости на расстояние ружейного выстрела, ворота распахнулись, и навстречу им устремились



русские со штыками наперевес. На следующий день Карл XII лично руководил штурмом. В присутствии короля шведы бросились к валам. Их встретили дружным залпом и опять ударили в штыки. Шведы потеряли 400 человек и снова отступили.

В конце апреля и начале мая они еще несколько раз штурмовали крепость, но безуспешно. Тогда, 11 мая, король решил приступить к планомерной осаде, которая протекала без особого успеха. Защитники крепости не только оборонялись, но и совершали вылазки: однажды они упредили шведскую атаку, ворвавшись во вражеские траншеи. Шведы бежали, бросив шанцевый инструмент и боеприпасы. При этом в русский плен попали десятки человек.

Решение осадить Полтаву до сих пор заставляет историков спорить. Э. Карлссон считает, что к лету 1709 года шведская армия, обложенная со всех сторон русскими войсками, иного выбора не имела. П. Энглунд говорит о том, что «маленькое войско было загнано в мешок, замкнуто в пространство не более 5 миль шириной между Днепром и его притоками Пселом и Ворсклой». Отступать назад к Днепру Карл категорически отказывался. Вероятно, замысел короля состоял в том, чтобы создать осадой Полтавы некое подобие мышеловки, в которую удастся заманить всю русскую армию. С этим соглашается историк А. Стилле, который, впрочем, единственной причиной останова короля под Полтавой называет замысел связать инициативу русских до подхода ожидаемых сил татар, поляков и корпуса фон Крассова. Ф. Г. Бенгтссон также объясняет «вялую» осаду крепости и даже засылку туда перебежчиков с известиями о неумелых действиях шведов желанием спровоцировать русских. В своей книге историк приводит свидетельства одного из участников осады юнкера Р. Петре, который говорит о запрете короля стрелять по городу калеными ядрами.

Свою версию событий представил военный историк А. В. Шишов. Русские планировали создать в крепости значительный армейский магазин из оружия, боеприпасов, пороха и продовольствия. Об этом мог знать находившийся с королем Мазепа. Захват полтавского магазина (но не уничтожение!) значительно облегчил бы участь шведской армии,

испытывавшей серьезные проблемы со снабжением. О советах Мазепы, выступавшего против сожжения города, свидетельствуют и шведские источники, которые, впрочем, объясняют все тем, что в городе находилась родная сестра гетмана. Но маловероятно, что Карл прислушивался к советам гетмана, который, по сути, его уже обманул, пообещав привести огромную армию.

Все инженерные работы король возложил на генерал-квартирмейстера А. Юлленрука, назвав его в шутку «нашим маленьким Вобаном¹⁹⁴». Под его руководством был устроен подкоп под городской вал, в который заложили несколько бочонков с порохом. Каково же было удивление шведов, когда, подготовившись к штурму, они не дождались взрыва. Оказывается, защитники Полтавы изъяли порох, сделав встречный подкоп.

По приказу короля провели новый подкоп, заложили почти все имеющиеся запасы пороха, подожгли фитиль, но взрыва опять не последовало. Порох снова перекочевал в Полтаву. Кстати, этот факт окажет в последующем огромное влияние на ход Полтавской битвы, так как шведы в сражении 27 июня смогли использовать всего лишь 4 орудия против 282 армии Петра I.

Шведский король недаром назвал Юлленрука «маленьким Вобаном». Тот весьма серьезно подошел к обеспечению осады, окружив Полтаву тремя так называемыми параллелями — траншеями. Первая шведская траншея настолько близко подступала к крепости, что ее защитники закидывали солдат камнями, а иногда и швырялись дохлыми кошками.

12 июня шведы предложили Полтаве сдаться на условиях, которые будут выработаны самими русскими. Келин отвечал на это: «...приступов было 8, из... присланных на приступ более 3000 при валах Полтавы положили... победить всех не в вашей воле состоит, но в воле Божьей, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет».

Тем не менее силы полтавского гарнизона таяли. Чтобы отвлечь силы шведов от крепости, Петр начал активные действия. Первый удар по шведам был нанесен южнее Полтавы, под Старыми Санжарами, где было сосредоточено значительное число русских военнопленных. Шесть драгунских



полков под началом генерала Гейнскина стремительно форсировали Ворсклу и внезапно появились перед шведами. Понимая, что позиции не удержать, шведы начали убивать беззащитных пленных, но старший среди них по чину подполковник Юрлов сумел организовать сопротивление. Шведы были перебиты. Таким образом, обрели свободу около 1000 русских¹⁹⁵.

Почти одновременно войска генерала Ренне ударили по шведам севернее Полтавы. Русские перешли Ворсклу в районе деревни Петровки, вытеснили незначительные шведские заслоны и быстро укрепили занятые позиции земляными оборонительными редутами. Фельдмаршал Реншельд не предпринял никаких ответных действий — как утверждают шведские историки, в соответствии с планом короля заманить противника поближе к Полтаве. Как бы то ни было, Ренне воспользовался этим и переправил через реку артиллерию и дополнительные силы пехоты.

Спустя несколько дней произошло событие, которое значительно поколебало и так не очень-то высокий моральный дух шведской армии, — был ранен Карл XII. Есть несколько версий случившегося.

По одной из них, рано утром 17 июня Карл XII в сопровождении Левенгаупта осматривал укрепления Полтавы. Короля заметили со стен и открыли огонь. «Лучше бы отъехать», — сказал Левенгаупт. Но Карл не удосужился ответить генералу, который потерял его уважение после поражения при Лесной. Левенгаупт тем не менее сделал еще одну попытку уговорить короля: «Вашему величеству не следовало бы подвергать так бесцельно опасности любого солдата или капрала, не говоря о вашей высокой особе...» В этот момент лошадь генерала была ранена в ногу. «Государь!» — воскликнул Левенгаупт. «Пустяки, — обернулся Карл, — не бойтесь, найдите себе другую лошадь». Продолжив путь, король наткнулся на казачий пикет. Завязалась перестрелка, и пуля попала ему в пятку.

По другой версии, несколько казачьих сотен переправились через Ворсклу вблизи деревни Нижние Млыны. Началась перестрелка. Часть русских расположилась на острове, находившемся посередине реки. Карл поехал вдоль берега, все время оставаясь в пределах досягаемости пуль. Сопро-

вождавший его драбант Мальколм Бьёркман был убит. Карл решил повернуть назад, и здесь пуля «пронзила ногу короля от пятки до конца пальцев, перебив все кости». Так писал очевидец ранения Станислав Понятовский. Король попросил его никому ничего не говорить и еще в течение двух часов объезжал расположения своих войск, беседовал с Юлленруком и лишь около 11 часов утра, то есть через два часа после ранения, дал осмотреть рану. Все оказалось очень серьезно. Пуля раздробила кость, и король перенес довольно сложную операцию. Он не терял духа и подбадривал хирургов Мельхиора Ноймана и Мартина Рольфера: «Смелее, господа. Какой пустяк. Это всего лишь нога!»

Извлеченную пулю Карл подарил лейтенанту драбантов Карлу Хорду. Вместе с пулей хирурги извлекли и кости раздробленной ступни. Король уверял всех, что скоро снова будет в строю, но рана через два дня воспалилась, поднялась высокая температура, и врачи начали опасаться за его жизнь.

21 июня был предпринят длительный мощный штурм Полтавы. Волна за волной шведы накатывались на обескровленную крепость, в городе горели дома, дошло до рукопашной. Но штурм и на этот раз был отбит. Впрочем, передышка была слишком короткой. Уже ночью 22 июня шведы бросили на крепость свежие силы; бой в свете пожариш продолжался до утра. Шведам дважды удавалось взобраться на вал, и все-таки крепость устояла.

После короткого перерыва шведы снова пошли на приступ. Карл не шадил своих солдат и офицеров, он упорно пытался во что бы то ни стало взять упрямый город. Но и на этот раз ему пришлось отступить. Полтава держалась, хотя потери русских за два дня только убитыми превысили тысячу, и в строю оставалось едва ли несколько сотен человек. Настроения среди защитников крепости таковы, что, когда кто-то предложил сложить оружие, его просто забили камнями.

Потери шведов были вдвое больше. К тому же настроение у них было хуже некуда. Во время последнего штурма в шведский лагерь прибыли полковник Сандул Кольц и чиновник от Пипера — Отто Клинковстрём. Они привезли плохие вести: корпус генерала фон Крассова, оставленный Карлом XII



в Польше для поддержки своего ставленника на польском троне Лещинского и теперь столь нужный на Украине, был намертво блокирован русским корпусом генерала Гольца и польско-литовской конницей гетмана Синявского — сторонника возвращения на трон Августа II.

Оставалась надежда на крымского хана Девлет-Гирея, который обещал королю помощь в войне с русскими. Но бендерский сераскир Юсуф-паша передал хану волю сюзерена, султана Ахмеда III, — чтобы он не смел вмешиваться в войну. Шведский историк Б. Лильегрен считает, что ко всему прочему Девлет-Гирей был дезинформирован русскими о планах Карла XII заключить мир с Петром и жениться на его сестре Софье и потому будто бы не собирался воевать¹⁹⁶. Это утверждение можно подвергнуть сомнению, так как татары все-таки выступили в поход, дошли до реки Самары, разбив несколько русских городков, и простояли там до августа, готовые ввязаться в драку и никак не желая поверить в катастрофу, постигшую шведов под Полтавой. Так или иначе, но рассчитывать шведам на помощь Османской Порты более не представлялось возможным.

Карл приказал немедленно написать фельдмаршалу Стенбоку, оставшемуся в Померании, чтобы он набрал новый корпус и двигался на Украину. Но русские уже не хотели, да и не могли откладывать решающее сражение, ибо от Келина пришло известие, что гарнизон вряд ли сумеет продержаться более двух недель.

19–20 июня, в дни, когда Карл XII находился без сознания, основная часть русской армии перешла через Ворсклу и стала укрепленным лагерем севернее Полтавы возле деревни Семеновки. Фланги уперлись в болотистые речные берега. Затем, через четыре дня, передвинулись ближе к Полтаве и заняли то поле, куда предполагалось выманить шведов. Прямо перед фронтом лежала равнина, за ней, в двух верстах, темнел Будыщанский лес. Справа тянулась гряда холмов, слева, отклоняясь к югу от лагеря, высился Яковецкий лес. За своей спиной русская армия оставляла водную преграду — отступать было некуда.

Напрасно шведские генералы попытались в последний раз уговорить короля отказаться от сражения. Но Карл был не-

преклонен. «Даже если Господь пошлет мне одного из своих ангелов, чтоб вразумить меня следовать вашим советам, я не буду его слушать, — отвечал он с усмешкой. — Мы атакуем сегодня ночью».

Высшее командование шведской армии накануне сражения было представлено следующими военачальниками: фельдмаршал Реншельд, полный генерал от инфантерии Левенгаупт, пять генерал-майоров от кавалерии — Кройц, Гамильтон, Мейерфельд, Шлиппенбах и Круссе, четыре генерал-майора от инфантерии — Спарре, Роос, Лагеркрона и Штакельберг; сюда же можно отнести и генерал-квартирмейстера Юленрука.

Главной фигурой сражения предстояло стать Реншельду; по сути, он был заместителем главнокомандующего, которым, конечно, являлся сам король Карл. Положение фельдмаршала было сложное: он нервничал, боясь ошибиться, поскольку за его спиной маячила фигура короля. Оно осложнялось еще и весьма непростыми личными отношениями с графом Пипером и генерал Левенгауптом. Именно Реншельд, по мнению шведских историков, допустил ошибки, которые в конечном счете привели к сокрушительному поражению.

Глава 10

Полтавское сражение

Наступало 27 июня 1709 года. Поздно вечером к русским перебежал солдат. На допросе он показал, что шведы получили приказ начинать сегодня ночью. Петр приказал поднимать полки. Позиции занимали спокойно, без суеты. Когда все выстроились, перед ними проехал сам царь. Петр сказал, обращаясь к войскам: «Вы видели сами, как дерзкие неприятели храмы наши Божьи оскверняли, попирали ногами святыни, коих и зреть недостойны, ругали обряды наши святыя, смеялись над верой истинной. Кичливый их король расписал своему войску квартиры в Москве, генерала своего Шпера пожаловал в губернаторы, а Отечество наше



разделил на малые княжества. Он хочет ввести еретическую всру и истребить нас. Оставим ли такие ругательства и презрение без отмщения? Да не будет этого! Их король прозорливый не постыдился позвать себе в сикурс извечного врага нашего крымского хана, а также подлого изменщика Мазепу с его воровскими казаками. Но его расчеты не удались. Войска шведские изнурены и потеряли веру в себя. Остается довершить вам победу над ними. Порадейте же! Вера, Церковь и Отечество от вас этого требуют»¹⁹⁷.

Поздно ночью, в полной темноте, короля пронесли через шведский лагерь. С высоты носилок он говорил солдатам: «Враг опасен и жесток. Будьте же и вы беспощадны, мои славные шведы. Сегодня мы должны забыть о жалости к побежденным. Знаю, у вас нет хлеба. Но обещаю, мы сегодня хорошо пообедаем в русском лагере».

Карл во всем следовал своей собственной полководческой концепции. На Полтавском поле король рассчитывал вновь воспроизвести тактическую схему удачного для него Нарвского сражения 1700 года. У противника, как и под Нарвой, была укрепленная позиция, большое превосходство в артиллерии. Но эти преимущества не должны были, по мнению Карла, смутить шведов. Он верил в свою звезду. Как писал личный гвардеец короля Константин де Турвиль, находившийся рядом с ним во время роковой для шведов битвы: «Он верил лишь в себя и казался великим сам по себе; его доблесть и его гений как будто делали его судьбу его же оружием». Карла влекли вперед «огонь злопамятства к царю» и «непреклонное желание отомстить»¹⁹⁸. Король предполагал одной молниеносной атакой на укрепленные позиции русской армии достичь успеха и завершить войну.

Рассмотрим внимательно то, что было противопоставлено шведам под Полтавой. Армия Петра I заняла выгодную для обороны и одновременно наступления позицию на местности. На плоской возвышенности, имевшей пологий наклон к западу, то есть к противнику, был сооружен укрепленный земляной лагерь — ретраншемент. Здесь была расположена большая часть регулярной пехоты и вся полевая артиллерия. Для лагеря место было выбрано идеально. С востока ретраншемент примыкал к обрывистому спуску к реке Ворскле,

что исключало возможность обхода. С остальных трех сторон укрепления представляли собой 2 угловых бастиона, 2 полу-бастиона и 13 реданов, промежутки между которыми были прикрыты рогатками¹⁹⁹.

Впереди лагеря, для прикрытия регулярной кавалерии, было выстроено шесть редутов, которые полностью перекрывали пространство между лесными массивами — шведы могли появиться только оттуда. Еще четыре редута были выстроены перпендикулярно первым шести. Редуты защищали шесть пехотных полков — 4730 человек²⁰⁰. Остальная армия находилась в укрепленном лагере. Артиллерия разместилась как в лагере, так и в перпендикулярных редутах.

За два дня до сражения шведы провели рекогносцировку и замерили шесть редутов, выстроенных перед лагерем. Судя по оставленным описаниям, это были квадратные укрепления примерно 50 на 50 метров, отстоявшие друг от друга на 150—175 метров. Укрепления напоминали нарвские и особенно беспокояства у шведов не вызвали. Четырех перпендикулярных редутов в момент рекогносцировки еще просто не существовало, они были возведены буквально накануне сражения и не были до конца оборудованы.

Созданная комбинация укреплений прекрасно учитывала рельеф местности и при постоянной боевой готовности позволяла избежать фактора внезапности нападения. Шведы были обречены на постепенное преодоление целой системы фортификационных сооружений; кроме того, последние по времени возведения редуты исполняли роль волнореза, который должен был вспороть боевые порядки наступающих шведов.

Солидная инженерная подготовка к бою усиливала и без того подавляющее превосходство русской артиллерии. В атаковавшем шведском корпусе имелось всего лишь четыре полевые пушки трехфунтового калибра; прежде имелись еще две полуфунтовые пушки, но они были захвачены гарнизоном Полтавской крепости во время вылазки. 35 орудий ввиду отсутствия пороха бесцельно пребывали в обозе шведской армии.

В российской историографии обычно упоминаются цифры в 102 пушки, иногда даже 72, имевшиеся в распоря-



жении Петра I. По последним исследованиям историка П. А. Кротова, эта цифра весьма занижена. Общая численность русской артиллерии — 310 артиллерийских орудий. Это 32 полевых, 57 полковых (с учетом гвардии), 17 драгунских орудий, 20 мортир (для стрельбы 3-фунтовыми ядрами и 6-фунтовыми гранатами), 156 переносных 6-фунтового калибра мортир и 28 орудий гарнизона Полтавы²⁰¹. Таким образом, можно говорить о пятидесятикратном преимуществе русской артиллерии.

В час ночи шведы выдвинулись из своего лагеря. Однако движение пришлось остановить, так как кавалерия заблудилась в темноте. Драгоценное время для внезапной атаки уходило. Наконец к трем часам кавалерия нашлась. Четыре пехотные колонны, за ними конница начали, забирая вправо, огибать Яковецкий лес. Завидев русские редуты, шведы ускорили шаг и почти бегом устремились вперед, держа равнение в колоннах. Поступил приказ перестроиться в боевую линию. Светало.

Карл, которого везли на специальных носилках, закрепленных между двух лошадей, скомандовал начинать. 24 гвардейца и 15 драбантов должны были в случае опасности стать живым щитом для короля. Тем временем в душу Реншелда, на которого Карл возложил общее командование сражением, уже закрались сомнения. Фельдмаршал видел, что придется штурмовать Т-образную систему укреплений, которая позволит вести одновременный обстрел тыла и флангов наступающих на большой площади. И тогда он отдал приказ пехоте разделиться: часть батальонов атаковала ближайшие редуты, остальные же должны были как можно быстрее редуты обогнуть.

Удар шведского правого фланга был страшен. Два редута оказались взятыми молниеносно, никто из их защитников не уцелел. Однако потери шведов оказались ощутимы, нужна была передышка, и перед третьим редутом шведская пехота остановилась. Но тут вступила в дело русская артиллерия — установленные на валах редутов мортиры 6-фунтового калибра, очень эффективные в ближнем бою. Затем из-за поперечных редутов показались русские драгуны. Между редутами и лагерем стояло 17 драгунских полков Меншикова.

Левым флангом командовал Ренне (4459 человек), правым — Боур (7709 человек).

Навстречу русским драгунам Карл отправил шведскую конницу. Все перемешалось. Рубились насмерть. В конце концов русская конница отхлынула, не выдержав напора противника. Драгунские эскадроны отошли за холмы и встали у Семеновки. Однако и шведы были остановлены Реншельдом, опасавшимся, что кавалеристы слишком увлекутся и будут отрезаны, хотя королю фельдмаршал доложил, что кавалерия отошла сама, не сумев сокрушить русских. «Помогите же им пехотой!» — приказал Карл...

Итак, в первой фазе сражения участвовали: со стороны шведов 8170 пехотинцев, 7800 всадников регулярной кавалерии, 30 артиллеристов и 1000 всадников нерегулярной валашской кавалерии. Со стороны русских — 12 168 всадников и 4730 пехотинцев.

По приказу Карла правая колонна шведов во главе с генералом Роосом пошла на штурм двух «перпендикулярных» редутов, оставшихся в руках русских. Приступ был отбит, но с непонятным упрямством, как под Веприком, шведы еще несколько раз ходили в атаку. Лишь положив у редутов около 40 процентов людей, Роос решил отступить. Он хотел соединиться с армией, но ошибся в направлении, вошел в Яковецкий лес и расположился там на отдых. Русские вовремя обнаружили это и атаковали Рооса. Шведы были отрезаны от основной армии и загнаны в лесное болото. Часть солдат, завязнув в трясине, сложила оружие. Сдался и сам Роос, а также присоединившийся к нему, к своему несчастью, генерал Шлиппенбах, чья кавалерия играла в начале битвы роль передового отряда. Из бывших при них 2600 человек в живых осталось 400. Таким образом, количество шведских батальонов сразу сократилось на треть; был полностью разгромлен прославленный Далекарлийский полк.

Но Карл не знал, что произошло с Роосом. Он гнал войска вперед. Светало. Шведы — десять батальонов Левенгаупта — пошли в атаку на русский лагерь. По ним открыли огонь все русские пушки — и с фронта, и с редутов. При этом правое крыло пехоты, где находился Карл с гвардией, также оказалось под убийственным огнем. Большинство драбантов, со-



провождавших носилки с королем, были убиты. Оставшимся с трудом удалось запрячь двух лошадей и отогнать их подальше от огня противника. Над полем битвы вдруг наступило затишье.

Карл крутился в носилках, тшась рассмотреть картину боя. Все поле закрывал густой дым. Наконец он стал рассеиваться, и король увидел, что его пехота отступает.

«Начнем сначала», — сказал Карл. Личный конвой повез его к тому месту, где потрепанные полки строились в шеренги. «Это я ваш король! — кричал Карл из носилок. — Я не узнаю своих славных шведов! Я сам поведу вас вперед». Но, похоже, силы его были уже исчерпаны. После короткого спора с Реншельдом — тот полагал, что необходимо нанести удар по русской пехоте, а король предлагал атаковать русскую конницу, стоявшую на правом фланге, — Карл отстранился от руководства сражением. К этому моменту все достижения шведов сводились к взятию двух недостроенных редутов. При этом потери их были очень велики.

Все это время шведы упорно разыскивали «потерявшиеся» шесть батальонов Рооса. На поиски отправили два батальона Вестманландского полка под командованием генерал-майора А. Спарре. После двух часов ожидания шведам показалось, что батальоны Рооса возвращаются. Но это были русские войска, которые выходили из лагеря, чтобы пойти в решающую атаку. Наступала главная фаза сражения.

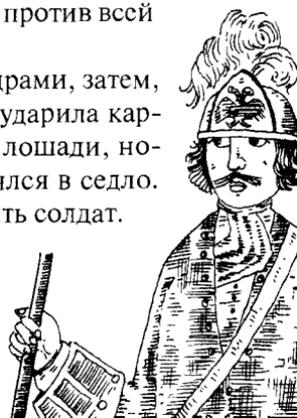
В шесть часов утра Петр приказал войскам строиться перед лагерем. Центр заняла пехота во главе с Шереметевым. Правый фланг — конница Боура, левый — Меншикова, который, добив шведов в Яковецком лесу, вернулся к армии. Артиллерия встала по всему фронту перед боевым порядком. Царь метался вдоль фронта на белом коне и кричал: «Воины! Вот и пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за Отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним доказывали... А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе благосостояния вашего!»

Количественное превосходство дало возможность Петру I обеспечить более плотную, а заодно и более протяженную боевую линию. Шведы, по расчетам П. Энглунда, смогли занять по фронту 1400—1500 метров, русские более двух километров. При этом разрывы между шведскими батальонами были намного больше, чем у русских, которых разделяло не более 10 метров. В эти промежутки русские артиллеристы быстро установили 55 трехфунтовых пушек, при этом надо учесть и орудия, оставшиеся в лагере, которые вели наветренной огонь.

Попробуем посчитать, какими силами к этому моменту располагали противники. Шведы имели максимум около 12 800 человек; количество казаков Мазепы и Гордиенко точно неизвестно, но, по мнению самих шведов, они практически не участвовали в сражении. Численность русской армии в первой линии составляла 17 750, во второй около 14 600 человек. Итого — 32 350. Если сюда добавить 6 пехотных полков, защищавших редуты (4730 человек), то общая численность русской армии должна была быть перед началом сражения более 37 000 человек без учета иррегулярных войск — казаков и калмыков. В любом случае 12 800 шведам противостояло 17 750 русских солдат первой линии.

Около 9 часов утра две армии пошли друг на друга, чтобы в беспощадном бою решить исход не только сражения, но и всей войны. Выстроившимся в боевой порядок шведам нужно было преодолеть 700—800 метров до русской «стены»; в таких случаях обычно шли шагом и только последние 100—200 метров преодолевались бегом. Заметив движение шведов, русские тут же остановились и изготовились к залпу. Позднее Левенгаупт, который вел шведскую пехоту, напишет в мемуарах: «Этих, с позволения сказать, идущих на заклание глупых баранов я был вынужден повести против всей неприятельской пехоты».

Артиллерия русских открыла огонь сначала ядрами, затем, подпустив шведов на тридцать сажень, в упор ударила картечью, сметая целые шеренги. Были убиты обе лошади, носившие короля. Карл, преодолевая боль, поднялся в седло. Он полагал, что своим видом сможет воодушевить солдат.



Присутствие короля на правом фланге сделало свое дело. Гвардейцы прорвали и откинули первую русскую линию. Был смят и отброшен батальон Новгородского полка. Но в тот момент, когда правый фланг шведов стал одолевать левый фланг русских, на противоположном фланге дело обстояло наоборот. Как пишет П. Энглунд, произошел эффект вращающейся двери. Петр помчался немедленно туда, где русские стали отступать, и сам повел вперед еще один батальон новгородцев, стоявший во второй линии. Одна пуля пробила царю шляпу, другая попала в седло, третья ударила в крест с афонскими мошами на груди.

Накатилась волна шведов, отхлынула, пошла снова вперед, откатилась. «И не больше получаса времени было, в которое шведская армия, прежде храбрая, вконец побита»²⁰².

«Шведы, вперед!» — ревел обезумевший Карл. Но уже начиналась агония. Разбегались все. Карлу захотелось плакать. Он смотрел невидящим взором, как разваливалась армия — его армия, превратившаяся в какие-то окровавленные ошметки. Кавалерия еле передвигала ноги, мотая окровавленными гривами, лошади уносили всадников прочь. Людской поток бурлил вокруг короля, как весенний водоворот. Карл даже не заметил, как пуля сорвала с него шляпу. Кто-то вокруг суетился, хватал за поводья. Прилетело русское ядро, ударило в грудь коню. Падающего короля подхватили на руки и посадили на другую лошадь.

Поражение было полным! Русские рубили направо и налево, знамена набирали охапками, брали в плен целые батальоны. Сдавались все — солдаты, офицеры и генералы. Напрасно Левенгаупт кричал им: «Смотрите! Именем Господа! Смотрите! Вот ваш король! Назад, мерзавцы!» Все было впусую. Великая армия разбегалась.

Глава 11

Капитуляция и итоги всей операции

Боевой дух и эффективность боя соперников были разными в первый (2–6 часов утра) и второй (6–10 часов утра) периоды битвы. Отдельно для каждого периода вычленим

потери сторон очень трудно. Можно допустить, что подавляющее большинство русских драгун (из 624 убитых и 1495 раненых) вышли из строя на первом этапе сражения в районе редутов. Большинство русских пехотинцев и артиллеристов (из 721 убитых и 1836 раненых) пролили кровь во второй период сражения. Тогда же было захвачено большинство шведских пленных.

В первый период битвы 8800 шведских кавалеристов и 8200 пехотинцев сражались против 4730 защитников редутов и 12 200 русских драгун. Потери шведов в районе редутов, конницы Кройца и пехоты Левенгаупта от артиллерии из ретраншемента составили около 2000 человек. От конного отряда Шлиппенбаха и колонны Рооса (2600 человек) после ее разгрома генерал-лейтенантом Ренцелем уцелело и попало в русский плен всего 400 человек.

Следовательно, защитники редутов, русские драгуны и артиллерия из ретраншемента (17 тысяч человек) в первый период сражения вывели из строя около 4200 каролинов; показатель эффективности боя русских равен 0,25 (4200:17 000).

В двух недостроенных редутах потери русских составили около 500 человек, а основные цифры приходятся на кавалерию Меншикова — около 2100 человек, которая встала на пути прорыва Карла к русскому лагерю. Эффективность действий шведов равна 0,15 (2600:17 000).

На втором этапе битвы против 12 800 шведской пехоты и кавалерии выступила 32-тысячная русская армия, в первой линии которой было около 12 750 пехоты и 5000 драгун. Вторая линия в сражении практически не участвовала. Условно за русские потери на втором этапе можно принять около 2000 человек; отсюда вытекает, что эффективность боя шведов составила 0,16 (2000:12 800).

Шведские потери можно определить, если из общего количества потерь в сражении 9234 человека отнять уже учтенные 4200; таким образом, эффективность боя русских на втором этапе составила 0,28 (5034:17 750).

В целом можно сказать, что шведы сражались отнюдь не плохо, и даже на втором этапе баталии эффективность их боевых действий несколько увеличилась. Однако умелое использование инженерных сооружений и численный пере-



вес во второй фазе позволили русским нанести шведам урон почти в два раза больший.

Общая картина боя выглядит так: эффективность действий шведов 0,28 (4676:17 000); русских — 0,31 (9234:29 610) — с учетом того, что пехотные полки второй линии в сражении не участвовали, а кавалерия, наоборот, участвовала во всем сражении.

Но если с поля боя шведы и бежали, то в дальнейшем их отступление было относительно организованным. Попытка казаков Скоропадского атаковать их лагерь в деревне Пушкаревка была отбита, и остатки армии начали свой отход по единственному спасительному для них пути — на юг к Днепру. Собирая по пути все возможные силы, при этом продолжая удерживать при себе около 2900 русских пленных, шведы отправились к Переволочне, еще не зная о том, что все средства для переправы через Днепр уничтожены.

Карла засунули в карету, но через час бешеной скачки у кареты отлетело колесо, и короля опять пересадили в седло. К несчастью, еще и заблудились в лесу и только утром вышли к Санжарам (35 верст от Полтавы). Измученному Карлу сделали перевязку. Он заснул. Но ненадолго. Получили известие, что погоня настигает. «Русские гонятся за нами, ваше величество! — разбудил его Левенгаупт. — Прикажите следовать дальше». — «Делайте что хотите», — ответил король; у него не было сил.

У переправы Карл встрепенулся: «Где Реншельд²⁰³?» — «В плену, мой король», — ответил Левенгаупт. «Где Роос?» — «В плену, мой король». — «Шлиппенбах?.. Шпер?.. Пипер²⁰⁴?.. Штакельберг?.. Гамильтон?..» — «Все или в плену, или погибли...» — «Я не покину своих солдат! Я погибну вместе с ними!» — вскричал Карл. Левенгаупт встал на колени: «Король, разрешите спасти вас, пока еще возможно... Умоляю вас». Остальные последовали его примеру и встали на колени. «Хорошо, — согласился король после долгого раздумья. — Левенгаупт, вы останетесь здесь и спасете армию. Уведите ее в татарские степи...»

После битвы Петр I приказал вновь выстроить войска перед укрепленным лагерем, отслужить молебен в походной церк-

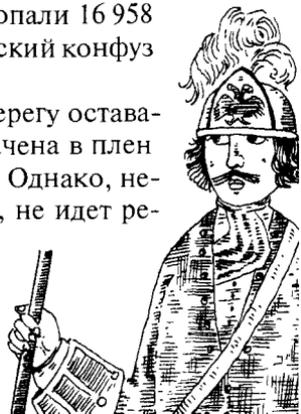
ви. Царь объехал строй с непокрытой головой и обратился к войскам со следующими словами: «Здравствуйте, сыны Отечества, чада мои возлюбленные! Потом трудов моих родил вас. Без вас государству, как телу без души, жить невозможно. Вы, имея любовь к Богу, к вере православной, к Отечеству, славе и ко мне, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши никогда не будут забвенны у потомства!»

Затем в царском шатре был устроен знаменитый пир, на который были приглашены и знатные пленники — Пипер, Реншельд и другие.

Лишь поздно вечером в погоню за отступающей шведской армией был отправлен князь Голицын с двумя гвардейскими полками, посаженными на лошадей, и шесть драгунских полков генерала Баура. На следующий день их нагнал Меншиков, которому было поручено возглавить окончательный разгром шведов. 30 июня русские настигли противника у Переволочны. Король переправился через Днепр накануне, с ним ушли генералы Спарре и Лагеркрона, 80 драбантов, 700 кавалеристов и 200 человек пехоты, а также Мазепа и его казаки, точное число которых неизвестно — называются цифрой от 1,5 до 3—4 тысяч.

Оставшийся за главнокомандующего Левенгаупт принял единственно правильное решение — капитулировать. В Переволочне сдались в плен (по последним уточненным данным шведского историка П. Энглунда): 1 генерал, 2 генерал-майора, 11 полковников, 16 подполковников, 23 майора, 256 ротмистров и капитанов, 304 лейтенанта, 323 корнета и прапорщика, 18 полковых квартирмейстеров, 27 адъютантов, 12 575 унтер-офицеров и рядовых (из них 9152 кавалериста, 3286 пехотинцев и 137 артиллеристов). Сюда можно добавить еще 3402 человека нестроевых и штатских, в том числе 1657 женщин и детей. То есть в русский плен попали 16 958 человек, из них — 13 556 военных. Расчет за нарвский конфуз был произведен полностью.

Эварницкий сообщает о том, что на левом берегу оставалось 220 запорожцев, часть которых была захвачена в плен и казнена самыми жесточайшими способами²⁰⁵. Однако, несмотря на все уверения украинских историков, не идет ре-



чи о тысячах казенных. Полк А. Маламы был в полном составе принят на русскую службу и позднее отправлен под Ригу и Ревель²⁰⁶. Костомаров говорит о 2700 казаках, переведенных в крестьянское сословие²⁰⁷, Эварницкий сообщает о 15000 казаков, к 7 июля вернувшихся и сдавшихся, которых постигла та же участь²⁰⁸. Если соизмерить эти цифры с числом казаков, бывших на стороне Мазепы, включая запорожцев, то погибших среди них, а тем более казенных, оказывается немного.

Узнав о бегстве Карла XII и Мазепы, Петр I приказал организовать погоню. Меншиков отправил два драгунских полка — Ярославский и Тверской под командованием князя Г. И. Волконского со следующей инструкцией:

«1. Идти с Божьей помощью с определенной партией за Днепр, переправиться через оную реку в удобном месте, где можно больше судов сыскать.

2. Тот поход свой править тем трактом, которым король шведский пошел, проведывая о том его тракте как можно накрепко, и идти со всяким поспешением денно и ночью, не смотря ни на какие трудности, и по крайней мере трудиться его короля шведского догнать.

3. Бude же Бог поможет, что он, господин генерал-майор, его, короля, догонит, и тогда его взять и привести к нам, где мы обретаться будем, а между тем обращаться с ним яко с монархом честно и учтиво.

4. Ежели при нем, короле, будет изменник Мазепа, и его взять, везти под крепким караулом, и смотреть того, чтобы он каким способом сам себя не умервил.

5. Для скорого поспешания брать лошадей по дороге в малороссийских городах, и по местам у всех жителей, а в то же время оставлять им драгунских присталых и садненных лошадей, тако же и провиант на драгун брать у них же что доведется с нужды по рассмотрению, а излишнего ничего, кроме того, у них не брать, и никаких своевольств и насилия никому не чинить, и о том во всей своей команде под смертною казнию заказать крепко.

6. Продолжать тот свой поход до того времени, как его, короля шведского, нагонит, к чему всякое тшание прилагать, не жалея себя, понеже за то, ежели сие учинить, высокая его

царского величества милость ему, господину генералу, обещается»²⁰⁹.

2 июля Ярославский и Тверской драгунские полки достигли Кременчуга. Некоторую путаницу внес посланец генерала Боура подпрапорщик Московского полка Герасим Рогозин, доставивший устное распоряжение генерала князю Волконскому следовать обратно к армии. Пока выясняли, пока разобрались, пока нашли необходимое количество судов для переправы через Днепр, драгоценное время уходило, а вместе с ним уходил от погони шведский король.

Помимо драгун в погоне участвовали и украинские казаки²¹⁰. Им удалось захватить несколько шведских солдат и офицеров, которые были переданы Волконскому. На допросе пленные показали, что король имеет намерение соединиться с войсками Лещинского и Крассова, а Мазепа движется к Бендерам. Но позже сведения о разделении Карла XII и Мазепы не подтвердились. 26 июля, когда драгуны Ярославского полка вышли к Бугу, было получено известие от полковника Корсуньского казачьего полка Кондыбы, который сообщал, что находится «в двух милях, в урочище Малокшах, а неприятель король шведский и Мазепа стоят по сю сторону Днестра у Бендера... а меж ими расстояния 4 мили»²¹¹.

Погоня проходила в тяжелых условиях, не хватало продовольствия и фуража. Волконский жаловался, что «ничего нет и достать негде». По этой причине часть «худоконных» драгун князь вынужден был оставить. Не было и реальной помощи от малороссийских казаков. Волконский писал, что они «у дела не надежны», и просил прислать из Киева донских казаков и калмыков. Тем не менее Ярославскому и Тверскому полку удалось настичь шведов и казаков Мазепы при переправе через Днестр 27 июля. Сюда же подошли малороссийские казачьи полки — Корсуньский, Переяславский и Богуславский. Увидев русскую конницу, король в сопровождении Мазепы и нескольких сотен солдат переправился на другой берег, оставив заслон из 400 человек. В бою шведы потеряли половину из них, в плен сдались 4 офицера и 209 рядовых²¹².

На самом деле, если бы не расторопность Станислава Понятовского, сопровождавшего шведского короля, то у Вол-



конского были бы все шансы догнать Карла XII. Бендерский паша медлил, ожидая распоряжений из Стамбула. Но поляк договорился с очаковским пашой, и тот за две тысячи дукатов обеспечил переправу шведам, благодаря чему они ускользнули от погони. Отсюда, из Очакова, Карл первым делом послал своего представителя О. Клинковстрёма в Бахчисарай, все еще надеясь на помощь крымского хана Девлет-Гирея. Ведь Девлет-Гирей был единственным в Европе правителем, чьи интересы в отношении России полностью совпадали со шведскими. В этом Карл не ошибся: хан — в противоположность Стамбулу, не желавшему ссориться с русскими, — уже в августе 1709 года изъявил готовность предоставить Карлу войско, дабы он мог пробиться в Померанию, где стояли войска Стенбока.

Князь Волконский, видя, что Карл XII достиг турецких владений, отступил в урочище Французская Криница, откуда отправил письмо бендерскому паше с просьбой выдать изменника Мазепу, а шведского короля задержать до тех пор, пока Петр I не решит его судьбу с турецким султаном. Однако вскоре было получено известие, что в Бендерах Карл XII был принят с почестями, и стало понятно, что добиться выдачи короля не удастся.

Полкам Волконского было приказано возвращаться. Несмотря на неудачную погоню, сам князь был пожалован царским портретом с бриллиантами.

После тяжелого сражения вся русская армия отдыхала в Решетилловке. От Полтавы отошли, «ради духу от мертвых тел, стоять было невозможно». Всех павших погребли в одной могиле, названной Шведской, но стояла такая жара, что смрад проникал даже из-под земли.

Царь развлекался с пленными: приказано было снарядить два шведских пехотных батальона и два эскадрона конницы и разыграть потешное сражение. Петр внимательно изучал их построения и приемы.

Двадцать три тысячи пленных скопилось в окрестностях Полтавы. Из них лишь около четырех тысяч увидят свою родину. Шведские родственники сразу после Полтавы попытались выкупить своих близких из плена, и были даже предложены «расценки»: «за генерала — 800 рублей, за пол-

ковника — 80 рублей» и т. д. Но Петр наотрез отказался: «...дабы мы обрадовались алтынам, всю армию их им продали, а себе беду купили...»²¹³

После победы царь оказал милость шведским генералам и офицерам, вернув им шпаги²¹⁴, и приказал:

«1. Пленным генералам и офицерам назначить их содержание, которое получают те русские чины.

2. Унтер-офицерам и рядовым производить жалованье, присвоенное нашему пехотному войску.

3. Дозволять каждому отправлять известное ему ремесло.

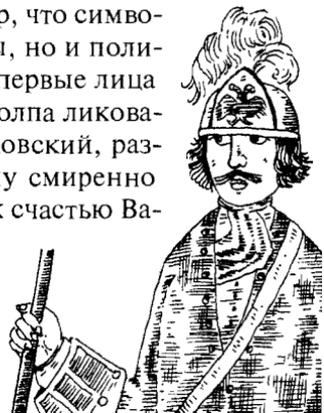
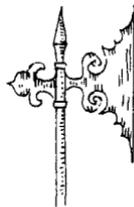
4. Кто из плененных пожелает вступить в российскую службу, тех, приняв, содержать наравне со своими.

5. У кого из них есть жены, взятые в плен, тем возвратить их.

6. Всех обнадежить, что будут отпускаемые в отечество на поруки товарищей своих с обязательством возвратиться в условное время»²¹⁵.

Всех плененных приказано было гнать в Россию. Сначала к Севску, Чернигову, Смоленску, потом далее. Плененных было так много, что пришлось снаряжать крупные партии драгун для их конвоирования. Перед отправлением казнили всех перебежчиков и изменников — прилюдно посадили на кол. Эта участь постигла и бригадира Мюленфельса, что оставил когда-то мост возле Гродно шведам, а после перебежал к ним.

21 декабря 1709 года русская армия «с великим триумфом» вошла в Москву. Петр и его генералы в сопровождении преображенцев и семеновцев въехали в город под звуки фанфар в сопровождении бесконечной вереницы плененных шведов. Пронесли триста захваченных знамен, провезли 35 пушек. В самом центре процессии располагались захваченные в сражении носилки Карла XII, окруженные придворными чинами и пленными гвардейцами. Шествие плененных замыкал фельдмаршал Реншельд, за ним шел граф Пипер, что символизировало не только военное значение победы, но и политическое. Так в древнеримских триумфах шли первые лица поверженного врага. За ними ехал сам Петр I. Толпа ликовала. Процессию встречал князь-кесарь Ромодановский, разодетый, как старый князь московский. К нему смиренно обратился Петр: «Благодаря милости Божьей и к счастью Ва-



шего Цезаревского Величия я с победой своего войска вернулся из Полтавы!»²¹⁶

Изумленные шведы были сбиты с толку и не могли понять, кто ж на самом деле русский царь — этот простой офицер или тот боярин-вельможа.

Знаменитый французский маршал Мориц Саксонский (1696—1750) сказал о битве под Полтавой: «Вот каким образом благодаря искусным мерам можно заставить счастье склониться в свою сторону»²¹⁷.

Теперь Петру, а не Карлу XII предстояло вершить закон на севере Европы. Уничтожив шведское могущество, он перевернул ситуацию на континенте. Петр успокоил Польшу и вернул трон Августу II. Возобновил союз с Данией. Королева английская Анна Стюарт в своем письме называла его императором. Только Франция с трудом принимала новое положение вещей, которое лишало ее двух союзников — Польши и Швеции. Да и сам Карл, разгромленный, но не сломленный, делал все, чтоб втянуть Турцию в войну с Россией. Петр жаждал мира. Он устал от девяти лет войны. Но впереди еще были долгие двенадцать лет противостояния.

Глава 12

Поход в Лифляндию. 1709–1711 годы

Полтавская виктория имела огромное значение в истории Великой Северной войны, однако после нее не случилось главного: мирного договора. В середине июля русская армия уже выступила из Украины: Меншиков двинулся через Киев в Польшу против войск Станислава Лещинского, а Шереметев — в Лифляндию для осады ее столицы Риги.

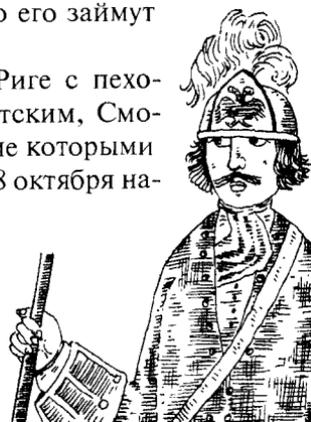
В состав корпуса Шереметева вошли 24 полка пехоты, конница Боура (8 драгунских полков) и свыше 2000 казаков — донских атамана Митрофана Лобанова и малороссийских А. Маламы. Из Решетилки пехота и кавалерия выступили вместе, к середине сентября добрались до Западной Двины; здесь пехота была посажена на суда и отправлена вниз по те-

чению реки, а конница вместе с обозами и пехотным батальоном прикрытия отправилась сухим путем. К 30 сентября 1709 года пехотные полки прибыли в Динабург²¹⁸, куда вскоре подошли драгуны и казаки.

Перед началом вторжения в Лифляндию Шереметев по приказу царя обратился к ее жителям с универсалом, в котором приглашал их добровольно покориться русскому оружию, обещая сохранить за ними все их права и преимущества. Расчет был прост — считалось, что среди лифляндского дворянства достаточно недовольных редукцией, проводившейся и Карлом XI, и Карлом XII. Однако на первых порах воззвание особого успеха не имело. Вполне вероятно, что жестокая казнь Паткуля (его колесовали), выданного шведам Августом II по условиям Альтранштадтского мира, на чем особо настаивал Карл XII, произвела большое впечатление на жителей Лифляндии.

Еще на марше Шереметеву стали поступать донесения о том, что шведы по всей провинции уничтожают и жгут провиант, а скот сгоняют в Ригу. Чтобы воспрепятствовать этому, к столице Лифляндии было послано четыре драгунских полка (Новотроицкий, Киевский, Ямбургский и Каргопольский) под командованием генерала Боура. Полки расположились в окрестностях Риги и начали отправлять «партии» против шведов. Так, одна «партия» подошла к городскому форштадту, который обороняли около 300 шведских солдат, выбила их оттуда и форштадт уничтожила. Другая «партия» напала на шведский пост, гарнизон которого состоял из 100 всадников; большую часть их перебили, 10 солдат и одного офицера взяли в плен, а прочих преследовали до самых городских стен. Шведы, бывшие в Риге, при виде всего этого впали в панику и, не разобравшись, в чем дело, сами сожгли еще один городской форштадт в опасении, что его займут русские.

Тем временем Шереметев приблизился к Риге с пехотой и оставшимися драгунскими полками (Вятским, Смоленским, Невским и Троицким), в командование которыми вступил генерал-майор князь Волконский, и с 28 октября начал осаду города.



Укрепления Риги были обновлены последним губернатором провинции Эриком Дальбергом; они представляли собой весьма солидные сооружения, часть их была вынесена за пределы городских стен. Однако местный губернатор Стремберг предпочел защищаться исключительно в пределах города. Даже расположенная на левом берегу Двины небольшая крепость Коброншанц, которая могла доставить русским немало проблем, была оставлена шведами сразу же, как только приблизилась конница Волконского.

10 ноября в армию прибыл Петр. На следующий день он внимательно осмотрел укрепления Риги и приказал отложить штурм города до весны, ограничившись пока осадой и бомбардировкой. Царь прекрасно помнил неприятный инцидент, происшедший с ним во время посещения Риги Великим посольством, когда ему запретили осматривать ее военные укрепления и зарисовывать их. После устных предупреждений часовые пригрозили применить оружие. Нахождение под дулами ружей для самовластного правителя огромной страны стало смертельным оскорблением. Сейчас настал момент, когда можно было расчитаться за нанесенную обиду.

К 12 ноября были установлены на позиции артиллерийские батареи, и утром сам царь осуществил первые выстрелы из мортир. Уведомляя об этом Меншикова, Петр писал: «Бомбардирование Риги началось, и первые три бомбы своими руками в город отправлены, о чем зело благодарю Бога, что сему проклятому месту сподобил мне самому начало отмщения учинить».

13 ноября царь отправился в Петербург, а Шереметев часть войск отвел на зимние квартиры в Курляндию, оставив для блокады Риги отряд в 7000 человек под начальством князя Репнина, который в течение всей зимы не допускал подвоза припасов в город и бомбардировками производил в нем частые пожары. К весне 1710 года русские возвели укрепление между Ригой и Динамюнде, чтобы воспрепятствовать возможному появлению шведского флота в устье реки Двины. Крепостца получила наименование Александршанц, в честь Меншикова, также прибывшего к осажденному городу. Кроме того, Западная Двина была перегорожена свайным

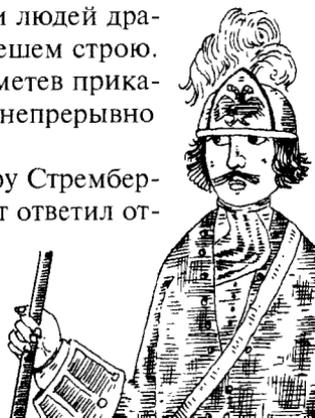
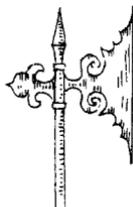
мостом. Возведение этих укреплений было как нельзя кстати. С началом навигации шведский флот предпринял попытку деблокировать осажденную Ригу, однако был вынужден отойти под огнем русских батарей назад к Динамюнде.

К 1 мая все войска вернулись с зимних квартир. Шереметев ожидал лишь подвоза тяжелой артиллерии, чтобы начать разрушение крепостных стен, как на армию обрушилась эпидемия «морového поветрия» — «люди стали умирать язвами»²¹⁹. Были приняты меры к изоляции зараженных. Целые полки выводили из блокадной линии и ставили биваком в открытом поле и лесах, рота от роты на расстоянии в версту. На всех дорогах, ведущих к Риге из Киева, Пскова, Нарвы, от границ Пруссии и Курляндии, были выставлены карантинны и заставы. Но все это мало спасало войска от ужасной эпидемии. То усиливаясь, то ослабевая, чума свирепствовала до последних чисел декабря 1710 года и унесла жизни 9800 человек. Во избежание распространения заразы полки в тот год не укомплектовывались рекрутами.

Эпидемия вынудила Шереметева приостановить активные действия по осаде Риги и ограничиться только бомбардировками. Вскоре зараза, свирепствовавшая в русском лагере, перекинулась и к осажденным. В две недели из 12 000 человек гарнизона умерло около 8000, а мирных обывателей — до 60 000²²⁰. При этом, несмотря на сокращение численности населения, в городе стал ощущаться недостаток продовольствия.

В конце мая в армию прибыл оправившийся от раны, полученной в Полтавском сражении, генерал Ренне, которому была передана под командование вся конница и одна пехотная дивизия. 29 мая состоялся военный совет, на котором было решено взять штурмом предместья. Для атаки отобрали 2400 человек, командовать которыми назначили бригадира Штафа и полковника Ласси. Из-за нехватки людей драгунские полки были отправлены на штурм в пешем строю. 30 мая все предместья Риги были взяты. Шереметев приказал поставить здесь шесть мортирных батарей и непрерывно обстреливать город.

12 июня фельдмаршал отправил к губернатору Стрембергер-парламентера с предложением сдаться, но тот ответил от-



казом; после этого бомбардировки усилились. За десять дней, с 14 по 24 июня, по городу было выпущено 3389 снарядов.

28 июня военный совет при коменданте Риги решил, что дальнейшее сопротивление бессмысленно. Стремберг извещал об этом Шереметева и попросил у него 48-часовое перемирие, на что фельдмаршал дал согласие. 30 мая депутация от рижского дворянства во главе с ландмаршалом Лифляндии Тизенгаузеном отправилась в русский лагерь и представила Шереметеву свои предложения по условиям капитуляции в 30 параграфах. Фельдмаршал согласился выполнить все просьбы осажденных при одном условии — незамедлительной после капитуляции присяги дворян Лифляндии на верность русскому царю. Депутация попыталась спорить, но Шереметев в случае невыполнения этого условия пообещал не оставить от Риги камня на камне. Депутация была вынуждена подчиниться.

4 июля Шереметев утвердил условия капитуляции, и в тот же день князь Репнин вступил в Ригу с 6000 солдат, занял городские валы, стены, цитадель и все укрепления. Русским достались 561 пушка, 66 мортир и 7 гаубиц. Тизенгаузену было направлено письмо следующего содержания: «Как по соизволению Божию, область Лифляндия с городом Ригой покорилась, на основании заключенного условия, Его Императорскому Величеству, то все сословия, и в особенности дворяне, должны принести присягу на верноподданство. Дворянство может быть уверено в милости и благоволении к нему Его Императорского Величества».

Церемония приведения к присяге населения Риги была обставлена с помпой. 12 июля сорок дворян прибыли в русский лагерь, откуда они отправились вместе с фельдмаршалом и его многочисленной свитой, в сопровождении пехотного и драгунского полков, обратно в город. Въезд в Ригу проходил под звуки труб и литавр. В Карловых воротах Шереметева встречали бургомистр и члены магистрата, поднесшие ему на бархатной подушке два золотых ключа от города. Процессия двинулась через весь город к замку, где фельдмаршала встретил Тизенгаузен и проводил до специально устроенного посреди большого зала возвышения. Приняв поздравления, Шереметев проследовал в походную право-

славную церковь, разместившуюся в верхнем ярусе замка, где прослушал литургию по случаю победы, а затем отправился вместе со всеми рижскими дворянами на службу в лютеранскую церковь. По окончании богослужения все дворяне Риги с ландмаршалом во главе приблизились к алтарю и принесли присягу на верноподданство²²¹. Наконец Шереметев вместе со всем генералитетом отправился на городскую площадь к ратуше, где принял присягу от остальных жителей Риги. Затем вся процессия вернулась в русский лагерь, где был дан обед, во время которого, под гром пушек и музыку, было провозглашено присоединение Лифляндии к России.

Тотчас по взятии Риги генерал-поручик Боур был выдвинут с шестью драгунскими полками к городу Пернову²²², лежащему в 160 верстах от Риги, на берегу Финского залива. 22 июля русская конница появилась у Пернова и взяла его в плотное кольцо. Силы гарнизона составляли всего 120 солдат. Причина та же, что и везде, — чума. Комендант крепости сразу выслал для переговоров двух офицеров. Он просил, чтобы Боур позволил покинуть город укрывшимся в нем дворянам. Боур ответил отказом и потребовал капитуляции, угрожая в противном случае, с прибытием пехоты и артиллерии, штурмом.

14 августа Пернов капитулировал, и в него вступил только что прибывший пехотный полк. Вооружение крепости, состоявшее из 183 пушек, 14 мортир и 4 гаубиц, было передано по описям.

За неделю до этого капитулировала крепость Динамюнде. Из 1900 человек гарнизона к этому времени оставалось в живых не более 10 процентов. Остальные умерли от чумы. Одновременно была произведена высадка десанта на остров Эзель. Единственная крепость острова — Аренсбург — была занята без какого-либо сопротивления.

Последним оплотом шведов в Лифляндии оставался Ревель (Таллин). Еще в середине зимы комендант Нарвы полковник Зотов получил царский указ с тремя драгунскими полками занять все ведущие к Ревелю дороги. Позже к Зотову присоединилось несколько рот преображенцев и семеновцев. В апреле 1710 года отряд получил приказание выдвигаться к Ревелю. Приближение русских вынудило местных



жителей искать спасения за городскими стенами. Отряд Зотова расположился лагерем возле Верхнего озера, из которого город по каналу питался водой. По приказу Зотова канал был немедленно перекрыт. Город лишился пресной воды, кроме того, стоявшие на канале мельницы были вынуждены прекратить свою работу. Горожане принялись собирать дождевую воду и копать прямо во дворах колодцы. От огромного количества людей, скопившихся в городе, вспыхнула эпидемия.

15 августа к Зотову присоединился отряд бригадира Иваницкого из шести пехотных полков и батальона гренадер. Иваницкий расположился лагерем на берегу моря и устроил батарею на случай прихода на помощь осажденным шведского флота. Еще через три дня подошел князь Волконский с тремя полками драгун, а вскоре прибыл генерал Боур, также с тремя драгунскими полками. Шведский флот действительно появился в ревальском порту, но был отогнан удачным огнем батареи бригадира Иваницкого.

Тем не менее на осаду у русских не хватало сил. В надежде обойтись без кровопролития в город был отправлен универсал Петра, которым обещалось «сохранить в полной неприкосновенности... евангелическую религию, распространенную сейчас по всей стране, все ее старые привилегии, свободы и права». Взвесив все «за» и «против», защитники Ревеля, чей моральный дух был изрядно подорван нехваткой продовольствия и пресной воды, 29 октября капитулировали. На этом боевые действия в Прибалтике завершились.

Глава 13

Прутский поход

Мы сознательно включаем этот эпизод русско-турецкой войны в общий обзор военных действий между Россией и Швецией, так как фактически Прутский поход явился частью цепи событий Северной войны после Полтавы и Переволочны.

Крымский хан Девлет-Гирей II уже в начале 1709 года обещал помощь шведам войсками, включая казаков-некрасов-

цев, нашедших приют в его владениях после разгрома Булавинского бунта. Хан остался верен своему слову и после Полтавы, предлагая помочь Карлу XII пробиться в Померанию, где стоял крупный контингент шведских войск. В качестве «эскорта» планировалась 40-тысячная армия татар²²³.

Мало того, Девлет-Гирей еще до Полтавы вывел свою армию из Крыма, двинулся на Правобережье и встал лагерем в районе Кобыляк²²⁴, где ожидал до августа 1709 года, не зная о размерах катастрофы, постигшей Карла XII и Мазепу.

Хан отказался от переговоров с Россией, когда представители Петра I, прибывшие в Бахчисарай в августе 1709 года, предложили ему выдать Карла XII и казаков, находящихся в Крыму. Шведские источники сообщают о письме Петра, где он обещал хану: «...я тебя облагодетельствую, я поставлю тебя начальником над великой Тартарией в земле Казани, многочисленным народом, над которым ты будешь полномочным правителем». Девлет-Гирей отказался, а петровских посланников «отослали назад»²²⁵.

Но Стамбул, на который крымский хан вынужден был оглядываться, по-прежнему придерживался нейтралитета. Если до разгрома шведов возможность союза с ними против России обсуждалась, то после Полтавы, 14 января 1710 года, султан Ахмед III ратифицировал мирный договор между Турцией и Россией, заключенный еще в 1700 году, а шведского короля обещал выслать через Польшу «только со своими людьми», то есть без запорожцев и мазепинцев и тем более без татар²²⁶.

В мае 1710 года Девлет-Гирей заключил военный союз с преемником Мазепы Филиппом Орликом и запорожцами. Основные положения договора сводились к обязательствам хана быть союзником запорожцев, но не брать их в подданство, добиваться освобождения Малороссии от московского владычества, но при этом не разорять православных церквей и не брать пленных, всеми силами способствовать объединению Левобережья и Правобережья в независимое государство²²⁷.

К лету 1710 года отношения между Турцией и Россией стали ухудшаться. Первым эпизодом, обострившим положение дел, стал в конце сентября 1709 года разгром шведского отря-



да на территории Турции в районе Черновцов вторгшимися туда русскими войсками. Это были 500 человек, направленные Карлом XII под командованием генерал-квартирмейстера А. Юлленрука на поиск корпуса фон Крассова и короля Станислава Лещинского, которые к тому времени уже ушли в Померанию. Они были окружены русскими и почти все уничтожены или взяты в плен; лишь несколько человек вернулись в Бендеры. Б. Григорьев приводит мнение шведского историка Б. Лильегрена о том, что Карл XII специально рекомендовал Юлленруку держаться поближе к русским границам, с тем чтобы спровоцировать нападение русских и разжечь конфликт между Турцией и Россией²²⁸.

Посланник России при дворе султана П. А. Толстой оправдался тем, что русский отряд действовал без ведома царя Петра и его командир будет строго наказан. Однако укрепление позиций России в Европе после Полтавы серьезно беспокоило наконец и Блистательную Порту. Масло в огонь подливал крымский хан, постоянно твердивший о «русской опасности», а также распространившиеся в Европе слухи о планах русского царя создать на обломках Османской империи «Ориентальное цесарство» под скипетром российского монарха²²⁹.

Ситуацию обострило и то, что планы Девлет-Гирея о выделении 40 тысяч воинов для сопровождения шведского короля в Померанию стали известны Петру I, и царь отправил в Стамбул протест, подкрепленный обещанием придвинуть русские войска к турецким границам и начать возводить новые крепости, если король не будет удален в ближайшее время с территории Турции. Ультимативный тон был расценен султаном Ахмедом III как оскорбление, и 9 ноября Турция объявила России войну.

Крымский хан нанес сразу два удара с общим направлением на Киев. На Правобережную Украину наступало войско его сына Мехмед-Гирея, в котором было 40 тысяч татар, 7–8 тысяч запорожцев и казаков Орлика, 3–5 тысяч поляков во главе с Иосифом Потоцким и 700 шведов под командой полковника Цюлиха. Сам Девлет-Гирей во главе армии, состоящей из 40 тысяч и 2 тысяч запорожцев, имея при себе 40 шведских офицеров, устремился через Слободскую

Украину к Воронежу с намерением разорить тамошние судостроительные верфи.

В течение первой половины февраля 1711 года татары и казаки Орлика легко овладели Брацлавом, Богуславом, Немировым, немногочисленные гарнизоны которых не оказали сопротивления²³⁰. Немалую роль в этом сыграл универсал Ф. Орлика с призывом бороться против «московской неволи, сломания прав и вольностей войсковых, несказанных тягостей, налогов и мучительства»²³¹. Орлику вторил Мехмед-Гирей, заявивший, что крымцы идут на помощь «всем стонущим под игом неволи» короля Августа и царя Петра²³². Ф. Орлик сообщал Девлет-Гирею, что за две недели его войско выросло до 40 тысяч человек²³³. Но скорее всего имелась в виду численность населения захваченных на Правобережье поселений, так как полк еще и территориальная единица. Мехмед-Гирей отдал приказ «черкесам разорения не чинить, и в полон их не имать, и не рубить»²³⁴. Отсутствие сопротивления местных жителей Антонович объясняет неопределенностью положения края — вопрос о принятии их в подданство России так и не был решен, и все находились в ожидании неизвестно чего. В то же время, воспользовавшись смертью С. Палия, Август II уже начал раздавать отдельные деревни своей шляхте²³⁵, и это совсем не нравилось населению.

Вскоре, однако, между запорожцами, поляками и татарами возникли серьезные разногласия. Орлик и запорожцы стояли за независимость Малороссии, поляки во главе с киевским воеводой Иосифом Потоцким — за возврат Правобережья Польше, татар прежде всего интересовала возможность грабежа и увода «полона». И. Потоцкий настаивал на скорейшем движении в Польшу против Августа II, Орлик и Мехмед-Гирей предпочитали двигаться в направлении Белой Церкви и Киева. Возобладала последняя точка зрения, но поляки ушли в направлении Волыни, чтобы поддержать шляхетскую партию, борющуюся с Августом²³⁶.

25–26 марта свыше 30 тысяч татар и запорожцев подошли к Белой Церкви, которую защищали казаки А. Танского и 500 солдат бригадира Г. Анненкова. Первая их атака была отбита; затем, в ночь на 26-е, они сумели захватить предместья, но тут же были оттуда выбиты, снова атаковали и снова



вынуждены были отступить. В конце концов, потеряв около тысячи человек, они были вынуждены отойти. Неудачными оказались и предпринятые ими попытки взять Чигирин, где обороной руководил Игнат Галаган.

Когда же через Днепр переправился князь Д. М. Голицын с 9 драгунскими, 2 пехотными полками и казаками И. Скоропадского, татары рассеялись, занялись грабежом и уводом полона. Всего они захватили около 10 тысяч человек. Орлик, возмущенный таким поведением союзников, срочно написал Карлу XII. Король обратился к султану, и последовал указ собрать и отдать всех пленных Орлику²³⁷. Но выполнить желание султана татары не смогли, поскольку большая часть полона (около 7000 человек) была отбита у татар к тому времени войсками Д. М. Голицына²³⁸.

На Левобережье самому Девлет-Гирею противостоял корпус бригадира Осипова²³⁹ и генерал-майора Шидловского²⁴⁰ (всего 10 934 человек), под Воронежем — корпус Ф. М. Апраксина и 5000 донских казаков. Оборона отталкивалась от знаменитых Белгородской и Изюмской засечных черт. В середине февраля 1711 года татары захватили крепость Новосергиевскую на реке Самаре, население которой, в основном из бывших запорожцев, сдалось без боя. Далее Девлет-Гирей пошел в направлении Харькова и Изюма. Деревня Водолаги встретила крымского хана с хлебом и солью, поддавшись на «прелестные» письма Ф. Орлика, другие, не столь лояльные населенные пункты — Мерефа, Валки, Перекоп, — были татарами сожжены и разграблены, а жители уведены в плен. Девлет-Гирей не дошел лишь трех верст до Харькова. переброска русскими дополнительных сил на опасный участок прорыва заставила крымцев повернуть назад. 5 марта 1711 года Шидловский и Осипов донесли Апраксину в Воронеж, что «хан с ордою и воры запорожцы из полку Харьковского повернулись в Крым». Отступая, Девлет-Гирей оставил в Новосергиевской крепости гарнизон из 1500 запорожцев и татар под командой Федора Нестулея²⁴¹.

25 февраля 1711 года в Успенском соборе Кремля был зачитан царский манифест об объявлении войны²⁴². Русские решили нанести основной удар в Молдавии, вспомогательные — в Крыму и на Кубани. Главная русская армия, кото-

рую возглавил сам царь, состояла из четырех пехотных дивизий, шести отдельных пехотных полков, двух кавалерийских дивизий, отдельного драгунского полка (всего около 79 800 человек); кроме этого, в составе армии около 1000 донских казаков²⁴³ и 6000 молдавской конницы Дм. Кантемира вместе первоначально обещанных 30 000²⁴⁴.

На Кубань уходил корпус Казанского губернатора П. М. Апраксина — 6286 человек. И. Скоропадскому с его 20 000 казаками было предписано соединиться с корпусом генерал-майора Д. И. Бутурлина (7178 солдат — 7 пехотных и 1 драгунский полк) в Переяславле 5 апреля и немедленно выступить на Крым. Однако сложная обстановка на Правобережье и возможность повторного прорыва Мехмед-Гирея задержали поход. Вперед был отправлен генерал Шидловский с 2500 слободских казаков, которые после двухдневной осады освободили Новосергиевскую крепость²⁴⁵.

К маю корпус Скоропадского и Бутурлина добрался до Переволочны и остановился из-за нападения татар на Тор и Бахмут. Атака была отбита, но задержала дальнейшее продвижение до 30 мая. Лишь 2 июля корпус прибыл в Каменный Затон. Первоначально обсуждалась возможность нанесения удара по Крыму через Сиваш, но из-за отсутствия судов, уничтоженных на Днепре перед Полтавской битвой, это оказалось невозможно²⁴⁶.

Весь поход свелся к тому, что выслали вперед четыре батальона пехоты с капитаном Постельниковым, которые сожгли пустые курени Новой Запорожской Сечи²⁴⁷. Вскоре в стоящем без дела корпусе стала ощущаться нехватка продовольствия, участилось дезертирство как среди солдат, так и казаков²⁴⁸. К тому же возникла опасность, что татары пережут тыловые коммуникации, и в конце концов И. Скоропадский и Д. Бутурлин вынуждены были отступить²⁴⁹. Таким образом, Крымский поход провалился и главную свою задачу — отвлечь часть сил турецко-татарской армии от основной части русской армии — не выполнил.

Апраксин вышел из Казани 13 мая 1711 года и направился к Азову. По пути его отряд увеличился до 9500 человек за счет 1500 донских и яицких казаков, а также саратовских и симбирских детей боярских, царицынских и астраханских горо-



довых людей. Позднее к нему присоединились 20 474 конника калмыцкого тайши Аюки. 26 августа Апраксин разорил ставку ногайского хана Бахти-Гирея — Копыл. В реляции он сообщил, что было побито 11 460 и взято в плен 21 000 татар. Русские преследовали неприятеля по течению Кубани на протяжении 100 верст; при переправе более 6000 татар утонуло в реке. 6 сентября казаки и калмыки разбили возвращавшийся из набега на Саратов отряд Чана Народына из 7000 татар и 4000 некрасовцев, отбив у них около 2000 пленников. В это время пришло известие о заключении Прутского мирного договора; Апраксин прервал поход и вернулся в Азов²⁵⁰.

Основная русская армия к 5–9 июня добралась лишь до Прута, хотя конечной целью похода был Дунай. Причины этого заключаются в крайне сложных условиях перехода — жара, отсутствие воды и кормов для скота и лошадей; затруднял движение и огромный обоз, тянувшийся за армией. Создается такое впечатление, что Петр после Полтавы пребывал в какой-то эйфории и представлял войну с Турцией как увеселительную прогулку; иначе не объяснить огромное количество офицерских жен с семьями²⁵¹, сопровождавших своих мужей; находилась в армии и Екатерина I.

По мере движения войско сокращалось: около 9000 человек оставили в Яссах, еще 5056 драгун и вся молдавская конница отправились с генералом Ренне к Браилову. К 19 июля, дню первого серьезного столкновения с турками и татарами, в строю оставалось 31 554 пехотинца и 6692 кавалериста, то есть численность уменьшилась на 27 000 человек. Беспечность Петра и его окружения привела к тому, что 21 июля русская армия была полностью окружена, и катастрофа, казалось, была неминуема.

Мы не преследуем цель рассматривать всю Прутскую операцию и подробности счастливого избавления Петра I и армии от плена. Гораздо важнее понять, каким образом русские угодили в турецкий мешок?

Б. А. Алмазов полагает, что причина в донских казаках, на которых лежали обычно обязанности разведки, — они не смогли, а точнее, не захотели обнаружить многочисленного противника там, где он находился. И русский царь — по-

бедитель турок при Азове, шведов при Полтаве — очутился в самом центре турецкой армии вместе с войском. Это была месть казаков за сожженные городки во время Булавинского бунта, притеснения в вольностях и многочисленные жертвы карательных акций на Дону²⁵². Но, возможно, причина в другом. Поскольку армия находилась на территории Молдавского княжества, можно предположить, что разведка была возложена на подданных князя Дм. Кантемира. И армия... заблудилась²⁵³.

Петр был согласен на все: отдать туркам Азов, срыть все приграничные крепости, вернуть шведам Лифляндию и прочие завоеванные земли, оставив себе лишь узкую полоску выхода к Балтийскому морю с Петербургом, но отдать взамен Псков, согласиться, что польским королем будет вновь Станислав Лещинский, и т. д. Но вернувшийся из турецкого лагеря опытный дипломат Шафиров привез гораздо более выгодные условия: вернуть Азов и срыть крепости в устье Дона, не вмешиваться в польские и казачьи дела и свободно пропустить Карла XII к себе на родину.

Высочив из окружения, Петр I лишь частично выполнил условия перемирия — вернул туркам Азов, срыл крепость Таганрог, но выводить войска из Польши и с Правобережья отказался, сославшись на то, что турки не выслали из своих пределов Карла XII. Возникла патовая ситуация: шведский король отказывался покинуть Турцию, поскольку вероятность его захвата русскими на территории Польши была весьма велика, Турция не могла нарушить законы гостеприимства и насильно его выдворить, Петр отказывался выводить войска из Польши и прекратил уничтожать свои крепости, принуждая Турцию объявить ему войну, в которой она была абсолютно не заинтересована.

В дело вмешался Август II. Его представитель, некий польский полковник Ломарь, явился в Бахчисарай с предложением выдать Карла XII. Полковника отправили восвояси, но он появился снова. И хотя все опять ничем не закончилось, информацию о переговорах подкинули Карлу XII. Король поверил, что против него зреет заговор²⁵⁴, и в результате случилось то, что в истории получило имя собственное — Калябалык (*тур.* сутолока, заваруха). Три дня происходили во-



оруженные столкновения между татарами и шведами, во время которых король был ранен (потерял кончик носа), и на некоторое время его воинственный пыл приугас.

Глава 14

Начало боевых действий в Финляндии.

Взятие Выборга и Кексгольма

Пока главные события Северной войны развивались на Украине и в Прибалтике, на Карельском перешейке имели место лишь локальные столкновения. Русскими сухопутными силами²⁵⁵ и флотом здесь командовал граф Федор Матвеевич Апраксин. Им противостояла финляндская армия генерал-лейтенанта И. Г. Майделя, насчитывавшая, по разным источникам, от восьми до десяти тысяч человек. Главной задачей Апраксина было не допустить внезапного нападения. Казачьи разъезды патрулировали выборгскую дорогу и берега Невы до Шлиссельбурга, доходили до Кексгольма (Корелы), доставляли «языков» и не брезговали между делом промышлять грабежом.

9 июля 1704 года Р. В. Брюс, обер-комендант Ингерманландии, получил известие о подходе шведских судов и «Бахметева и Захарского и запорожского полковника (Матвея Темника. — *А. Ш.*) со всей конницей да с ними из гарнизонных полков с майором Болховским 200 человек пехоты на казацких лошадях к Выборгу в поход отправил»²⁵⁶. (Интересный факт, свидетельствующий, во-первых, об отношении к казакам, у которых можно забрать лошадей, а во-вторых, о том, что скорее всего казаки имели не по одной лошади, а по две. Но подобные акции привели к тому, что казаки остались практически безлошадными. Из рапорта коменданта Петербурга Р. Брюса в 1706 году видно, какие были серьезные потери в конском составе: в регулярных частях — 71 процент, в казачьих — 90 процентов²⁵⁷.) Выдвинувшись в направлении Выборга, казаки обнаружили передовой отряд шведов, захватили несколько пленных, перебрались через Черную речку, но при острове Валкисаари наткнулись на

основные силы генерала Майделя, сумели оторваться и известить об опасности русское командование в Петербурге и Шлиссельбурге²⁵⁸. Ничем серьезным в тот раз дело не кончилось, но ясно, что шведы постоянно держали русских в напряжении.

В 1706 году Петр I предпринимает первую — неудачную — попытку взять Выборг. Из донесения А. Д. Меншикова Петру I в ноябре 1706 года видно, что одна из причин отступления русских от Выборга — отсутствие каких-либо сведений о противнике²⁵⁹. И сухопутная, и прибрежная линия обороны, возложенной на Апраксина, имели огромную протяженность и требовали проведения непрерывной разведки и сбора данных о противнике и его намерениях. Обычно эта задача возлагалась на казаков, но их, судя по всему, в Ингерманландии было немного.

Ситуация осложнялась возрастающим сопротивлением русским со стороны местного населения. Дошло до того, что Петр I вынужден был приказать Апраксину выселить 4000 местных жителей из Ингерманландии, опасаясь, и не напрасно, их содействия шведам²⁶⁰. Финны собирались группами и с оружием нападали на небольшие русские отряды²⁶¹. То же самое происходило и на выборгском направлении. В июле 1708 года Ф. М. Апраксин писал царю, что под Выборгом «шиши (лазутчики. — А. Ш.) учинили бой... Великую чинят нам обиду, и не можем таких бездельников поймать»²⁶². Спустя несколько дней Апраксин доносил: «29 июля отрядил казацкого полка адъютанта Ашерина со 100 казаками в поиск по Ревельской дороге из Нарвы. 8 августа взяли поручика Штакельберга, с ним 5 рейтар, 20 побили»²⁶³.

В августе 1708 года казаки Бахметева в составе отряда полковника Монастырева, общей численностью около 1000 человек, имели столкновение со шведами на реке Семь в 10 верстах от Ракобора (совр. Раквене). Противник был разбит, казаки преследовали отступающих шведов двадцать верст, в плен были захвачены 244 человека, убиты 916. Казаки потеряли четырех убитыми и восемь ранеными. Апраксин особо отмечал действия Бахметева и просил царя «дабы хотя бы малой милостью был награжден»²⁶⁴.



В том же августе 1708 года 12-тысячная шведская армия под командованием генерала Любекера (Либикера) предприняла поход от Выборга к Санкт-Петербургу. До столкновений с Апраксиным не дошло; плохая погода — непрерывные проливные дожди — и отсутствие продовольствия на разоренной территории сделали свое дело за русских. Измотав своих солдат, Любекер форсировал Неву в районе реки Тосно, обошел Петербург и к октябрю добрался до Копорского залива, где его ждала шведская эскадра. К 12 октября русские узнали, что шведы грузятся на корабли у Сойкиной Мызы, рядом с деревней Криворучье. Казачья разведка, добыв «языка», выяснила, что погрузку прикрывают шесть батальонов. Апраксин срочно выдвинул пять пехотных батальонов, батальон гренадер, 2000 драгун и казаков. Шведский арьергард отчаянно защищался, но был сброшен в воду и по большей части уничтожен — 900 шведов были убиты, 157 взяты в плен²⁶⁵.

На этом боевые действия завершились. Но рейд Любекера вызвал активизацию местного населения. Описывая ситуацию, Ф. М. Апраксин из Петербурга доносил царю: «Пребезмерное нам чинят разоренье латыши Капорского уезду и неприятелю, как возмогут, чинят вспоможение провиантом и лошадьми и, ходя по лесам близ дорог, побивают до смерти драгун и казаков». У Апраксина даже появилось опасение, что «оная чухна» вовсе пресечет сообщение между русскими отрядами. Карательные меры помогли мало. Так, казаки Бахметьева задержали нескольких местных жителей, пятерых из которых сочли шпионами и по приказу Ф. М. Апраксина повесили «по дорогам в разных местах». Остальных, «бив», отпустили в леса, велев переселиться за Копорье, чтобы под угрозой казни «близ своих деревень не жили и всем о сем сказывали»²⁶⁶.

На протяжении долгих лет после основания Петербурга шведы направляли к берегам Невы с финскими крестьянами в качестве проводников небольшие разведывательные отряды. И даже после взятия Выборга и Кексгольма финны не прекратили контактов с отошедшими далеко на запад шведскими войсками: они организовывали отправку из Петербурга беглых пленных, а в декабре 1711 года финские проводники даже смогли провести в Петербург небольшой

шведский отряд. Большого урона русским это, правда, не нанесло — были захвачены и уведены в Финляндию три солдата из крайней избы слободы батальона городских дел на Выборгской стороне²⁶⁷.

В 1709 году никаких значительных событий не произошло, но уже в декабре Петр, прибыв в Петербург, распорядился начинать подготовку к походу на Выборг. В марте в сильный мороз Ингерманландский корпус Апраксина вышел с острова Котлин и за пять дней, преодолев 150 верст по льду, вышел северо-западнее Выборга к деревне Хиетала, перерезав единственную дорогу, связывающую крепость с западной Финляндией, где стояла армия генерала Любекера. Началась осада.

С вскрытием льда на Финском заливе подошли русские корабли. Вскоре, однако, шведский флот заставил их отойти от Выборга к Кронштадту, но по приказу Петра затопили в фарватере Тронгзундского пролива несколько транспортных судов, тем самым преградив путь шведским кораблям и не позволив им оказать реальную помощь осажденной крепости. Единственное, что могли сделать шведы и сделали, — это заблокировали русский корпус с моря.

Тем временем осада продолжалась. После упорной бомбардировки Апраксину удалось разрушить часть крепостной стены (около 200 метров) между десятым и одиннадцатым бастионами. После этого комендант крепости полковник Магнус Шернстроль (Стернстраль) выслал парламентариев с предложением начать переговоры об условиях сдачи. 12 июня соглашение было подписано, и на следующий день в крепость вошел Преображенский полк во главе с самим Петром.

К моменту сдачи крепости ее гарнизон состоял из 3380 человек, потеряв за время осады около 2—2,5 тысячи. По условиям капитуляции шведов должны были с оружием, за исключением артиллерии, отпустить в Швецию. Однако этого не случилось. Петр вдруг вспомнил, как поступили шведы с русскими — казнив их всех — в феврале 1706 года после разгрома под Фрауштадтом. Действия шведского фельдмаршала К. Г. Реншельда, отдавшего преступный приказ, были одобрены Карлом XII. Что заставило русского царя вспо-



мнить об этом злодеянии, неизвестно; сам Реншельд, взятый в плен под Полтавой, находился в это время у русских, и Петр вполне мог выместить гнев на непосредственном виновнике, однако делать этого не стал; более того, как мы помним, Реншельд с прочими знатными пленными шведами был сразу после Полтавской баталии посажен Петром за общий стол...

Как бы то ни было, из шведского гарнизона Выборга отпустили только раненых и больных офицеров и рядовых с женами, детьми и имуществом, а также семьи умерших. 400 шведов выразили согласие поступить на русскую службу, остальных, за исключением офицеров, переправленных в Новгород, вывезли как рабочую силу на остров Котлин²⁶⁸.

Сразу после взятия Выборга два пехотных полка, Нарвский и Луцкий драгунский, во главе с генерал-майором Брюсом были отправлены к Кексгольму — второй крепости шведов на севере Карельского перешейка. После непродолжительной осады Кексгольм сдался, гарнизон его был отпущен. В качестве трофеев русским достались пушки и знамена.

Командующий шведскими силами в Финляндии генерал Любекер во время окружения Выборга и Кексгольма не осмелился предпринять что-либо; пока русские брали эти крепости, он продолжал стоять у реки Кюмень²⁶⁹.

1711 год заметными боевыми действиями на финском театре не отмечен. Сначала царь Петр увяз в Прутском походе с турками, а затем его увлекли боевые действия в Померании.

Глава 15

Померанский поход

К началу 1711 года в Польше оставался корпус бригадира Яковлева, куда входили четыре пехотных и два драгунских полка. В феврале Яковлев получил приказ идти в Померанию, где ему предстояло действовать совместно с саксонцами Августа II. Царь писал своему посланнику при польском дворе князю Долгорукову: «И понеже в корпусе бригадира

Яковлева все полки пехотные, кроме двух драгунских, а саксонские будут конные, то не безопасно, дабы в случае баталии наша пехота не была оставлена». Поэтому пехотные полки в корпусе Яковлева перед выступлением в поход заменили на драгунские, а Долгорукому были даны инструкции, дабы он разъяснил Августу II, «что сие для того учинить велено, понеже ныне против турок потребна наипаче пехота, а против шведов драгуны способнее, особливо для неблизкого марша в Померанию, и могут те драгуны в случае биться и пешие, ибо они все пехотному строю обучены». Таким образом, в Померанию отправилось шесть драгунских полков — Астраханский, Ингерманландский, Архангельский, Ростовский, Устюжный и Ярославский. Вместе с русскими в поход пошли 13 саксонских драгунских и рейтарских полков и 20 датских — пехота и кавалерия.

Корпус Яковлева должен был находиться в полном ведении посла Долгорукова, что следует из указа Петра Сенату от 29 мая 1711 года: «Понеже отправлен от нас корпус в шести полках драгунских в случение с саксонскими войсками против шведов, которые в Померании, и вручен оный корпус послу нашему князю Долгорукому, пребывающему при дворе королевского величества польского — и когда он на те полки будет от вас требовать на обыкновенное их жалование денег, также мундиру и прочего, то по письмам его исправляйте, понеже сей деташемент зело далеко от главной армии будет и для того особый комиссар нужен».

Шведы, узнав о начале движения союзной армии, отступили к побережью Балтийского моря и, переправив всю кавалерию на остров Рюген, заняли пехотой (около 14000 человек) города Штеттин, Виннар и Штральзунд.

Союзники с ходу взять Штральзунд не смогли; тогда они обложили его и осада эта затянулась до зимы. Ввиду отсутствия пехоты драгунам было приказано спешиться и трудиться над возведением осадных укреплений. Лошадей приказали отправить всех в Польшу. В результате Долгорукий доносил Петру: «Которые ныне драгунские 6 полков в Померании... в тех полках драгуны мундиром так поизносились и ободрались, что едва мочно им в чем выйти, а наипаче же что приходит время зимнее и без одежды могут от



стужи позябнуть». Меры, надо отдать должное, тут же были приняты. При этом бригадира Яковлева сменил генерал Пфлуг, а на подкрепление корпуса были отправлены во главе с генералом Боуром пять драгунских полков — Киевский, Троицкий, Невский, Новотроицкий и Ямбургский; пять пехотных — Владимирский, Суздальский, Ярославский, Пермский и Каргопольский. Теперь русский корпус на бумаге состоял из примерно 11 тысяч кавалерии и 6 тысяч пехоты; в действительности же полки имели общий некомплект до 2000 человек.

Топтание под Штральзундом вылилось в сплошные разногласия между союзниками: саксонцы и датчане предпочитали воевать не торопясь. Петр же настаивал на скорейшем взятии крепости и все слал и слал дополнительные войска: были отправлены еще 13 пехотных полков князя Репнина и лейб-регент²⁷⁰. В основном благодаря его решениям численность союзных войск достигла 84 500 человек (из которых 10 000 саксонцев и 27 000 датчан)²⁷¹. Общее руководство войсками было возложено на князя А. Д. Меншикова, который выехал из Петербурга в начале марта 1712 года.

Воспользовавшись тем, что русские войска из Польши ушли в Померанию, равский староста Грудзинский, ярый противник Августа II, собрал отряд из 110 драгун, 3000 украинских казаков и 2000 поляков и двинулся к Калишу. По пути к нему присоединялись поляки, недовольные Августом, так что, прибыв к Калишу, Грудзинский имел уже около 15 000 человек.

Узнав о событиях в Польше, Меншиков тотчас же отправил против Грудзинского десять драгунских и два гвардейских полка — преображенцев и семеновцев, которых также посадили на коней. В конце июня 1712 года поляки были разгромлены на реке Варта близ города Загорова. Сам Грудзинский едва унес ноги в Силезию. Разгромив поляков, полки вернулись в Померанию.

Вскоре сюда прибыл Петр, однако и ему, несмотря на все старания, не удалось побудить союзников к действию. В сентябре шведский генерал Стенбок беспрепятственно перебросил дополнительные войска из Швеции сперва на остров Рюген, а после и к Штральзунду, что грозило снятием оса-

ды крепости. Датчане при этом вели себя странно — их флот безучастно наблюдал за перемещениями шведом. «Наши дела здесь за многоначальством не зело успевают; датский флот не так действует против шведов, как про него сказывали, ибо ныне транспорт пропустили в 10 тысяч», — писал царь Апраксину. Вскоре датчане были жестоко наказаны за желание действовать исключительно в своих, как им казалось, интересах: отделившаяся от союзников датская армия была разгромлена шведами под Гадебушем, и ее остатки вернулись в общий лагерь.

Терпение Петра лопнуло, и он единолично составил план действий на новый 1713 год. Все союзное войско выдвигалось одновременно тремя колоннами: первая (правая) колонна состояла из датской (генерал-лейтенант фон Девиц) и русской (генерал-лейтенант Пфлуг) кавалерии — датчане в авангарде, русские за ними; вторая (или средняя) колонна состояла из пехоты — в авангарде четыре батальона саксонцев, за ними дивизия Долгорукова, за ней артиллерия, за ней дивизия Репнина, командовал колонной Меншиков; третья (левая) колонна состояла из саксонской кавалерии (12 полков) и русских драгунских полков генерала Боура.

Все было расписано по дням и пунктам назначения: «во второй день, колонна в правой стороне при Васкове, колонна инфантерии при Гондобове, колонна кавалерии на левой стороне при Баузине; в третий день — колонна кавалерии в правой стороне при Шаделанде, колонна инфантерии при Никеле, а колонна кавалерии в левой стороне при Гранцине» и т. д.

Движение союзных армий в Голштинию заставило Стенбока отступить к Теннингену. Его армия расположилась на квартирах в Эйдерштете и Фридрихштадте.

24 января 1713 года 3000 русских драгун генерала Пфлуга вошли в соприкосновение с противником, но были отбиты. 29 января состоялся военный совет, на котором было решено взять штурмом Фридрихштадт. На следующий день Петр был уже под стенами Фридрихштадта и собственноручно составил план штурма. Путь в город шел через плотину, укрепленную шанцами и батареями.



31 января колонна генерал-майора Глебова из четырех гвардейских батальонов Преображенского и Семеновского полков, а также одного батальона 5-го гренадерского полка начала атаку города по плотине. Русская кавалерия во главе с Меншиковым устремилась в обход правого фланга к деревне Кольдебиттель. Шведы отчаянно защищались, но были вынуждены отойти к той же деревне и заняли ее раньше, чем подоспели русские драгунские полки, которые были уже встречены сильным огнем. Драгуны спешили и вступили в перестрелку с противником. Подошедшая пехота вынудила шведов отступить к Гардингу, где стоял Стенбок с главными силами; русским удалось захватить 300 пленных.

Затем несколько недель прошли в непрерывных стычках. 14 февраля Петр отбыл в Ингерманландию к Апраксину, обязав Меншикова быстро завершить дело — было ясно, что силы шведов иссякают. 27 апреля Стенбок прибыл в русский лагерь для обсуждения условий капитуляции, а 4 мая шведы сложили оружие.

После этого союзные армии разделились: датчане и саксонцы отправились к Штральзунду, а русские — к Штеттину. Первым под стены Штеттина 8 июня прибыл генерал Боур с четырьмя драгунскими полками, тремя днями спустя подошли пехотные дивизии Репнина и Долгорукова.

Губернатор Штеттина генерал Мейерфельд, в чьем распоряжении помимо гарнизона самого Штеттина были гарнизоны небольших крепостей Штерншанца и Дамма, активно оборонялся. Он предпринял две вылазки — 12 и 20 июня, однако они были отбиты русскими. Для усиления основного гарнизона Мейерфельд приказал оставить Дамм, который тут же заняли русские.

20 августа подошла обещанная саксонцами осадная артиллерия. 2 сентября Меншиков приказал взять штурмом Штерншанц, и спустя неделю эта задача была решена. Накануне, однако, русских постигла неудача в Дамме. Там находились сотня гвардейцев капитана гвардии Гольста и две сотни драгун подполковника Ярцева. Однако командиры проявили беспечность, и это привело к тому, что в ночь с 8 на 9 сентября, в густой туман, шведы атаковали русских и выбили из крепости. В бою погибли капитан Гольст и еще 42 че-

ловека, в плен попали 3 офицера, лекарь и 51 нижний чин. Меншиков направил к Дамму генерала Боура с тремя сотнями мушкетеров и гренадер, но шведы предпочли отступить, и русские без боя вновь овладели укреплениями.

17 сентября приступили к штурму Штеттина. В 11 часов утра началась бомбардировка крепости, которая продолжалась в течение трех дней, что вызвало многочисленные пожары в городе. 20 сентября в расположение русских явился генерал-майор Стугарт, который от лица губернатора Мейерфельда предложил капитуляцию. На следующий день шведы в количестве 4500 человек начали покидать город.

Взятием Штеттина померанский поход закончился. В сущности, пользу он принес лишь Пруссии, которая позже присоединила Штеттин к своим территориям.

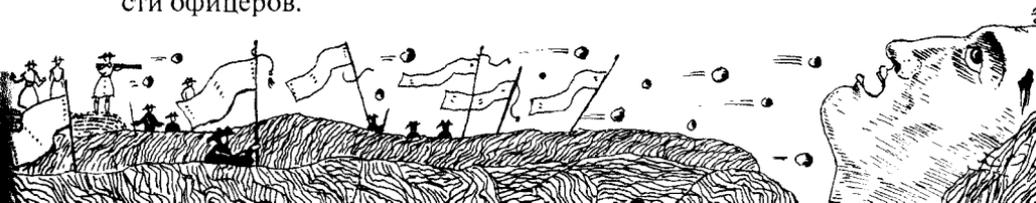
Часть русской армии была направлена на финляндский театр военных действий, часть — на Украину.

Глава 16

Поход в Финляндию 1712 года

Летом 1712 года решено было продолжить боевые действия против шведов в Финляндии. В Петербурге собрали восемь пехотных полков и два драгунских — Луцкий и Нарвский²⁷². В Ингерманландский корпус Апраксина должны были также влиться казаки под командованием гетмана Черского²⁷³. Еще два драгунских полка, Олонецкий²⁷⁴ и Вятский, бригады князя Александра Ивановича Волконского, стоявшие кордонами по южному побережью Финского залива, должны были присоединиться к корпусу позднее. Впрочем, вскоре выяснилось, что Олонецкий полк малочислен, и его заменили на Вологодский драгунский.

По Вятскому полку приводятся такие цифры — 35 офицеров, 949 драгун и 130 нестроевых, при 968 лошадях (54 в очень плохом состоянии). Это вполне соответствовало штатному расписанию от 19 февраля 1711 года²⁷⁵. Беспокоила лишь нехватка лошадей, но эту проблему удалось решить, приобретя за казенный счет лошадей, бывших в личной собственности офицеров.



Прежде чем выступать в поход, провели две рекогносцировки. Сначала рейд на финскую территорию совершил отряд подполковника Секиотова — 300 драгун и 150 казаков, затем отряд полковника Полтева в составе 500 драгун, взятых из Нарвского и Луцкого полков, и 100 казаков²⁷⁶. Причем Полтев за 2,5 суток преодолел не менее 300 верст²⁷⁷.

Результаты разведывательных рейдов и допросы пленных удовлетворили Апраксина, тем более что уже собрались все войска, и через пять дней он выступил «по тракту вдоль моря», имея впереди бригадира Чекина с Нарвским и Луцким полками. Чекину было предписано подготавливать дорогу для всей армии и выбирать удобные для ночевки места, а также восстанавливать при необходимости разрушенные противником мосты через многочисленные речки, пересекающие дорогу в глубь финской территории. Поэтому конница была усилена пехотным батальоном.

Остальная кавалерия во главе с князем Волконским (3200 драгун и 181 казак) пошла чуть правее по Вильманstrandской дороге²⁷⁸, в ее задачу входило прикрывать правый фланг русской армии. При этом и Чекин, и Волконский должны были прибыть к Веккелаксу одновременно, 24—25 августа.

Шведские войска генерала Любекера были сосредоточены: 5000 человек в районе Веккелакса, 2000 — в Кюписе, 2000 — в Абборфорсе и еще 2000 человек находились в это время на марше из Або. В Саволаксе стояли три пехотных полка и четыре роты рейтар.

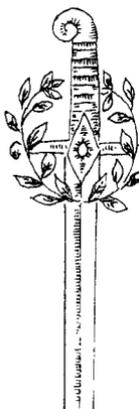
Продвижение русской пехоты от Выборга в первые дни проходило без особых осложнений. Лишь 21 августа произошло незначительное столкновение со шведами у деревни Секкиярви, но малочисленный противник был легко опрокинут и рассеян. Однако в дальнейшем движение замедлилось до 11—12 верст в сутки. Кроме естественных преград — труднопроходимых лесов, болот, рек и озер, — добавились сложности, связанные с тем, что местность, по которой передвигались русские войска, была полностью разорена противником. Отступая, Любекер отправлял жителей деревень в Гельсингфорс, а их жилища приказал сжигать вместе с хлебом, как собранным в гумнах, так и на полях. Впрочем, Апраксин не торопил пехоту, считая главным уравнивать ее про-

движение во времени с бригадой Волконского, шедшего окружной дорогой.

От перебежавшего к русским шведского майора узнали, что армия Любекера продолжает отступление в глубь страны, уклоняясь от прямого столкновения с русскими и подыскивая наиболее удобную для обороны, по мнению шведского командующего, позицию. Шведы оставили Веккелакс, отступили за Кюмень, затем за Сумму и, наконец, остановились у реки Абборфорс, одного из многочисленных притоков Кюмени. Отдельный отряд прикрывал прибрежную дорогу на Гельсингфорс. Шведская позиция перекрывала дорогу из Гекфорса на деревню Аньяла и представляла собой сплошную линию окопов, укрепленных по флангам и в центре батареями. Силы шведов состояли из 2000 кавалерии, 5500 пехоты; нельзя было не учитывать от 4000 до 6000 финских крестьян, вооруженных косами.



31 августа все русские части одновременно вышли к шведским окопам. Первым решением Апраксина было выдвинуть вперед артиллерию в надежде огнем сбить шведов с позиции. Но стрельба ни к чему не привела. Шведы стояли крепко, а бросать в атаку людей при примерном равенстве сил и хорошо оборудованной обороне противника было чрезвычайно опасно. Обойти шведские позиции тоже, как выяснилось, было нельзя. Конные разезды от разных полков, посланные для рекогносцировки и поиска обходных путей, вернулись ни с чем. «Пан гетман» Черский доносил Апраксину: «Стоим на острове, искаючи переправы с драгунами, но нигде не находим. Через великие блоты (болота. — А. Ш.) до воды нельзя проступить»²⁷⁹.



Тогда Апраксин, учитывая ощутимый недостаток в провианте и особенно в фураже, из-за чего начался массовый падеж лошадей, изнуренных тяжелыми переходами, принял непростое решение — вернуться в Выборг. 4 сентября русские начали отход и к 8 сентября прибыли в Веккелакс; далее пехота и артиллерия двинулись к Выборгу вдоль побережья, по Абовской дороге, а кавалерия, возглавляемая князем Волконским, пошла по средней дороге (между Абовской и Вильманstrandской).



Все, что не было разорено шведами, теперь разорялось русскими. Князю Волконскому было предписано во время движения на ширину в 40 верст разорять все мызы и деревни, жечь хлеб и сено, а жителей и скот забирать с собой.

Таковы были «правила» ведения «боевых» действий в начале восемнадцатого столетия. Так поступали все, вторгаясь на вражескую территорию. Если не было уверенности в том, что она будет завоевана, все разорялось, дабы сильнее насолить врагу. Иногда таким же образом действовали и на своей земле — деревни сжигались, скот угонялся, жители уходили сами. Врагу доставалась выжженная земля.

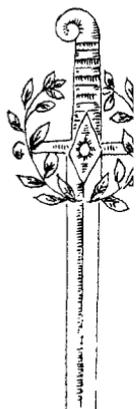
Показательно, что за 60 верст до Выборга (начинались «русские» земли!) кавалерия Волконского прекратила разрушение края. Гоня перед собой скотину и жителей разоренных деревень, 14 сентября драгунские полки вернулись в Выборг. Так закончилась первая попытка вторжения в Финляндию.

Потери русской армии были минимальны: всего трое убитых и шестеро пропавших без вести; еще два солдата утонули. Но при этом конные полки потеряли пятую часть лошадей, и драгуны были вынуждены спешиться. Таким образом, можно сказать, что в среднем драгунские полки уменьшились на две роты.

По возвращении всего корпуса полки разошлись по зимним квартирам. Кавалерия 18 сентября ушла в Петербург и далее, к местам, назначенным для зимовки. Вятский полк, например, встал по деревням в районе Пскова, где на каждые четыре крестьянских двора было возложено содержание одного драгуна. Остальные конные полки определили в окрестности Дерпта, Ревеля, Риги, Великих Лук, в Копорский и Ямбургский уезды.

Можно твердо говорить, что кампания 1712 года была проведена абсолютно бездарно. Подготовка к ней велась тщательно, особенно с точки зрения разведки и сбора сведений о противнике. Но в последующем все действия командующего армией Апраксина отличались чрезмерной осторожностью. Не имея явного и многократного численного преимущества над противником, он не решился ввязаться в сражение, и это, по сути, обесмыслило поход.

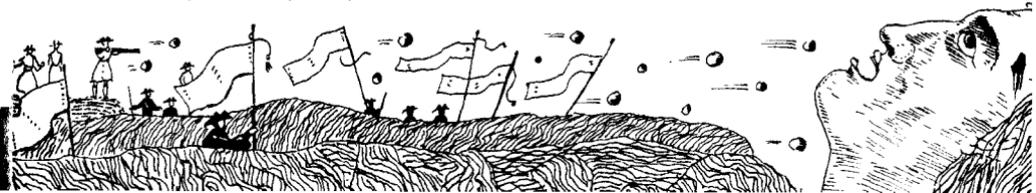
Действия шведской стороны тоже не назовешь решительными. Генерал Любекер предпочел отступить до последнего. Силы шведов с учетом мобилизованных в ополчение крестьян-финнов почти не уступали русским, но сказывалось не лучшее их психологическое состояние. Во-первых, шел двенадцатый год непрерывной войны, усталость от которой становилась все нестерпимей. Во-вторых, позади была катастрофа под Полтавой, показавшая и Швеции, и всей Европе силу русской армии. В-третьих, в завоеванных Россией прибалтийских провинциях все местное дворянство, бывшие подданные шведского короля, присягнуло на верность Петру и сохранило и свои привилегии, и землевладения, что не могло не сказаться на настроении офицеров и генералов шведской армии, знавших об этом, но оставшихся в строю. В-четвертых, отсутствие Карла XII, с 1709 года сидевшего в Турции и пытавшегося оттуда руководить страной и военными действиями, не могло прибавить шведам решительности. И в-пятых, может быть, самое парадоксальное: шведы, громившие всех до Полтавы на европейском континенте, на широких полях сражений, где их мощная кавалерия способна была сокрушить любого противника, оказались совершенно не готовы воевать на, казалось бы, близкой им финской земле. Именно так происходило и в эту войну, и во все последующие со странной закономерностью. И в-шестых, начиная с 1712 года, в армию, действовавшую в Финляндии, прекратились поступления средств из Швеции; она должна была содержать себя сама за счет собираемых на месте налогов, которые население отказывалось платить.



Глава 17

«Неприятельская армия
приведена в конечное разорение...»²⁸⁰

В 1712 году Петра еще значительно отвлекали дела в Померании, где стояла 48-тысячная армия под командованием Меншикова. Царь прилагал главные усилия именно здесь, считая, что, лишив Швецию ее владений на европей-



ском континенте, в чем кровно были заинтересованы и Дания, и Польша, он скорее добьется заключения столь желанного мира. Помимо этого он пытался вовлечь в орбиту союза против Швеции еще и Пруссию. Но сами союзники были пассивны и всячески перекладывали тяготы войны на русских. Осознав всю бессмысленность их уговоров, Петр понял, что нужно перенести войну на территорию противника и с этой целью активизировать действия в Финляндии, ибо отсюда путь до Стокгольма (то есть до победы!) короче. Поэтому сразу по возвращении русской армии из неудачного финского похода он потребовал от Апраксина приступить к разработке плана новой кампании.

Апраксин предложил готовить зимний поход, и Петр с ним согласился. С октября началась работа по укомплектованию полков рекрутами, заготовке нужного количества провианта и, главным образом, фуража, недостаток которого был столь ощутим в только что завершенном походе. Для удачного похода, по расчетам Апраксина, следовало сосредоточить семи-месячный запас фуража на 12 5000 лошадей, что составляло 38 000 четвертей²⁸¹ овса и 1 миллион пудов сена.

Взять такое количество фуража у населения натурой не представлялось возможным, поэтому решили закупать за деньги, но к февралю 1713 года удалось собрать лишь половину от требуемого. Дело в том, что Петр отбыл в Померанию, перепоручив все Апраксину, а тот, хронически нерешительный, не желая брать на себя какую бы то ни было ответственность, стал обращаться к царю по самым пустячным вопросам. Курьеры летали туда-сюда, а тем временем ничего не двигалось с места. Бесконечная переписка прервалась лишь с возвращением царя в Петербург. Петр взял дело в свои руки, и все сразу закрутилось и закипело.

Был сформирован десантный отряд в 36 батальонов пехоты и 150 казаков (со 165 лошадьми)²⁸², соответственно подготовлены галеры для доставки десанта. Вся флотилия была разделена на три «шквадры или дивизии», казаки распределены равномерно между ними²⁸³. Конный отряд князя А. И. Волконского (куда входили казаки «пана гетмана» Черского), усиленный двумя батальонами пехоты, вместе с обозом должен был выступить из Выборга. Численность отряда

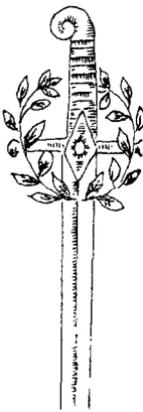
составляла около 7000 человек. В рапорте Волконского указывается общее число драгун и приданной пехоты — 6492 человека²⁸⁴; следовательно, на долю казаков приходится около 500 человек.

Волконскому предписывалось двигаться в направлении Гельсингфорса или туда, «где к тому времени будет главный корпус». При столкновении с крупными силами шведов Волконский должен был немедленно доносить об этом царю и Апраксину; мирных жителей разорять ему категорически запрещалось. Это говорило о том, что Петр, видимо, принял окончательное и бесповоротное решение добиваться закрепления финских земель за Россией, то есть теперь они считались «своими».

26 апреля наконец вскрылась Нева, и русская галерная флотилия, возглавляемая самим Петром, начала движение к Кронштадту, где ее поджидала эскадра открытого моря под флагом вице-адмирала Крюйса. А уже в первых числах мая, соединившись вместе, две части флота двинулись в путь. Впереди Крюйс, за ним галеры. Ждали противодействия, но посланные вперед корабли донесли, что рейд Гельсингфорса пуст.

Вообще, по сравнению с предыдущей кампанией, эта началась без всякой разведки, наобум. Объяснения этому нет. В прошлом году Апраксин посылал партию за партией в глубину финских земель, прежде чем тронуться с места основными силами. Но затем, когда уходили из Финляндии, все было организовано бестолково. Конницу вывели с остальными войсками, и соответственно вся разведка, выполнявшаяся до этого конными разъездами, была прекращена за отсутствием самих разведчиков. В результате русские сведения о противнике накануне похода 1713 года отличались полной неопределенностью.

8 мая русский флот подошел к Гельсингфорсу. 10 мая русские корабли развернулись в боевой порядок. Было заметно, что город готовится к обороне. Гарнизон Гельсингфорса составляли 2000 пехотинцев и 300 кавалеристов под началом генерала Карла Густава Армфельда; в распоряжении генерала было также три артиллерийские батареи.



До вечера 10 мая продолжалась артиллерийская дуэль. Но существенного ушерба ни та, ни другая сторона не понесла; разве что несколько удачных попаданий русских мортир вызвали в городе незначительный пожар.

Петр приказал ночью осуществить тайно высадку десанта и охватить город с трех сторон. К рассвету полки вышли на берег и двинулись к Гельсингфорсу. Но Армфельд предпочел избежать боя и отступил к Борго (Порвоо), где стоял отряд другого шведского генерала, уже известного нам Любекера. Госсовет Швеции пытался отстранить Любекера от командования армией в Финляндии и даже отзывал его в Стокгольм, однако с этим не согласился пребывавший в Турции король. Некоторые считали, что Любекер является его любимцем, но, скорее, Карл поступил так из духа противоречия, поскольку принимал в штыки вообще любое решение Госсовета.

В соответствии с планом кампании после захвата Гельсингфорса весь галерный флот вместе с десантом следовало отправить к Або. Однако Петр внес коррективы, поскольку допросы пленных показали, что Любекер располагает восемью полками и ожидает подхода еще трех. Оставлять у себя в тылу столь значительные силы противника было неразумно. Было принято решение атаковать шведов. 11 мая десант погрузился на галеры и к вечеру следующего дня подошел к точке высадки. Однако пристать к берегу из-за непогоды удалось только через три дня. 14 мая пехота высадилась юго-восточнее Борго, в предполагаемом месте расположения шведов. Но Любекер опять не принял сражения и увел свои полки к деревне Мензала.

Таким образом, достижения русских свелись к очистке побережья от шведов. Это позволило беспрепятственно подойти коннице князя Волконского с обозами. По приказу царя Апраксин немедленно приступил к возведению укреплений на острове Форсбю, выбранном в качестве опорного пункта и сосредоточения магазинов. Отдав распоряжения, царь убыл в Петербург.

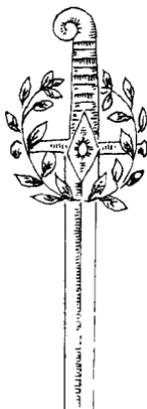
18 мая 1713 года генерал-адмирал Апраксин издал в Борго универсал, в котором объявил, что русской армии запрещается разорять местных жителей, но если люди, покинувшие свое жилье, не вернутся до 7 июля, то с их имуществом можно

будет поступить как заблагорассудится²⁸⁵. Еще раньше, в октябре 1712 года, Петр писал Апраксину: «Идти не для разорения, но чтоб овладеть, хотя она (Финляндия. — *А. Ш.*) нам не нужна вовсе; удерживать по двух ради причин главнейших: первое было бы что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь; не только что мясом и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет»²⁸⁶. Правда, тут следует напомнить, что за месяц до того, как были написаны эти строки, конница князя Волконского во время первого финского похода уже разорила в Финляндии все, что смогла.



Благие намерения разбивались о действительность — содержание армии требовало реквизиций. Они были определены русскими в том же размере, «как наперед плачивали в королевскую казну», но с оговоркой: в случае отказа финнов платить «брать что съестся»²⁸⁷. Апраксин пытался организовать реквизиции провианта в упорядоченных формах, но население держалось враждебно по отношению к русским войскам, и приходилось применять силу²⁸⁸.

Поскольку большое количество жителей окрестностей Гельсингфорса, Борго и Эсбо (Эспоо) оставили свои дома и подались в бега, то хозяйства их подверглись разграблению, как и предупреждал Апраксин²⁸⁹. Впрочем, грабили не только брошенные дома. Особенно отличились в этом смысле казаки Черского. Мышлаевский пишет: «Случаи казачьих насилий до того участились, что в конце концов своевольную команду Черского пришлось взять с сухого пути и расписать по скампавеям»²⁹⁰. После этого количество казаков в действующих частях значительно уменьшилось, и даже доставку почты стали обеспечивать драгуны²⁹¹.



Позднее, 1 июля 1713 года, был назначен специальный генерал-гевалдигер (генерал-полицмейстер) майор гвардии И. В. Стрекалов для наказания тех, кто был повинен в грабежах. В его подчинении были драгуны под командой армейского подполковника, а также пристав, священник и палач²⁹².

Обнаруживая и забирая брошенное имущество, зерно и скот, солдаты, драгуны или казаки отнюдь не считали это грабежом. Такого же мнения придерживалось и ко-



мандование русской армии. Приобретенное таким образом продовольствие фиксировалось документально и доставлялось в Гельсингфорс. Х. Кувая, однако, говорит о том, что все продовольствие, которое было сосредоточено русскими в Гельсингфорсе — 16 000 кулей муки и 808 коров, — было получено исключительно в результате грабежей местного населения²⁹³. Это утверждение далеко от истины. Часть продовольствия была доставлена обозом, который сопровождал отряд князя Волконского, часть взята в брошенных хозяйствах. Но нельзя отрицать, конечно, и того, что часть провианта была получена в результате прямого грабежа. Г. Вилкуна сообщает подробности рейда вятских драгун к Инкоо 1–11 августа 1713 года, когда было захвачено свыше 100 лошадей, 200 волов, 600 коров, 100 свиней, 1000 овец, рыболовные сети, продовольствие²⁹⁴.

Шведская армия, призвав финских крестьян в ополчение, даже не ставила перед собой задачу защищать страну и ее жителей. Это в конце концов привело к тому, что ополчение с оружием просто разошлось по домам. Наличие же у крестьян оружия (не говоря, случаях его применения²⁹⁵) расценивалось русским командованием как сопротивление и подлежало наказанию, а жители, имевшие оружие, — вывозу из Финляндии. Мышлаевский сообщает, что у населения было изъято: винтовок — 13, фузей — 2344, шпаг — 610, дротиков — 37²⁹⁶.

28 июля 1713 года Апраксин отправил письмо командующему шведской армией Любекеру, в котором говорилось: «...они (финны. — А. Ш.) не воинским образом, но татьски действуют, то их за солдат ставить невозможно... а потому задержанные с оружием жители казнены будут смертью»²⁹⁷.

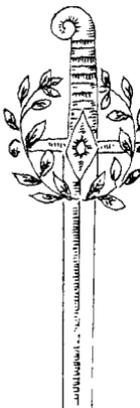
Кавалерия Волконского, которая, как мы помним, прикрывая собой обозы, выступила в начале июня из Петербурга, через неделю была в Выборге и здесь предстала перед взором Петра, возвращавшегося из действующей армии в столицу. Получив от царя дополнительные указания, исходившие из сложившейся за последние дни обстановки, Волконский продолжил движение на Веккелакс. Но 16 июня ему пришлось остановиться у реки Вальми, не дойдя до Векке-

лакса около 40 верст, поскольку высланные вперед конные разведки донесли, что все мосты через Кюмень и ее притоки разрушены шведами, а основную дорогу прикрывает отряд численностью до 200 человек. Об этом было тут же доложено Апраксину, который принял решение отправить навстречу Волконскому отряд пехоты под командованием князя Голицына, а самому Волконскому приказал идти Голицыну навстречу. Движение обоих русских отрядов не осталось незамеченным для шведов, которые опять уклонились от боя и с большой поспешностью отошли. 27 июня Голицын и Волконский встретились у Абборфорса и на следующий день благополучно прибыли к Форсбю.



Все это время Гельсингфорс и Борго оставались в руках шведов; русские войска обошли их, устремившись за основными силами противника. Это решено было исправить, и адмирал Крюйс, ушедший с парусным флотом в Кронштадт, получил приказ вернуться к Гельсингфорсу. 11 июля он обнаружил там три шведских корабля. Русские открыли огонь по неприятелю и при этом умудрились три своих корабля посадить на камни. Два впоследствии благополучно сняли, а третий переломился, и его пришлось сжечь. Шведские корабли не преминули воспользоваться замешательством, возникшим в действиях русской эскадры, и ушли под прикрытие береговых батарей.

Девятью днями раньше, 2 июля, Апраксин получил от царя приказ ускорить боевые действия. 5 июля он двинул войска к Борго, и уже на следующий день они вступили в соприкосновение с противником. Выяснилось, что шведы занимают хорошо укрепленную линию, с окопами и артиллерийскими батареями. Апраксин остановился и тоже вывел на позиции артиллерию; был послан гонец к графу Боцису, командиру галерного флота, с приказом идти в устье реки Борго.



После непродолжительной артиллерийской дуэли шведы, увидев приближение русских галер, отступили по тавастгусскому²⁹⁸ тракту. Однако Апраксин не собирался их преследовать, поскольку его целью был Гельсингфорс. Русские переправились через реку и заняли оставленный шведами лагерь. Все потери русских в этом бою составили 5 офицеров и 30 нижних чинов.



Отсюда русская пехота двинулась прямо к Гельсингфорсу и, не встретив сопротивления, заняла город. Кавалерия расположилась в его окрестностях. Парусная эскадра адмирала Крюйса крейсировала в двадцати милях мористее и участия в происходящем не принимала.

В это время в гавани Гельсингфорса было уже 14 шведских кораблей под флагом адмирала Лилье. Апраксин, не теряя времени, выставил по берегу батареи и вынудил шведские корабли отойти от берега. Тут, однако, появился русский галерный флот, и Лилье в опасении, что ему отрежут пути отхода, поспешно снялся с якоря и ушел в море.

Понимая важность укрепления оборонительных позиций у Гельсингфорса, Апраксин начинает перенос сюда основной базы русской армии с Форсбю. Город спешно укрепляется, а в разные стороны непрерывно направляется конная разведка. 20 июля удалось выяснить, что кавалеристы генерала Армфельда стоят возле Вихтиса, а основные силы шведов под началом Любекера сосредоточены у Тавастгуса. 29 июля были посланы две разведывательные партии — от Вятского и Вологодского драгунских полков под командованием соответственно подполковника Матвея Неелова и майора Есипова. Задача первой состояла в том, чтобы выяснить точное расположение отряда Армфельда, а второй поручалось разузнать, не сдвинулись ли с места главные силы шведов. Данные разведки подтвердили местоположение противника. Тогда Апраксин сформировал отряд, куда включил всю кавалерию и часть пехоты; командиром был назначен князь Голицын. Задачей Голицына было выйти в тыл отряду Армфельда. Но тот разгадал намерения русских и заблаговременно отошел, расположившись где-то между Або и Тавастгусом, и попытки догнать его успехом не увенчались. Голицын посчитал свою миссию законченной — теперь от шведов была очищена вся прибрежная зона — и 11 августа возвратился в Эсбо.

Во время этой экспедиции драгунами было захвачено много скота, который пригодился не только для довольствия армии, но и для запряжки в обозный транспорт.

5 августа в Гельсингфорс прибыл царь Петр. Тут же было принято решение срочно выдвигаться к Або, оставив в Гель-

сингфорсе гарнизон. Движение осуществлялось прежним порядком — Петр с Апраксиным морским путем на галерах, а сухопутный отряд князя Голицына (восемь полков пехоты) и кавалерия князя Волконского — вдоль побережья. Конная разведка Волконского вскоре выяснила, что Армфельд собирается преградить дорогу русским на реке Сало, оставив здесь заслон из 500 солдат. Мост через реку шведы сожгли, а сама река была с каменистым дном и очень бурная, что искл­ючало переправу вброд.

22 августа драгуны князя Волконского под сильным огнем противника восстановили мост с помощью найденных по­близости бревен. Затем поодиночке, прикрываемые ружей­ным огнем товарищей, они перебрались на другую сторо­ну реки и, собравшись в достаточном количестве, атаковали противника. Не ожидавшие такого напора шведы обратились в бегство. Таким образом, бой был закончен еще до подхо­да главных сил. По докладу Волконского потери шведов со­ставили более 100 убитых и 74 пленных, с русской стороны убиты 13 драгун, ранены 5 офицеров и 25 нижних чинов. Ап­раксин сообщает несколько другие данные русских потерь: погибшие — 10 драгун и 3 казака, ранены 24 драгуна и 4 ка­зака²⁹⁹.

Вслед за драгунами подошла пехота, но дело уже было за­кончено, и войска двинулись дальше. Главные силы шведов вновь уклонились от боя и отошли в направлении Тавастгус, полностью открыв дорогу на Або, тогдашнюю столицу Фин­ляндии, и 28 августа без боя русские войска вошли в город. Через четыре дня, однако, они двинулись назад, в Гельсинг­форс, поскольку в Або и его окрестностях ощущалась боль­шая нехватка припасов.

Тогда же русскими была прорублена лесная дорога от Гельсингфорса на Або, спрямлявшая основную трассу. Ее использовали 29 лет спустя — 11 августа 1742 года, во время очередной русско-шведской войны, за одну ночь очистив от проросшего мелколесья, когда к Гельсингфорсу вышла рус­ская армия под командованием П. П. Ласси.

20 сентября Апраксин двинул войска на Тавастгус. В по­ход отправились все драгунские полки, казаки и 12 полков пехоты. В Гельсингфорсе было оставлено 3000 человек.



Пока русские в течение недели продвигались к Тавастгусу, в шведском лагере произошли изменения. Нерешительный генерал Любекер наконец был заменен более энергичным Армфельдом. Однако и новый шведский командующий вынужден был начать с отступления. Тавастгус был оставлен шведами опять-таки без боя, причем часть артиллерии забрали с собой, а те пушки, что вывезти не смогли, — утопили.

Замысел Армфельда состоял в том, чтобы, отойдя от Тавастгуса на четыре мили, занять удобную позицию и вынудить русских атаковать ее. Такая позиция действительно образовывалась между озерами Палкяне-веси и Маллас-веси, соединенными рекой Пелкина. Ширина перешейка между двумя озерами едва достигала полутора верст. Самой природой позиция была создана как идеальное оборонительное дефиле; узкий фронт шведы усилили вдобавок разнообразными фортификационными укреплениями.

Войска Апраксина (14 000 человек), приблизившись на расстояние артиллерийского огня, тут же смогли оценить всю серьезность их оборонительных порядков. Русские произвели рекогносцировку и приняли решение обойти шведов с правого фланга через озеро Маллас-веси на плотках и зайти им в тыл, одновременно начав фронтальную атаку. Три дня копали окопы, устраивали артиллерийские позиции прямо напротив фронта шведской армии и скрытно изготавливали плоты для десанта. Потрудиться изрядно топорами пришлось всем, в том числе и кавалерии³⁰⁰.

Наконец все было готово. Холодной промозглой ночью 5 октября 1713 года пехота во главе с самим князем Голицыным села на плоты и в полной тишине, нарушаемой лишь всплесками весел, двинулась сквозь молочную пелену тумана по озеру. К рассвету она стала выходить на исходные позиции. Шведское охранение обнаружило ее слишком поздно. Завязалась перестрелка. Но силы шведов были малочисленны, и Голицын легко опрокинул их. К этому времени шведы поняли, что их обходят, и, сняв значительную часть пехоты с основной позиции, попытались сбросить русских обратно в воду. Однако им во фланг ударила вто-

рая очередь русского десанта, высадившаяся несколько левее первого эшелона.

Одновременно русские войска пошли на главную линию шведской обороны. Пехота, тоже на плотах, начала переправляться через реку Пелкина прямо напротив центра позиций противника. Кавалерия князя Волконского, обнаружив глубокий, но все-таки доступный для коней брод, прошла на другой берег реки почти вплавь и нанесла удар по правому флангу шведов.

Но если в месте высадки десанта дела складывались для русских удачно и шведы беспорядочно отступали по направлению к Таммерфорсу (Тампере), то по фронту противник отчаянно сопротивлялся и дважды отбрасывал наседавших русских солдат. Но наконец шведы отступили и здесь. В общей сложности они потеряли 577 человек убитыми и 233 пленными, из них 14 офицеров. Потери русской армии составили: 6 офицеров и 112 нижних чинов убитыми, 21 офицер и 534 нижних чина ранеными. Русские захватили восемь знамен, восемь пушек, много амуниции, боеприпасов и оружия³⁰¹. Из донесения Апраксина следовало, что бой продолжался около трех часов, неприятель был выбит из всех укреплений, «и полную викторию получили»³⁰². Кавалерия преследовала шведов до самого Таммерфорса, где Армфельд вновь занял оборонительную позицию.

Так завершилось первое серьезное сражение русских и шведов в Финляндии. Оно выходило за пределы принятой тогда всеми армиями линейной тактики с ее фронтальным столкновением. Русские решительно и с высокой маневренностью действовали одновременно на двух направлениях.

На этом боевые действия не закончились. К 10 октября русская пехота подтянулась к кавалерии и приступила к возведению укреплений и установке батарей напротив новых шведских позиций. Но тут Армфельд снова снялся с места и пошел в глубь финской территории. Драгунские полки устремились за ним, но их рейд никакого результата не принес, поскольку лошади были вконец обессилены. Не хватало фуража, некоторых требовалось перековать, что в полевых условиях было невозможно, многие были трав-



мированы из-за сложностей финляндского рельефа — трясина здесь соседствовала с выходящими на поверхность земли гранитными грядками, часто приходилось пересекать бурные реки, дно которых было усеяно камнями. Только Вятский драгунский полк во время кампании потерял 232 строевые лошади, из них убито в бою было лишь пятнадцать и еще три утонули во время переправ, а все остальные пали от изнурения и недоедания. Потери личного состава полка за весь 1713 год составили всего 26 человек, но из-за отсутствия лошадей численность полка как кавалерийской части уменьшилась на четверть. И такое положение было во всех полках.

Казачьим разъездам удалось захватить несколько пленных, от которых узнали, что Армфельд отступает на север к городку Васа (Вааса). Движение Армфельда сопровождалось полным опустошением края. Финнов выгоняли из деревень, годных к строю мужчин насильно мобилизовывали, а остальных заставляли уходить как можно дальше, угоняя скот, зарывая или уничтожая припасы. Добравшись до Васы, Армфельд встал наконец на зимние квартиры.

Первоначально Голицын пытался все-таки настичь шведов, но, поняв, что измученным солдатам необходим отдых, остановился, дал возможность им перевести дух и набрать по окрестным деревням провиант. 13 ноября он вышел к Биернборгу³⁰³ и, разделив армию на отряды, тоже решил встать на зимние квартиры. Сюда же прибыл оставленный в прошлом году в Лифляндии ввиду «полного расстройств», а ныне приведенный в порядок Олонецкий драгунский полк. Общее руководство расквартированием войск возложили на генерала Брюса.

Несмотря на то что полки встали на отдых, боевая работа продолжалась. 19 ноября Голицын формирует конный отряд из 700 драгун, отобранных из трех полков и казаков. Командовать им было поручено командиру Вятского драгунского полка полковнику Ивану Михайловичу Грекову. Отряду была поставлена задача вести поиск и уничтожить группы противника вплоть до самой Васы.

21 ноября отряд Грекова двинулся по прибрежной дороге в направлении Кристинестада (Кристийнанкаупунки). Не

дойдя около трех верст до города, Греков выслал на разведку казачий разъезд. Казаки расстарались и привели пленных, сообщивших, что город занят шведским отрядом, которому приказано при приближении русских войск отступить, а город разорить. Греков отправил донесение князю Голицыну, и в ход пошла вся кавалерия Волконского. 29 ноября город был занят, но шведы все-таки смогли уйти, и попытки догнать их окончились неудачей.

После этого незначительного, в общем, эпизода кавалерия окончательно устроилась на зимовку в деревнях по Эстерботенской дороге. Голицын отправил царю донесение, в котором говорилось о большой убыли людей во всех полках, а в драгунских — еще и о серьезных проблемах с лошадьми. Петр вошел в его положение и разрешил не предпринимать активных действий до приведения войск в полную исправность.

В результате кампании 1713 года русские заняли большую часть территории Финляндии, закрепились на побережье Ботнического залива и теперь могли угрожать Швеции возможной высадкой десанта.

Действия шведов после смены командующего несколько изменились — хотя бы уже в том, что они перестали бегать от русских и приняли сражение. Их пехота дралась отлично, однако действия кавалерии оставляли желать лучшего. Шведские драгуны не смогли приспособиться к природным условиям, которые ограничивали маневр конницы, тогда как русские, используя опыт просачивания на вражескую территорию, накопленный прежде всего казаками, действовали весьма эффективно. Драгуны научились проходить узкими тропами, лошадь за лошадью, и атаковать противника разными способами в зависимости от рельефа местности. Это порождало у шведов не проходящий страх внезапной атаки русской конницы — и в самом деле, появление драгун и казаков почти всегда было неожиданным. Можно сказать, что русская кавалерия вела против шведов в Финляндии своего рода психологическую войну, и эту войну шведы проиграли вчистую.



Глава 18

Последний аккорд Полтавы

Дав возможность отдохнуть людям, Голицын с первых дней 1714 года стал готовиться к новому походу. С Украины к нему на усиление прибыли под командой бригадира А. Г. Чернцова Тверской, Тобольский и Каргопольский драгунские полки (4011 человек и 4774 коней) и с ними 1000 казаков походного атамана Фролова и полковника Антипьева с 2150 конями³⁰⁴. Каргопольский полк остался в Петербурге, а Чернцов с Тверским и Тобольским полками, а также с 955 казаками 8 января 1714 года явился в Саволак и стал на зимние квартиры в районе Сен-Михеля, оставив людей «для почты» в Выборге³⁰⁵. Здесь его настиг приказ отправиться с 900 драгунами и 650 казаками в распоряжение генерал-майора Ф. Г. Чекина, командовавшего русской конницей вместо князя А. И. Волконского, который был отпущен «по болезни» 23 декабря 1713 года в Петербург. У Сен-Михеля осталось 200 донских казаков под начальством полковника Савелова³⁰⁶.

В конце января Голицын получает приказ Петра I о необходимости отправить в Швецию людей, преимущественно из пасторов, «которые здесь семьи имеют, и держать их в закладе до возврата». Цель этого мероприятия — распространение универсала о том, чтобы склонить шведов к миру, в противном случае они узнают, что такое «пламень войны»³⁰⁷. Кстати, это был уже не первый случай, когда на вражескую территорию отправляли под принуждением финнов, захватив в заложники их семьи. Еще 21 мая 1710 года Петр I приказывал Апраксину взять двух-трех финских мужиков из-под Выборга или из Карелы и отправить к Любекеру «шпионами, а жен оставить у себя за караулом для того, чтоб они не солгали»³⁰⁸.

Сборный пункт корпуса Голицына был назначен в районе кирки Моухоярви (Молиярви). В последних числах января части начали движение со своих квартир к месту сбора, а в начале февраля уже все вместе двинулись к Васе. Драгунская кавалерия шла, как всегда, во главе колонны, пропустив

вперед только казаков, а за ней, на расстоянии одного перехода, двигалась вся пехота.

Продвижение войска было очень тяжелым. Дороги все занесены глубоким снегом, вокруг заиндевевшие леса и замерзшие болота. Даже организовать нормальный бивак на ночь не представлялось возможным. Какое-либо жильё отсутствовало на многие версты пути. Ночевали под открытым небом, разводили с трудом костры из сырых бревен, питались одними сухарями и жидкой похлебкой, что удавалось приготовить из скудных запасов обоза, который едва тянулся за отрядом.

Шведы, узнав о движении русских войск, начали выдвигать свои отряды в район кирки Стор-Кюро (Стур-Кюро)³⁰⁹. Армфельду с трудом удалось собрать около 10 000 человек; на треть его армия состояла из плохо вооруженных финских ополченцев³¹⁰. Понимая свою слабость, но принимая во внимание то, что дальнейшее отступление окончательно подорвет и так слабый моральный дух шведских войск, Армфельд решил попытаться остановить русских. Подходящая позиция нашлась у деревни Стор-Кюро.

Русские (5588 пехотинцев и 2907 драгун), выйдя на лед реки Стор-Кюро, близ деревни Пильмага, построились в две колонны: в левой — пехота, в правой — кавалерия. Капитану Вятского полка Андрею Соловкину было приказано взять с собой несколько казаков и осмотреть позиции противника. Разведка скрытно подошла к шведским аванпостам и вернулась, доложив, что шведы стоят двумя линиями. Следом и сам Голицын, не удержавшись, отправился осмотреть шведскую позицию и лично убедился в грамотности ее построения и численном превосходстве противника.

19 февраля, понимая, что фронтальной атакой особого успеха не добьешься, Голицын отправился в обход шведов, оставив прикрывать обоз казаков и почти половину драгун. Маневр производился по полному бездорожью, среди скал и лесов, по замерзшим болотам и глубокому снегу. Кони с трудом преодолевали препятствия, а артиллерию, по сути, несли на руках.

Как только шведы заметили выход русских к своему левому флангу, они тотчас открыли артиллерийский огонь. Однако русские все-таки смогли выстроиться в боевой порядок.



Вся их артиллерия расположилась на флангах, пехота встала в две линии, а кавалерия во втором эшелоне.

Едва русские закончили построение, как началась атака шведов, которые ударили по их левому флангу и после непродолжительной перестрелки бросились в штыки. В первый момент они достигли определенного успеха, заставив слегка сдать назад фланговые батальоны. Но Голицын ввел в дело батальон пехоты из второй линии и два эскадрона Вологодского драгунского полка, которые восстановили порядок в русской линии. Как отмечено в «Истории Свейской войны» «в desperантном бою обе стороны зело жестоко с обеих сторон багинетами кололись»³¹¹. Армфельд тоже бросил в бой резервы — часть кавалерии и ополченцев, но успеха это не принесло. Спустя какое-то время шведская регулярная пехота медленно попятилась, ополченцы начали разбегаться, а кавалерия вернулась на исходные позиции.

На правом фланге русских ситуация развивалась аналогично. Шведы сначала энергично атаковали в штыки, но были брошены на произвол судьбы своей кавалерией, которая раньше всех покинула поле боя.

Голицын не замедлил воспользоваться этой ситуацией, спешил драгун и взял в клещи шведские фланги. Шведы не выдержали и начали всеобщее отступление, которое вскоре превратилось в беспорядочное бегство. Тут в дело вмешались драгуны и казаки, остававшиеся в охране обоза. Они вышли в тыл разбегающимся шведам и начали беспощадную рубку. Шведская армия пыталась через лес выйти на дорогу к Васе, но идти приходилось едва ли не по грудь в снегу — отсюда и огромные потери шведов. На поле битвы осталось 5133 убитых, 535 человек русские взяли в плен; захвачено было 8 орудий и 20 знамен³¹². Но и русским победа досталась нелегко — 421 человек был убит и 1047 ранено. Погиб и ходивший накануне в разведку капитан Вятского драгунского полка Андрей Соловкин.

Русская кавалерия преследовала противника весь день и вышла к деревне Лаупа, в полутора верстах от Васы. Вскоре туда подтянулась и пехота. Армфельд отступил к Якобштадту, оставив город, жители которого при виде подходящих русских разбежались. Голицын занял Васу, выслав вперед,

к кирке Пюро, драгунские полки бригадира Чекина, после чего приказал прекратить наступление. Пока русская пехота отдыхала, особой конной партией под командованием бригадира А. Г. Чернцова было приказано опустошить окрестности в радиусе десять миль, с чем она справилась *«блестяще (курсив мой. — А. Ш.)»*³¹³; это вынудило Армфельда отступить еще дальше, к Брагестаду.

Правда, в «Журнале действий 1714 года» излагается несколько другая версия происходившего: «В день 28 февраля из Ваз (Васы. — А. Ш.) отправлен был в партию бригадир Чернцов до Нью-Карлебю и жители оногo Нью-Карлебю и Гамла-Карлебю, не допуская себя до разорения, просили, чтоб им быть под протекцией Государя; и тому их прошению были даны универсалы, чтоб жили в своих домах безопасно, и взята с них контрибуция»³¹⁴.

4 марта отряд тронулся в обратный путь и после изнурительного перехода вошел в Або. Вся кавалерия была отправлена вдоль границы Эстерботнии на квартиры в район кирки Сесьмы, севернее Тавастгуса. Здесь она простояла до середины апреля, а затем из-за недостатка провианта ушла в район Борго. Все военные действия приостановились ввиду рано начавшегося в этом году таяния снегов.

Весь план летней кампании 1714 года сводился к действиям на морском театре³¹⁵, так как сухопутные силы шведов в Финляндии были практически разгромлены и рассеяны.

Русские расположились следующим образом: Голицын с основными силами пехоты стоял в районе Або, этот отряд предназначался полностью для посадки на галерный флот. Вся кавалерия под командованием бригадира Чекина и три пехотных полка были выдвинуты севернее Тавастгуса, дабы прикрывать Або и Тавастгус, а также для разведки и уничтожения партий противника в отвоеванной части Финляндии.

6 июня 1714 года из Выборга отправился осаждать крепость Нейшлот отряд полковника Шувалова, состоящий из 1291 пехотинца, 332 драгун и 98 казаков, взятых от полковника Савелова³¹⁶. Когда крепость сдалась, здесь был оставлен гарнизон численностью 833 человека, из них 95 казаков. Остальные вернулись в Выборг, а чуть позднее 107 драгун



и 3 казака были направлены по приказу Меншикова в Кексгольм³¹⁷.

25 июня 1714 года в Гельсингфорсе скончался «по болезни» «пан гетман» Черский (Чирский)³¹⁸. Кто с этого момента командовал казаками, неизвестно. Хотя определенную ясность может внести грамота Петра I Войску Донскому от 23 мая 1720 года, адресованная лично войсковому атаману Василию Фролову: «Ты, войскового атаман... в 1717 году был с 1000 казаков в Финляндии и в генеральном сражении под Азой послужил радетельно. За такую службу тебя, войскового атамана, и Войско Донское пожаловать знаменами милости признали. Тебе, войскового атаман, послал нашего Царского Величества портрет, алмазами украшенный»³¹⁹. В грамоте явно допущены неточности: под «Азой» подразумевается сражение под Стур-Кюро, и при этом год сражения перепутан — указан 1717-й вместо 1714-го, но это вполне подтверждает вероятность, что казачья служба в Финляндии продолжалась и после 1714 года. Савельев еще упоминает «страшного для шведов в Финляндии» атамана Ивана Краснощечекова³²⁰, однако в документах Северной войны, касающихся боевых действий в 1712–1721 годах, он не упоминается.

К осени 1714 года русская кавалерия под командованием Р. Брюса и Ф. Чекина расположилась в районе Нью-Карлебю и Гамла-Карлебю, где «деятельно принялась, согласно “инструкции”, за разорение края...»³²¹ — как мы знаем, этим местам так доставалось уже не в первый раз. Позже Апраксин продлил срок пребывания здесь русской конницы — чтобы взять «контрибуцию по данному от нас универсалу»³²². В том же духе прошла весна 1715 года, заставшая полки «чинящими воинские действия против зело злобной чухны»³²³. Здесь, по русским источникам, было собрано 40 000 бочек зерна³²⁴.

В целом из всех провинций Финляндии наибольшему, «стратегическому», разорению подверглась Эстерботния³²⁵. Отсюда было вывезено 4617 человек, что составляло почти 80 процентов от общего количества вывезенных в Россию людей во время войны, исключая мобилизованных и тех, кто добровольно ушел с русскими³²⁶. По остальным районам Финляндии сообщаются следующие цифры: Аландские ост-

рова — 257 человек, Нюланд — 448, Тавастланд — 267, Сатакунд — 300³²⁷.

Среди «угнанных были в основном дети в возрасте до 15 лет, и только 10% были лица старше 20 лет. Главным образом это были юноши. Их можно было продавать и покупать, как рабов. Другие использовались на строительных работах в Санкт-Петербурге. Старшие офицеры в армии извлекали экономическую выгоду, продавая вывезенных как рабов или заставляя работать в своих имениях (Вспомним отчет Шереметева после взятия Мариенбурга о «розданных разным ратным людям...». — *А. Ш.*). Красивых молодых женщин вывозили как подарки или использовали как проституток»³²⁸.

Это подтверждается письмом, которое прихватил с собой, перебегая к шведам осенью 1715 года, капитан Спиридон Воркрионов. Некто Григорий Александров пишет ему по просьбе русского полковника, чье имя не сохранилось:

«Спиридон Ворфоломеевич, здравствуй. Приказал господин полковник у вас просить, ушли у него три девки, а чаю, ваша милость, знаешь сам оных девак, которые жили при господине полковнике. Одна из Уллы, другая из Гамеркарбис, третья из Якупштата. Из Уллы Катря, из Гамеркарбис Пета, из Якупштата Маргета. Пожалуй, постарайся как можно, за что господин полковник сам рад служить вашей милости. Также которые козаки от вашей милости будут ездить для збору провианту, пожалуй, прикажи им постаратца, чтоб поймали, и за работу, пожалуй, посули им, что надлежит, а к нам о том отпиши, ежели поймают, мы к вам денги пришлем. Также и тутошним жителем, пожалуй, поговори, и пастору закажи, чтоб как можно поймал. Пожалуй, постарайся, за что сам господин полковник должен платить вашей милости, также и мы ради вашей милости отслужить стократно. Слуга ваш Григорей Александров. Августа 3 дня году 1715. Никарбис»³²⁹.

Попытки шведов выкупать своих пленных, которые участились после Полтавы (они прежде всего имели отношение к военнопленным), особого успеха не имели. При этом периодически условия содержания пленных ужесточались, в чем, впрочем, шведская и русская стороны словно соревновались между собой. Так, сохранился указ Петра I «О бри-



тии голов и бород у шведских пленников», изданный в связи с тем, что «в Свейском государстве у наших пленных российских остригают и бреют с головы волосы догола»³³⁰. И даже после подписания мира запрещен был отъезд в Швецию пленным, которые сменили веру, а также их русским женам и детям, рожденным в браке³³¹. Многие из-за этого остались в России³³².

Х. Кувая отмечает то, что в опустошении Эстерботнии была виновата не только русская армия. Части Армфельда также требовали от населения фураж и продовольствие и изымали необходимое твердой рукой. В этом смысле особенно отличились кавалеристы под командой Рейхольда Юхана де ла Бара (Делабарре), хотя утверждается, что действовали они все-таки не столь масштабно, как русские³³³.

С другой стороны, надо признать, что опустошение Эстерботнии отчасти было ответной мерой, во-первых, за нападения шведов и финнов на русские войска, во-вторых, за вторжения на Русский Север. В феврале 1714 года два десятка финнов совершили нападение на русскую часть, расквартированную на пасторском дворе в Оривеси. Трех солдат убили, тринадцать взяли в плен, многие в панике разбежались и замерзли в лесу³³⁴. В марте-апреле 1718 года был совершен 22-дневный откровенно грабительский рейд шведского отряда под командованием майора С. Энберга по селениям приграничных Панозерского, Ребольского и Ругозерского погостов. Только в Панозерском и Ребольском погостах шведские и финские солдаты изъяли у крестьян около 6000 пудов зерна, угнали более 700 голов крупного и мелкого скота, забрали 228 сетей и неводов, до 3000 аршин холста и много другого имущества. Грабежи сопровождалась поджогами домов и убийствами мирных жителей. В 1719 году случился «зеркальный» ответ русских — драгуны Нарвского полка опустошили несколько финских приходов.

Финский историк Г. Вилкуна сообщает, что осенью 1714 года по приказу начальника бригады драгунских полков генерал-майора Чекина были собраны для уничтожения сотни финнов, и лишь благодаря вмешательству одного армейского полковника, имя которого не названо, Чекин изменил свое решение и отправил всех на работы в Южную Фин-

ляндию³³⁵. Г. Вилкуна почему-то называет Чекина «казачьим генералом», но никакого отношения к казачеству Федор Гаврилович Чекин не имел³³⁶.

Однако это вполне объяснимая ошибка — абсолютное большинство финских преданий, связанных со временами Северной войны, упоминает в первую очередь не драгун, а казаков. Им вторят шведские историки: «В сентябре 1714-го казаки пришли в Гамла-Карлебю... В Гамла-Карлебю людей забивали, как скот, так что кровь и трупы были видны повсюду на улицах. Все ценное забиралось врагом. Они даже залезли на приходскую колокольню, чтоб снять колокола, но взяли только маленький часовой колокол»³³⁷. А между прочим, в 1714—1715 годах в районе Гамла-Карлебю был расквартирован корпус под командованием Р. Брюса, состоящий в основном из конницы только что упомянутого драгунского генерал-майора Ф. Чекина. Сколько под началом Чекина было казаков, точно неизвестно, но можно предположить, что около 1000 человек. Перебежчик Спиридон Вокрионов сообщил шведам на допросе в конце 1715 года о примерно 500 казаках³³⁸, но цифра, судя по всему, неточна.

Всего в армии, которая действовала в Финляндии, находилось около 1900 казаков — с учетом высадившихся в 1713 году с Апраксиным, прибывших с Волконским и позднее с Черцовым. Таким образом, казаков было относительно немного, в пределах 5—10 процентов от всего численного состава. Это не мешает историкам все те действия, которые условно можно отнести к «военным преступлениям», связывать исключительно с казаками³³⁹. Причину такого отношения мы видим в том, что именно казаки, принципиально отличающиеся от других солдат русской армии, поражали воображение мирных жителей. Они действовали согласно тактике, которую выработали за столетия войн с кочевниками: появлялись неожиданно, часто ночью, со свистом и криками, сразу со всех сторон, поджигали дома. Вкупе с необычным внешним видом — разнообразие в одежде, вооружении, наличие бород — по сравнению с регулярными драгунами, это производило поразительный эффект и запоминалось надолго; население панически боялось казаков.



Важен эпизод, отмеченный Х. Кувая, об изъятии в 1714–1715 годах в Эстерботнии из церквей 25 колоколов, 8 канделябров и 8 паникадил³⁴⁰. Эти трофеи действительно могли весьма заинтересовать казаков. При Петре, который преследовал цель искоренения или, по крайней мере, уменьшения влияния старообрядцев среди казаков, в областях их компактного проживания началось массовое переоборудование имеющихся часовен в церкви и строительство новых храмов. Привезти из похода богатые дары для своих храмов было не только традицией, но почти обязанностью для казаков, и это, разумеется, поощрялось русским военным командованием. Сохранилась официальная инструкция Ф. М. Апраксина Р. Брюсу от 16 сентября 1714 года: «Во всех уездах и у кирок, что найдутся паникадила, меди, колоколов, брать на Государя»³⁴¹. Заодно с лютеранскими церквями разграблению подвергались и жилища пасторов — наиболее зажиточных жителей финских деревень. Большинство из них бежали в Швецию еще в начале русского вторжения, бросив жилища и имущество. О. Турпейнен говорит о многих епископах, около сотни священников и по меньшей мере 72 капелланах³⁴². Таким образом, получается, что наиболее потерпевшими в финских деревнях оказывались пасторы. И те, кто уехал в метрополию, и те, кто остался в Финляндии, живописно рассказывали и письменно свидетельствовали обо всех ужасах войны, связывая их в первую очередь с казаками.

Утверждается, что, приходя в деревню, «казаки убивали тех, кого там встречали, насаживали на пики или рубили своими длинными саблями. Не щадили даже детей, убивая их жестоким образом. Их или пронзали пиками в колыбелях, либо вынимали из колыбелей и ударяли о стену так, что разлетались мозги по сторонам... Если казаки находили какого-нибудь подростка или юношу, то его забирали в плен в Россию»³⁴³. Такие предания сохранялись в народном фольклоре и затем превращались в официальные документы, которые, как правило, составлялись пасторами. Николаус Эймелиус из прихода Стур-Кюро сообщает о сожжении в печи 40 крестьян из деревни Лумийоки и 120 — в Пюхайоки, Эрик Фант из Педерсера — о 232 крестьянах, убитых или погибших вследствие жестокого обращения с ними, Виландер

из деревни Уппяри — о 120, похороненных в общей могиле. В Юли-Каннус, капелланском приходе прихода Дохтео, русские, по заметкам викария Юхана Агриландерса, убили 36 человек и т. д.³⁴⁴ Приходские списки в Финляндии — это единственные документы, свидетельствующие о разорении страны во время русской оккупации, и вполне естественно предположить, что большинство из них тенденциозны.

Немалую роль во всем этом сыграло противостояние православия и лютеранства. Православная церковь считала лютеранство лжехристианством — прежде всего исходя из икоборства, характерного для шведских войск на территориях с православным населением³⁴⁵. Протестантская церковь платила той же монетой, называя русских ассирийцами, а царя Петра незаконнорожденным сыном Навуходоносора и сравнивая положение финнов с египетским рабством³⁴⁶.

Впрочем, в казаках вряд ли существовала особая религиозная ненависть к лютеранам. Среди них было достаточно старообрядцев, которые считали никониан, в том числе самого Петра I, антихристами, и православная пропаганда, объявлявшая шведов и финнов еретиками, напоминала казакам о том, что говорили им старообрядческие священники — но только в отношении Петра I и всех его нововведений. Учитывая большой процент приверженцев старой веры среди казаков, можно предположить, что их отношение к священникам, сопровождавшим регулярную русскую армию, не было, мягко говоря, доверительным. Возможно, поэтому в казачьих полках в отличие от других частей не ввели должность полкового священника³⁴⁷.

Что касается зверств, приписываемых казачеству и вообще русским, то их следует рассматривать только в контексте времени. Так, эпизоды в Пюхайоки и Лумийоки с сожжением людей вместе с домами (только не в печах, конечно) укладываются в общую картину эпохи. В случае получения вооруженного отпора и наличия потерь казаки вполне могли, дабы не рисковать собственными жизнями при штурме, поджечь строение. Аналогично поступал с французами в кампанию 1812 года, сто лет спустя после Северной войны, знаменитый партизан Денис Давыдов³⁴⁸.



Х. Кувая отмечает, что нет абсолютно никаких доказательств того, «что русские отрезали женщинам груди и насаживали младенцев на изгороди»³⁴⁹. Крупнейший финский историк Матти Клинге вообще полагает, что за исключением Эстерботнии, единственной провинции, где развернулась партизанская борьба и репрессии имели место, российские оккупационные власти проводили гуманную политику³⁵⁰. Однако миф о «зверствах» был, как ни странно, на руку и русскому командованию — как действенный аргумент «убеждения» противника.

В отношении пыток, применяемых к пленным или местному населению, о которых сообщают все без исключения историки, можно сказать просто: пытка в петровской России была узаконена и применялась к «повредителям» государственных интересов без всякой пощады. Естественно, что финский крестьянин, отказывавшийся выдать фураж и продовольствие русской армии по универсалу или без него, а равно бежавший в лес, то есть уклонившийся, тоже становился «повредителем». Пытка была в России настолько обыденным делом, что никто даже об этом и не задумывался³⁵¹. Казаки не были исключением и к физической боли относились с безразличием. В истории можно найти достаточно примеров, когда они сознательно засылали к противнику перебежчиков с ложными сведениями, зная, что обрекают последних на нечеловеческие пытки, но будучи уверены в том, что они их вытерпят³⁵².

В тех случаях, когда рассылались универсалы и местные жители должны были, согласно этим документам, передавать русским войскам провиант, любое неподчинение могло привести к жестким действиям. Вот распоряжение Ф. М. Апраксина полковнику Савелову по поводу сбора контрибуций: «...которые ничего не платили и сказывают, что платить нечем, править на старостах, и брать все, что найдешь, без остатку»³⁵³. Глагол «править» означает битье до тех пор, пока не будет покрыта недостача.

По мнению финского историка Вальтера фон Коскуля, командиры русских подразделений смотрели сквозь пальцы на насилие, чинимое солдатами и казаками³⁵⁴. В этом нет ничего удивительного, ведь «инструкции» по разорению ча-

сто исходили от самого царя. Вступивший в силу в 1715 году «Артикул воинский...» определял наказание лишь в том случае, когда насилие осуществлялось «без позволения или указу». Если же следствие начиналось, то довольно часто оно имело формальный характер. Например, уже упоминавшийся полковник Греков, как сообщает Х. Кувая, ссылаясь на документы из канцелярии графа Апраксина, привлекался к трибуналу за то, что в 1714–1716 годах четырежды вопреки приказу посылал грабить провиант в Эстерботнии, но при этом благополучно продолжал командовать Вятским драгунским полком³⁵⁵.

Нравы и обычаи войны не очень-то менялись и в дальнейшем. Так, указ императрицы Анны Иоанновны от 22 мая 1735 года говорит о том, что военнопленные (а именно в таком качестве рассматривались угнанные мирные жители), вывезенные в Россию, должны оставаться «за теми людьми, за кем они в подушный оклад записаны»³⁵⁶.

Между тем на самом крайнем севере между жителями приграничных районов соблюдалось перемирие. Об этом свидетельствует ганноверский резидент в России Христиан Вебер, который отмечал в своих записках, что «в главном городе Лапонии Коле, где сходятся границы шведских, датских и русских лапонцев, эти различные народцы в продолжении всей войны жили между собой дружелюбнейшим образом и не переставали вести торговлю друг с другом»³⁵⁷. В годы войны отмечалось даже оживление приграничной торговли. Например, зимой 1711 года из России в Каяни было привезено 5000 аршин домотканого полотна — сермяги. Серьезному испытанию крестьянское перемирие подверглось весной 1712 года, когда шведский инспектор незаконно конфисковал большую партию товара, привезенного из-за восточного рубежа. Усилиями сторон конфликт был вскоре урегулирован, и в январе 1713 года торговля возобновилась³⁵⁸.

С 1718 года война переходит в кабинеты, и томительные беседы прерываются лишь отдельными демаршами русских войск, главным образом флота, дабы предоставить новые аргументы в споре. Шведы, не имея возможности для подобного ответа, отчаянно интриговали, пытаясь склонить на свою



сторону другие заинтересованные страны и делая вид, что это им удается. В мае начались переговоры на Аландских островах. Русские представители А. И. Остерман и Я. В. Брюс получили четкие инструкции от Петра Великого — «Генеральные кондиции к миру». Они включали следующие условия: Карелия, Лифляндия, Ингрия, города Рига, Ревель и Выборг остаются во владении России. Граница должна проходить по реке Кюмень на крепость Нейшлот и далее по старой границе, утвержденной еще Столбовским миром.

Вернувшийся в Швецию король Карл как будто не замечал действия русских в Финляндии. Он не спешил вернуться в столицу, а расположился в Лунде. В 1716 году шведская армия воевала в Норвегии, взяла Кристианию (Осло), но, потерпев неудачу под крепостью Акерсхус, вернулась домой. Из Штральзунда, где король задержался на целый 1715 год, он прибыл не один, а с вновь назначенным министром Георгом Генрихом фон Герцем, голштинцем, чья судьба тесно переплелась с королевской в последние годы жизни Карла. Герц и представлял интересы Швеции на Аландах. Он постоянно уезжал к королю, якобы за новыми инструкциями, затягивал время, менял условия и требовал их уточнения. То шведы хотели участия русских войск в операциях против Дании, то требовали возвращения Кексгольма. Лишь к концу августа 1718 года сторонам удалось достигнуть относительного согласия.

Тем временем в Швеции постепенно нарастало беспокойство: король был бездетен, постоянно подвергал свою жизнь опасностям, а явного наследника на трон не существовало. На эту роль прочили королевского племянника Карла Фридриха Гольштейнского, сына старшей сестры Карла и его друга герцога Голштинского. Карла Фридриха поддерживал прибравший к своим рукам всю власть в стране фон Герц. Ему противостояла партия младшей королевской сестры Ульрики-Элеоноры, бывшей замужем за герцогом Фридрихом Гессенским. На ее стороне был парламент, фактически отстраненный от власти.

Уверовав в благополучное завершение переговоров с русскими, Карл осенью 1718 года снова вторгся в Норвегию и здесь, при осаде крепости Фредрикстен близ Фредерикс-

халю, 30 ноября (11 декабря) был убит. Эта смерть до сих пор вызывает споры, в том числе и благодаря последующим событиям. Едва состоялось погребение короля в Риддархольмской церкви, как Герц был арестован и после формального суда казнен. 19 января сессия риксдага передала корону Ульрике-Элеоноре, одновременно дав ей понять, что власть отныне принадлежит парламенту.

В связи с этими событиями переговоры на Аландах прервались. Правда, Ульрика-Элеонора направила письмо царю Петру, в котором сообщила, что новым представителем Швеции на переговорах теперь будет барон Лиленштет, но этим все и ограничилось. Шведы уповали на создание антирусской коалиции с Великобританией, Австрией, Пруссией и Польшей. Петр некоторое время ждал, но, поняв, что конструктивного разговора не будет, прибегнул к самому действенному средству: высадил десант на шведский берег.

Впервые такой десант в количестве 800 человек был высажен в сентябре 1714 года в Умео. Возглавлял его генерал-майор Головин. Русские опустошили дома, квартал за кварталом, а затем сожгли город; все ценное погрузили на галеры — в сконе было взято 11 бронзовых паникадил и другая утварь³⁵⁹.

В 1715 году русские произвели две десантные операции: в июле-августе с кораблей высаживается партия на Готланд, в декабре — в районе Кеми. В обоих случаях были взяты пленные, а населенные пункты подверглись разорению.

В 1716 году была подписана конвенция с Данией о совместных десантах против Швеции. С этой целью из Ливонии в Копенгаген было переброшено 5000 человек; причем возглавлял их сам Петр I³⁶⁰. Планировалось также перевезти из Мекленбурга на остров Зеландия 37 пехотных батальонов и 3 драгунских полка (всего 26 000 человек) и осуществить одновременно две десантные операции — высадиться в Сконе и севернее Стокгольма³⁶¹. Но совместных действий на юге Швеции с датчанами не получилось. 31 августа из Копенгагена Петр I отправил пять галер с казаками, которые высадились в Сконе и, взяв «языков», благополучно вернулись. Учитывая то, что конные галеры могли взять на борт от 16 до 40 лошадей, в налете, вероятно, участвовало от 80 до 200 человек³⁶².



На севере решительно действовал Апраксин. В начале 1716 года русские галеры появились на севере Вестерботнии, у Торнио. Армфельд двинулся было защищать город, но получил известие о возможном переходе русского отряда в 2000 человек из Ваасы через Кваркен по льду, и в Торнио пошла одна кавалерия. Этого для защиты города оказалось явно недостаточно. Русские шведскую конницу уничтожили, а город сожгли.

В августе 1716 года у Евле (на границе провинций Хельсингланд и Упланд) пытался высадить десант бригадир Менгден, а в проливе Греин-сунд — майор Кисловский, но в обоих случаях шведы оказали сильное сопротивление, и русские ушли восвояси, ничего не добившись.

В декабре русские четырежды пытались высадить казачьи десанты на севере Вестерботнии, но удача сопутствовала им только раз в районе городов Каликс, Лулео и Питео, где казаки разорили несколько деревень и хуторов³⁶³.

Шведский историк П. Б. Ригнер сообщает о высадке русского десанта из 600 драгун и 300 казаков в согне (уезде) Торнео в начале 1717 года. Этот десант частью уничтожил, частью оттеснил местных ополченцев на север, в направлении Лаппмаркена. После этого противник рассеялся по территории согнов Торнио и Каликса, «с особой жестокостью убивая и подвергая жителей насилию: несколько усадеб было сожжено вместе с живыми владельцами и домашним скотом»³⁶⁴.

В июне-июле 1717 года Апраксин высадил 900 человек на Готланд. Русские прошли в глубь острова на 50 километров, захватили много пленных и крупного рогатого скота³⁶⁵. Этим летом осуществили еще несколько высадок — на остров Хольмё и ряд других островов близ Умео, а также на остров Остергарден. Педантичность в учете захваченного имущества поражает: «4 колокола, 9 перегонных кубов с крышками, 40 котлов железных и медных, 1 сковородка..., 5 тазов медных, 18 шандалов (большой подсвечник. — *А. Ш.*) медных, 2 жаровни, 2 подблюдника худых, 1 кадилница, 1 коробка и 3 плиты... 28 тарелок, 15 кружек, 4 чашки, 6 шандалов, укусуница, трубка, фонарь, 9 наволочек с перин, 8 простынь, 13 юбок разных цветов, 3 юбки суконные черные... плаш па-

сторский, фартук, попона, 6 чепцов черных, шапка пасторская, 2 полавочника...» и т. д.³⁶⁶

24 мая 1719 года отряд капитан-командора Фангофа высадился на остров Эланд, чтобы взять «языков»; русские готовились к крупнейшей десантной операции Северной войны — той самой, которую Петр затеял, когда понял, что переговорами от шведов мира не добьешься. Но появление в море шведских кораблей заставило Фангофа удалиться³⁶⁷. Несмотря на неудачу рекогносцировки, в июне 132 галеры и более сотни островских лодок³⁶⁸ пошли к шведскому берегу. Численность десанта, которым командовал Апраксин, составляла около 26 000 человек.

11 июля галерный флот подошел к острову Капельшер (около 70 километров от Стокгольма). Отсюда 21 галера и 12 лодок под командованием П. П. Ласси направились севернее Стокгольма и высадили десант близ деревни Лёфста, а также на острова Капель и Грин. Основная флотилия пошла к Норчепингу, где сошли на берег несколько партий для уничтожения заводов и рудников. В проливе Стокзунд, ведущему к Стокгольму, по обе стороны было высажено по три батальона; одним отрядом командовал князь Баратынский, другим — Стрекалов. Всего во время операции в разных местах шведского побережья было высажено 16 десантов³⁶⁹. Результаты этого удара впечатляют — по русским сведениям, были опустошены 8 городов, 140 с лишним усадеб, 21 завод и т. д.³⁷⁰

Немецкий историк И. Г. Рабнер в своем объемном труде, посвященном Петру Великому, приводит шведские данные об опустошении побережья в 1719 году. Он говорит о 8 городах, 141 дворце и усадьбе, 1363 деревнях и хуторах, 43 мельницах, 26 складах и магазинах. Здесь же приводится количество вывезенного крупного рогатого скота — по 700 голов на каждые 20 галер. Тех быков и коров, что не смогли вывезти, русские будто бы перебили в количестве 100 000 голов³⁷¹. Эти цифры вызывают сомнения. Учитывая то, что в составе флотилии Апраксина было 132 судна, не считая лодок, то русские, по данным Рабнера, должны были вывезти около 4600 голов скота да еще не менее 1000 собственных лошадей, если принять во внимание количество казаков. Но даже самые большие конные галеры брали на борт максимум 40 лоша-



дей. Вероятно, было вывезено всего 700 коров, а может быть, и меньше, так как русские источники говорят о взятом железе и меди, «сколько возможно было положить, а прочее великое множество в воду побросано». Что касается остального, то «как хлеб, так и скот, и прочее, что к провианту и пользе неприятеля служить могло, истреблено и сожжено»³⁷².

Следует также иметь в виду, что приводимая Рабенером цифра разоренных деревень и хуторов — 1363 — скорее всего, означает число сожженных дворов. Среднее количество крупного скота с учетом волов, приходившегося на один двор, — 8–10 голов; таким образом, общее количество скота в разоренной местности могло быть около 10000, но никак не 100000 голов. Подсчеты показывают, что в 1700-е годы количество крупного скота во всей Швеции было около 400000 голов, и представляется сомнительным, чтобы одна десантная операция на побережье уменьшила бы его на четверть.

Казачи не дошли всего лишь 10–12 верст до Стокгольма³⁷³. Именно приближение казачьих партий к шведской столице побудило королеву немедленно активизировать переговорный процесс с Россией³⁷⁴. 10 июля Петр отправляет на переговоры Остермана, но они опять начинают буксовать, поскольку королева изъявляет готовность согласиться с потерей Лифляндии, но взамен требует возврата Финляндии.

В конце августа Петр приказал галерному флоту вернуться в Або, а парусному идти в Ревель и там зимовать. Его будоражила идея на следующий год войти в Стокгольм. Зимой предполагалось отправить через лед Ботнического залива несколько казачьих отрядов, чтобы подготовить почву для этого. Однако теплая зима и слабый лед помешали этому плану осуществиться: можно сказать, что погода спасла Швецию от казачьих рейдов.

9 ноября 1719 года Швеция подписала союзный договор с англичанами, согласно которому король Великобритании должен был послать сильный флот на Балтику; правда, англичане оговорили, что воевать с Россией не будут. Устремления туманного Альбиона понятны. В 1714 году на английский престол вступил ганноверский курфюрст Георг Людвиг, ставший королем Георгом I. Обещание Швеции способство-

вать уступке Ганноверу, вотчине английского короля, Вердена и Бремена подогрели интерес англичан.

Английская эскадра не замедлила явиться и вместе со шведскими кораблями подошла к Ревелю. Эскадра пришла якобы с миссией посредничества между Швецией и Россией — так, во всяком случае, английский адмирал Норрис ответил на вопрос Апраксина о цели визита, но на самом деле — дабы сделать русских под прицелом английских пушек более уступчивыми. Но помешать очередному набегу на шведское побережье они не смогли.

В самом конце апреля 1720 года русские высадили в районе города Умео отряд бригадира Менгдена в составе 6120 пехотинцев и 162 казаков на 35 галерах. Менгден сжег Умео дотла, разорил вдобавок 41 деревню и 8 мая благополучно вернулся. При этом было захвачено несколько каботажных судов и вывезено 900 голов скота³⁷⁵. Узнав о высадке Менгдена, шведские и английские корабли срочно снялись с якорей и ушли в Стокгольм.

В конце июля произошло знаменитое сражение при Гренгаме, закончившееся победой русского флота и ознаменовавшее собой конец кампании 1720 года. Почти одновременно с вводом в Кронштадт пленных шведских кораблей, захваченных в Гренгамском сражении, в Стокгольм прибывает А. И. Румянцев, посланный Петром I поздравить с вступлением на шведский престол Фредрика I, который по требованию риксдага сменил свою жену Ульрику-Элеонору. Вновь избранный король предложил вернуться к мирным переговорам.

Они начались 31 марта (10 апреля) 1721 года в Ништадте (*совр.* Уусикаупунки в Финляндии); впрочем, шведы еще надеялись на помощь Англии. И действительно, в апреле на Балтику опять прибыла английская эскадра. Петр ответил новым погромом на шведском берегу: высадку между Гёфле и Питео осуществил П. П. Ласси с 5000 пехотинцами и 450 казаками на 30 галерах, 9 лодках, 33 шлюпках и 1 боте. Были уничтожены оружейный и двенадцать металлургических заводов, сожжены три городка, 79 мыз, 506 деревень с 4159 дворами³⁷⁶. Этот десант стал последней каплей, принудившей Швецию закончить непосильную для нее вой-



ну с Россией. 30 августа в Ништадте был подписан мирный трактат, завершавший Великую Северную войну.

Итак, наступил мир, но сколько раз еще будут оспариваться «артикулы» подписанного договора. Неточности, неясности, двойственности в трактовках тех или иных условий будут использоваться обеими сторонами — до тех самых пор, пока Швеция не смирится с тем, что титул сверхдержавы она потеряла еще в Северную войну, и не поймет, что положение нейтральной страны для нее выгоднее и безопаснее.

Глава 19

Тактика, стратегия и организация шведской армии

Карл XI создал эффективную армию, способную воевать не числом, а умением. Шведская армия была отлично выучена и вооружена, применяла самые передовые методы ведения боя. Многие офицеры за государственный счет уезжали в другие страны Европы, где набирались знаний и опыта. Каждый офицер и солдат получил надел земли, сдававшийся обычно в аренду. Пока в военной службе не было надобности, солдат трудился на своем клочке пашни, а его мундир, амуниция и мушкет с порохом хранились в полной готовности. В случае мобилизации солдат оповещали специальные вестовые, они собирались сначала на ротном сборном пункте, затем на батальонном, а оттуда шли на полковой. Часть штабных офицеров, находящихся на государственном жалованье, постоянно работала на этих пунктах, вела учет военнослужащих, следила за их поведением.

Вот как, к примеру, собирался Далекарлийский полк: «Рота из Урсы собирается возле Церкви в Урсе, для чего потребуются 2 дня, и марширует к Таммуросену (2 мили, 1 ночь)... куда должна явиться и рота из Муры, потом всем собраться в Викаре, на что потребуется 2 дня, и сделать переход до Гьельбюна (1 миля); соединившись там с ротой из Урсы, идти вместе к Бьюросу (2,5 мили, отдых 1 ночь), где соединиться с ротой из Рэтгвша, за исключением 50 человек, которые

будут ждать в Свэрдше и Сундборне...» Через две недели пехотинцы и кавалеристы в обмундировании и при полном вооружении, с двухнедельным пайком, стояли уже в полковом строю.

Мобилизация 1699 года показала надежность системы, заложенной Карлом XI. Благодаря ей в начале своего правления Карл XII имел в своем распоряжении 115 тысяч человек. Такого армия Петра I себе позволить никогда не могла.

Тактика каролинской армии, а по сути, это была тактика одного человека, командовавшего ею — Карла XII, по мнению шведского историка Гуннара Артеуса, может характеризоваться тремя понятиями — простотой, гибкостью и смелостью.

Стремление к простоте постоянно обнаруживается в планах сражений, которые разрабатывал Карл XII. Простота была осознанным и крайне важным средством для достижения максимальной гибкости армии — настолько значительной, насколько это позволяли физические возможности солдат, — в битве при Нарве, на Двине и при Головчине. Таким образом, Карл успевал оперативно и адекватно реагировать на любые неожиданности³⁷⁷. Вот только при Полтаве гибкость отсутствовала. При чрезмерной простоте, совершенно предсказуемой для противника, шведы, напротив, продемонстрировали бессмысленное упрямство, что привело к полному разгрому.

Что же касается смелости тактических замыслов Карла XII, то она доходила до крайности. По словам того же Гуннара Артеуса, доля риска в планах короля постоянно была столь велика, что, встретить король лучших генералов на стороне противника и не иметь его армия такой уверенности в своей непобедимости, он, вполне возможно, проиграл бы все свои сражения.

Необходимо отметить неразрывную связь между боевым духом армии и ее тактикой. Всем видам боевых действий Карл предпочитал наступление, и это формировало и укрепляло в армии высочайший боевой дух; в то же время наступательную тактику невозможно было воплотить, если б дух армии был низок.



Пехота

Действия шведской пехоты регламентировались уставом — «Новым манером боевых действий батальона», принятым в 1694 году, который гласил: «Если командир батальона приказывает: “Готовся!”, то пикинеры поднимают свои пики, выдвигаясь вперед, пока он (батальон. — *А. Ш.*) не сблизится с противником на 70 шагов. Как только будет скомандовано: “Две задние шеренги, изготовиться к огню!”, эти шеренги выдвигаются вперед и сдваивают две передние шеренги. Как только две задние шеренги произвели выстрел, они обнажают шпаги. И как только две передние шеренги выдвинулись, две задние тесно смыкаются с тыла с двумя передними шеренгами, после чего весь батальон марширует таким образом сомкнутым строем в глубину и в ширину рядами на противника, пока не сблизится с ним на 30 шагов. Тогда отдается команда: “Две передние шеренги, изготовиться к огню!” Как только произведен выстрел, они обнажают шпаги и врываются в ряды противника».

После 1701 года эта боевая тактика изменилась лишь в том смысле, что позиция для второго залпа приблизилась еще ближе к противнику; вот как это сформулировано в уставе 1710 года: две передние шеренги «не открывают огня до тех пор, пока они не приблизятся к противнику на расстояние, когда его можно будет достать штыком. После того как они произведут с этой позиции залп, то, с Божьей помощью, из противостоящих (солдат) останутся в строю немногие»³⁷⁸.

Выдвижение вперед под непрерывным обстрелом, на который нельзя было отвечать, пока расстояние до линии противника не сокращалось до предела, естественно, требовало от шведских солдат железной дисциплины и, вероятно, было бы невозможно, если бы они не обладали абсолютной уверенностью в эффективности своего метода наступления. Приходилось терпеть, но зато первый залп, когда наконец наступало его время, пробивал в рядах противника огромную брешь. А те, кто не был убит или ранен с первого выстрела, как правило, не оставались на месте, ожидая второго

залпа, который, как они осознавали, будет гораздо смертоноснее и тут же сменится фронтальной атакой пикинеров с их страшным оружием рукопашного боя.

Мы видим, что метод атаки, предписанный каролинской пехоте, уделял гораздо меньше внимания ведению огня, чем холодному оружию. Ведь согласно уставу, мушкетер должен был произвести один-единственный выстрел и вступить в рукопашную схватку. При этом соотношение пикинеров и мушкетеров в шведском батальоне во времена Карла XII было один к трем.

Шведская пехота, как и пехота большинства континентальных армий, вела огонь непрерывно. Батальон делился на 16 взводов (плутонгов), которые стреляли парами или по четыре взвода разом. При этом, когда взводы открывали огонь, весь батальон вынужден был останавливаться, пока одни стреляли, остальные перезаряжали оружие. Благодаря тому, что шведские батальоны останавливались для ведения огня на протяжении атаки не более двух раз, темп их движения был значительно выше, чем в других армиях.



Кавалерия

Из всех кавалеристских тактик европейских армий того времени шведская была самая наступательная. Атака королевских эскадронов была характерна плотным «плугообразным» построением в две линии (всадники сближались к центру, колено в колено), высокой скоростью движения и использованием только холодного оружия — шпаги. Бешеный темперамент Карла заставлял его стремиться к рукопашному бою и к передвижению на быстрых аллюрах. Король не выносил медлительности и стрельбы с дальнего расстояния. На одном из учений он загнал двух лошадей, демонстрируя, с какой скоростью должна атаковать конница. Чтобы увеличить быстроту передвижения своих эскадронов, он запретил использовать как огнестрельное оружие, так и защитное вооружение — латы и кирасы. Только шпага, только скорость, только мощь удара. Все это сочеталось с высочайшим боевым духом и строгой дисциплиной, которые поддерживались самим Карлом XII, являвшим пример



выносливости, аскетизма и несгибаемой воли. Солдаты всегда видели рядом своего короля и, как он, были готовы переносить голод, холод, усталость. В Уставе 1705 года, разработанном самим королем, ничего не говорилось, что делать при отступлении.

Это давало поразительный эффект на европейских полях сражений. Конница Карла XII атаковала вражескую пехоту, конницу, редуты с одинаковой мощью. Остановить ее, казалось, было невозможно. Но в Финляндии, где развернулись основные события войны после Полтавы, тактика Карла оказалась не применима в принципе, ибо отсутствовали пространства, где бы мог развернуться в «плугообразном» плотном строю хотя бы один эскадрон.

Организация и принципы комплектования шведской конницы были введены еще во времена Тридцатилетней войны (1618–1648 годы) королем Густавом II Адольфом и с некоторыми изменениями сохранились при Карле XII. Кавалерия подразделялась по трем видам комплектации — дворянская, поместная (или поселенная) и вербованная. Но дворянство всеми способами старалось избежать личной службы, и поэтому основная нагрузка ложилась на поместную кавалерию, положение о формировании которой было введено Карлом XI. В соответствии с этим положением все офицеры и солдаты должны были иметь жилище и кусок земли, позволяющий кормить себя и семью. Офицеры и унтер-офицеры получали землю из казны, а солдаты содержались за счет подданных королевства.

Каждый солдат получал от выставлявших его дворян или крестьян двор с домом, конюшней и амбаром, небольшим полем и лесным участком, а также продукты или денежное содержание. Это закреплялось контрактом между солдатом и землевладельцами. Кавалеристы получали также от землевладельцев одежду, снаряжение и лошадей, а от казны — оружие и жалованье.

При Карле XI в состав кавалерии входили: гвардейский полк (1505 человек), дворянский полк (421 человек), 5 конных полков (кирасирских) — Вестготландский, Остготландский, Смоландский, Нордшонский и Остшонский (по 1000 человек), Богусленский драгунский (1000 человек),

Иемтландский драгунский эскадрон (100 человек). В Финляндии были сформированы — Лейб-драгунский, Ньюландский и Карельский драгунские полки.

При Карле XI в армии была введена униформа. Подобные попытки замечены на протяжении всего XVII века, но успехом они не увенчались. За основу был опять принят французский мундир, образцы которого доставил в Стокгольм Нильс Биельке — командир конной лейб-гвардии. В 1680 году были утверждены разноцветные мундиры и треугольные шляпы. Однако в 1687 году король решил, что вся армия должна быть одета в форму одного голубого цвета, и так появился знаменитый каролинский солдат. Вначале обшлага рукавов были оранжево-красными, но очень скоро они стали желтыми. Таким образом, в мундире офицеров и солдат утвердился два национальных цвета — голубой и желтый. Такой же окраски были и шарфы. Кавалерия носила сапоги, а пехота — ботинки с чулками.

В качестве знаков отличия использовались горжеты. В регламенте 1688 года указывалось, что горжет капитана должен быть позолоченным, с покрытыми синей эмалью вензелем короля и короной над ним; фенрики (прапорщики) и лейтенанты носили посеребренные горжеты с позолоченным вензелем.

К решительному введению единой униформы Карла XI подвигла Сконская война с Данией и, в частности, битва при Лунде в 1676 году, когда датские и шведские полки были одеты в одну и ту же униформу. Для того чтобы как-то отличаться друг от друга, датчане надели белые нарукавные повязки, а шведы прикрепили к головным уборам пучки солом³⁷⁹.

Карл XII еще более увеличил кавалерию: гвардейский полк — до 1600 человек, дворянский — до 1000, Иемтландский эскадрон — до 200. Два новых полка и два эскадрона появились в Финляндии — Абосский и Выборгский полки, Иогенский и Скогский эскадроны. В 1699 году Карл XII обязал каждого третьего, четвертого и пятого крестьянина из обязанных выставлять всадника выставить вместе еще по одному всаднику; позднее он приказал возложить то же обязательство и на каждого второго крестьянина. Такие полки на-



зывались двух-, трех-, четырех- и пятилюдными. Всего их, по 1000 человек в каждом, было сформировано шесть в Финляндии и четыре в Швеции. Кроме того, все люди, находившиеся в обозе конного полка (один на четырех кавалеристов), были обучены военному делу и должны были при необходимости заменять убитых.

Кроме этих полков, при Карле XII существовали полки, набранные из различных сословий — дворянства, чиновников и даже духовенства. Известно о существовании пасторского драгунского полка.

В годы правления Карла XII была попытка создать легкую конницу — «волошей», некое подобие гусар, в основном польского происхождения.

В 1701 году численность шведской конницы составляла 25 686 человек. К 1708 году Карл XII имел уже 53 000 кавалеристов с учетом завербованных немцев и представителей других национальностей³⁸⁰.

Артиллерия

Карл XII использовал артиллерию против фортификационных сооружений, а также против войск, защищенных шанцами или иными укрытиями, но почти никогда в открытом бою. Он считал, что огневая мощь не компенсирует малую подвижность орудий во время наступления³⁸¹. Поражение шведских войск под Полтавой могло быть не столь значительным, если бы войска были поддержаны артиллерийским огнем, но, как мы помним, всю артиллерию Карл сосредоточил перед крепостью, а непосредственно в сражении шведы применили лишь четыре пушки, да и те были ограничены в стрельбе из-за нехватки пороха. В ряде других сражений Северной войны, например под Хельсингборгом и в особенности под Гадебушем, где Карл не принимал участия в руководстве войсками, шведы использовали артиллерию весьма эффективно.

Глава 20

Реформа русской армии

Царь Петр занялся созданием новой армии — армии, очень похожей на шведскую, — после поражения под Нарвой. «Воистину не гнев, но милость Божию исповедати должествуем: ибо ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в неискусстве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую бы беду после нас оно счастье вринуть могло, которое оных же шведов, уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых французы называли бичом немецким), под Полтавою так жестоко низринуло, что всю их максимум низ к верху обратило...»³⁸². Другими словами говоря: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» Именно такой урок вынес Петр Великий из нарвского поражения, с утроенной энергией взявшись после него за создание новой армии.

Все первые победы русской армии достигались лишь численным перевесом. Вспомним происшедшее после Нарвы сражение у Ряпиной мызы. Победа досталась русским после долгого боя и лишь благодаря огромному превосходству в силах — 11 000 против 600 шведов. А вот отряду Якова Римского-Корсакова с 3700 драгун не удалось сломить сопротивление шведского отряда в 1200 человек, оборонявшего мызу Ревга (Рыуге). Триста шведских кавалеристов обратили в бегство весь русский отряд.

Но затем следуют победы при Эрестфере и Гуммельсгофе. В последнем сражении шведы хотели отрезать авангард от основных сил. Полк Кропотова встретил врага артиллерийским огнем и клинками и отступил лишь через два часа, когда подошли основные силы шведов. Так, в боях, зарождалось у русских чувство чести мундира.

Самой яркой первой победой стала битва при Калише 18 октября 1708 года и, конечно, Полтавская виктория.

Разгромив шведов на равнинах Украины, русская кавалерия моментально перестроилась для ведения боевых действий на совершенно ином, финляндском театре. Если



в начале Северной войны русская конница почти не умела маневрировать, но отличалась большой стойкостью и мужеством в оборонительных боях, то война в Финляндии показала как раз ее великолепную выучку. Русские сполна использовали ее в самых разных качествах.

При Петре I были заложены основы наступательной стратегии армии. Следуя принципу «искать недруга в его земле», русское командование высаживало десанты и запуская кавалерию в продолжительные рейды на территорию противника. Применялись и такие приемы, как разгром врага по частям и использование летучих отрядов, в основном казачьих, которые наносили удары по тылам и коммуникациям противника.

Русское командование не боялось отступать от общепринятой в Европе того времени линейной тактики. В сражении у реки Пелкина войска действовали не по принципу фронтального столкновения, а нанесли с разных направлений два удара. «Больше побеждает разум и искусство, нежели множество!» — эти слова Петра, сказанные им в день Полтавской битвы, стали руководством к действию для многих русских военачальников в будущем. В Северную войну была создана регулярная русская армия. Она стала лучшей в Европе и надолго определила ход ее истории.

Петром Великим была основана конница нового типа, вписавшая множество ярких страниц в русскую военную историю.

В 1701 году сформированы драгунские полки князя Никиты Мещерского, Семена Кропотова, князя Ивана Львова, Мулина, Афанасия Астафьева, Новикова, Полуэктова, Дюмона, Михаила Жданова, Михаила Зыбина, Дениса Девгерина и Морелия (первоначально, как мы помним, полки назывались по именам командиров).

В 1702 году — князя Григория Волконского (Ярославский).

В 1703 году — Сухотина (Пермский), Горбова (Тверской).

В 1704 году — Портеса (Невский), Ингерманландский.

В 1705 году — Геринга, Путятин, Пестова, Монастырева (Вологодский, Ямбургский, Нарвский, Астраханский), Устюжский, Белозерский, Архангелогородский и Лейб-шквдрон.

В 1706 году — Павлова, Фастмана и Ростовский.

В 1707 году — Гешова (Санкт-Петербургский), Олонецкий и Каргопольский.

В 1708 году — Аракчеева и Гаврилы Кропотова (Новотроицкий и Тобольский), Рославльский шквадрон.

В 1709 году — драгунские гренадерские полки Андрея Кропотова, Рожнова, Роппа.

В 1711 году — Сибирский, Лейб-регимент, Шквадрон Санкт-Петербургской губернии.

Общая численность драгун вместе с гренадерами достигла к 1720 году 36 333 человек; численность пехоты — 57 965 человек.

Мы видим, что численность русской кавалерии в начале войны уступала шведской, но превзошла ее к концу войны. Тут следует принять в расчет еще и казачество, малороссийское и донское, входившее в состав русской конницы и сыгравшее далеко не последнюю роль в Северной войне.



Пехота

Переход к регулярной армии (1699—1705 годы) был переломным в истории русских вооруженных сил. К этому времени существовало всего четыре пехотных полка — Преображенский, Семеновский, Лефорта и Гордона. После 1699 года набирается 27 пехотных полков «изо всяких вольных людей», но позже, с 1702 года, прекращается набор войск из «вольницы», а производится лишь из даточных (дворовых) людей. Отличительной особенностью этого нового набора стало то, что он был не временным, а пожизненным. Так состоялся переход к рекрутской системе формирования армии.



К 1711 году состав пехоты был определен в 42 полка, из них два гвардейских, Преображенский и Семеновский, и пять гренадерских. Позже было сформировано еще 10 полков отдельного Низового корпуса. Всего пехоты по штату числилось 70 000 человек. Первые полки, образованные еще в 1699 году, состояли из двенадцати рот, сведенных в два батальона³⁸³. С 1704 года полк состоял из девяти рот: восьми фузилерных (мушкетерских) и одной гренадерской. С 1708 года в пехотный полк входило два батальона по четыре роты



в каждом; одна из восьми рот была гренадерской. Численность полка по штатам 1711 года была: 40 штаб- и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 1120 рядовых и 247 рядовых нестроевых. Каждая рота делилась на четыре плутонга (взвода), взвод состоял из двух капральств.

До 1708 года пехота имела на вооружении ружья с багинетами, вставлявшимися в канал ствола, но с 1706 года началось перевооружение армии ружьями со штыками. Помимо ружья пехотинец имел на вооружении шпагу, офицеры были вооружены дополнительно протазанами, а унтер-офицеры — алебардами.

Ружье имело калибр 0,78 дюйма, вес 14 фунтов и было снабжено ударно-кремниевым замком. Стрельба могла вестись примерно с расстояния в 300 шагов. Скорострельность равнялась одному-двум выстрелам в минуту.

Перед самой Полтавской битвой были созданы гренадерские полки, которые обладали большой огневой мощностью. Помимо ружей они имели на вооружении гранаты, а некоторые и ручные мортирицы. Если в пехотном полку было две легкие пушки и четыре мортиры, то число пушек в гренадерском полку доходило до двенадцати.

Каждая пехотная рота имела свое знамя, и знамя первой роты считалось полковым. Хотя знамена считались амуничными вещами (установлен был срок использования в пять лет), потеря их считалась позорной.

До 1708 года пехотные полки именовались также по фамилиям командиров — Гулица, Вилимма фон Дельдена, Ирика фон Вердена, Брюса, Гордона, Мевса, фон Трейдена, Крота, Польшмана, Бильса, фон Шведена, Буша, Юнгера, фон Дельдена, Иваницкого, Кулома, Шенбека, Меншикова, Скрипицына, Репнина, Ланга, Куликова, Ренцеля и т. д.³⁸⁴ Здесь специально приводятся фамилии командиров полков, чтобы было видно, в каком количестве привлекались на русскую службу иностранцы.

Обмундирование русского пехотинца состояло из длинного однобортного кафтана зеленого цвета по шведскому образцу, камзола, коротких штанов до колен, зеленых чулков и низких башмаков. Зимой надевалась епанча — род плаща.

Дисциплина была очень суровой: под арест сажали в окопах, телесные наказания применялись широко. Часто практиковалось разжалование.

При Петре вводится единая система обучения войск. Еще в 1698 году Адам Вейде, тогда майор Преображенского полка, представил Петру обстоятельный доклад, в котором разбирались вопросы армейской подготовки. Он подробно разобрал порядки, существовавшие в западноевропейских армиях, и дал их критическую оценку³⁸⁵. На основе «устава Вейде» было составлено Головиным и отпечатано в Москве в ноябре 1700 года «Краткое обыкновенное учение»³⁸⁶. Самое непосредственное участие в его разработке принял Петр I. С годами устав совершенствовался, затем появилось «Краткое положение при учении конно-драгунским строем». В 1708 году Петр I написал одну из лучших своих военно-теоретических работ «Учреждение к бою по настоящему времени»³⁸⁷. И наконец 30 марта 1716 года принимается первый официальный «Устав воинский о экзерции, о приуготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов», а вместе с ним и «Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами»³⁸⁸.

Согласно ему, войска для боя выстраивались в линейный боевой порядок: пехота в две линии, каждая в четырехшеренжном строю (до этого строились в шесть шеренг), артиллерия впереди, по возможности на высоких местах или в редутах, конница на флангах, в третьей линии — резерв. Стрельба велась залпами: шеренгами, взводами. Стрельба «падением» — «нидерфаллен», когда первые пять шеренг становились на колени, стреляла шестая шеренга, затем поднималась и стреляла пятая и т. д., была заменена на стрельбу по шведскому образцу.

В связи с тем, что самой слабой стороной линейного боевого порядка были его фланги, их стали усиливать гренадерами, располагавшимися между основными линиями.

Артиллерия

Петр I придавал исключительное значение артиллерии. При нем пушки получили конные полки; таким образом, русский



царь почти на полстолетия опередил короля Пруссии Фридриха II в создании конно-артиллерийских частей.

После Нарвского поражения русская армия лишилась всей артиллерии, но за два года было отлито 368 орудий разных типов, хотя и пришлось для этого снимать церковные колокола³⁸⁹; из них было 175 пушек мелкого калибра, которые составили полковую артиллерию.

В 1701 году был создан артиллерийский полк. По штату 1712 года в полку значились одна рота бомбардирская, четыре — канонирские, инженерная минная, а также инженерно-понтонная команда.

Организационная структура

Русская армия делилась на дивизии и бригады. Состав их менялся в зависимости от обстановки. Постоянную организацию имели только полки. С 1711 года полки были расписаны по губерниям и содержались за счет этих губерний или городов с уездами. Каждый полк имел свой округ формирования — провинцию, давшую полку свое имя. Таким образом, наименования полков по фамилиям командиров отошли в прошлое.

К 1714 году в результате постепенной реорганизации управление войсками перешло в ведение трех учреждений: военной канцелярии, комиссариата и артиллерийской канцелярии; позднее, к 1720 году, появляется Военная коллегия — как единый орган центрального управления. Первым президентом Военной коллегии стал А. Д. Меншиков.

Во время военных действий во главе армии стоял генерал-фельдмаршал, пользовавшийся единовластными правами. При нем создавался штаб во главе с генерал-квартирмейстером, который с подчиненными ему офицерами изучал местность, составлял диспозицию похода, определял порядок размещения войск в лагерьях и на постое. Кроме того, на него возлагалась обязанность вести журнал военных действий. Преобразовывались постепенно и другие учреждения, связанные с организационным устройством армии, — от медицинских («больнишные избы»³⁹⁰) до военно-судебных и полицейских.

Надо отметить, что в первый период Северной войны, после поражения под Нарвой, Петр действовал в высшей степени осмотрительно. Это нашло отражение и в уставах, где красной нитью проходит мысль о постоянном взаимодействии родов оружия — «секундирования единого другим». Качество шведской армии высоко, и Петр замечает главную причину тактического превосходства шведов в полевом бою — их «сомкнутость». Этому он противопоставляет полевую фортификацию. Петровская пехота пользуется лопатами и топорами не реже, чем ружьями, и, становясь лагерем, немедленно обносит его шанцами. О полтавские редуты и разбилась шведская сомкнутость.

Важнейшую роль в победах Петра, как отмечает шведский историк, сыграло «успешное заимствование русскими боевой тактики, принятой в каролинской пехоте. Динамичность ведения боя была дополнена значительным перевесом русской пехоты. Война с Россией была проиграна еще до Полтавы»³⁹¹.



Заключение

Можно спорить о многом... Сравнить полководческие таланты Петра I и Карла XII — ключевых фигур русской и шведской истории, их моральные качества, религиозность, фанатизм, пытаться понять, что произошло со шведским королем после Полтавы. Задаться вопросом — почему, вернувшись назад после стольких лет отсутствия в Швеции, Карл XII будто перестал замечать русских, завоевывавших пядь за пядью принадлежавшую шведам Финляндию, и отправился воевать с датчанами. Но это все уже будет из области, скорее, психологии или психиатрии, а не истории. История же предпочитает факты, и ее задача не морализм, а понимание и осмысление уроков прошлого. Полтава стала не просто сражением, войсковой операцией — удачной для одних, неудачной для других. Полтава стала символом — рассвета для Российской империи и заката Шведского королевства³⁹².



Короли Швеции, начиная с Густава II Адольфа, сузили Швецию до ее современных границ. Но, как говорится, нет лиха без добра — Швеция, пройдя через испытания, вынесла правильный урок и стала нейтральной страной, сохранив, таким образом, место гаранта мира в регионе. Ни в Крымскую, ни в одну из последующих войн, включая обе мировые, втянуть шведов не удалось, хотя желающих сделать это было немало.

Говоря о Великой Северной войне, мы должны отдать должное стойкости, мужеству и храбрости как наших бывших противников, так и русского солдата. Как сказал генерал французской и русской армий барон Жomini: «Горе тому государству, где алчные герои кошелька ценятся более, чем мундир храброго, который жертвует своей жизнью, здоровьем и имуществом в защиту Отечества!»



- ¹ В 1686 году вышел новый закон о церкви, в силу которого духовенство было полностью подчинено государству, введены новый катехизис, новый служебник и молитвенник. См.: *Jutikkala, Pirinen*. S. 187–198.
- ² В 1650 году для содержания многочисленной армии был проведен через риксдаг закон о редукации, то есть о пересмотре всего землепользования в стране для наделения за счет казны офицеров и унтер-офицеров земельными участками. Говоря современным языком, началась национализация земли, и с дворян потребовали документального подтверждения их прав на землевладения. Основной удар был направлен по крупной аристократии, так как поместья, приносящие свыше 600 талеров в год дохода и переданные из казны после 1604 года, с момента коронации Карла IX подлежали возврату. Редукция дала государству капитал с ежегодным доходом в 2,5 млн талеров; она же положила конец зависимости крестьян от дворянства.
- ³ *Григорьев*. С. 41–42.
- ⁴ Госсовет одновременно выполнял функции высшей судебной инстанции страны. *Григорьев*. С. 49.
- ⁵ *Там же*. С. 59.
- ⁶ *Уредссон*. С. 59.
- ⁷ *Анисимов Е.* Петр Великий // *Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы*. М., 1999. С. 9–10.
- ⁸ Архив князя Куракина. С. 71.
- ⁹ *Записки Желябужского...* С. 39–40.
- ¹⁰ *Устрялов*. Т. III. С. 192–194.
- ¹¹ *Соловьев*. История России... Т. XIV. С. 1204.

- ¹² Паррезия (*греч.*) — прямодушие, откровенность, искренность в речах.
- ¹³ *Живов. С. 194.*
- ¹⁴ *Введенский.*
- ¹⁵ *Богословский М. М. Т. III. С. 13—14.*
- ¹⁶ *Анисимов Е. Петр Великий. С. 14*
- ¹⁷ Фредерик I, герцог Голштинии, вступил на датский престол в 1523 году.
- ¹⁸ Карл IX был женат на Кристине Голштейн-Готторпской и имел от нее сына Густава II Адольфа — выдающегося полководца и реформатора.
- ¹⁹ Этот заклад не будет давать покоя шведам практически на протяжении всего XVIII века. Порты, а значит, и их таможенные сборы отойдут к России, а голландские купцы будут требовать возврата денег у Швеции.
- ²⁰ *Масловский. С. 74.*
- ²¹ Внешняя и внутренняя линии — одна обращена к осажденной крепости, другая защищает от возможной деблокады.
- ²² Численность шведского войска называется разная: биограф короля Карла XII Ф. Г. Бенгтссон приводит цифру 10 500 человек, А. А. Строков — 23 000—25 000 человек, исходя из того, что Карл XII имел 21 батальон пехоты, 47 эскадронов конницы и 38 пушек; батальон пехоты состоял из приблизительно 600 человек, следовательно, цифра 10 500 говорит о численности лишь пехоты.
- ²³ Второй драгунский полк Ефима Шневенца входил в состав конницы Шереметева и был разгромлен.
- ²⁴ *Уредссон. С. 48*
- ²⁵ *Korkiakangas O. Kaarle XII:n kenttäarmeijan huolto sotaretkillä. Vuosina 1700—1701. mannereurooppalaisten huoltojärjestelmien näkökulmasta. Helsinki. 1974. S. 323—332, 347—348.*
- ²⁶ *Wennerholm J. B. R. Karl XII och Lanchester — ett bidrad till frågan om den Karolinska armens effektivitet under Stora nordiska kriget // Kungl. Krigsvetenskapsakademiens handlingar och tidskrift. 1998. No. 5. S. 91—104.*
- ²⁷ *Артамонов. Боевой дух... С. 151—152.*
- ²⁸ Там же. С. 151.
- ²⁹ ПСЗРИ. Т. IV. № 1820 С. 92—93.
- ³⁰ Сам праздник падает на 14 (27) сентября, но празднуется целую неделю — с 13 (26) сентября по 21 сентября (4 октября).

- ³¹ Летопись Самовидца о войнах... С. 163; Л. Мельник пишет, что три полка должны были составить авангард; позднее было решено, что Полтавский полк уйдет один, а Киевский и Нежинский двинутся вслед за ним, собрав дополнительные силы. (*Мельник*. С. 107–109).
- ³² *Бантыш-Каменский*. История Малой России. Ч. II. С. 564.
- ³³ *Волынский*. С. 1–2.
- ³⁴ *Альбовский*. С. 101–102.
- ³⁵ ПСЗРИ. Т. IV, № 1771. Согласно «Росписи...» на 1681 год, численность слободских полков составляла 14 566 человек. Но напомню, что полк еще был и территориальной единицей, а причисленные к казачьему сословию разделялись на непосредственно несущих службу (выборных, сотенных, реестровых, ранговых и т. д.) и прочих — «подпомощников», «подсоседков» и т. д., которые обеспечивали первых. Из-за этого общая численность отдельно взятого полка иногда выглядит чересчур внушительно, «боевая» же намного меньше. Помимо определенных грамотой от 28 февраля 1700 года 3470 человек сюда следует добавить старшину, пушкаррей, писарей и т. д. Например, по Харьковскому полку еще 161 человек на 850 казаков. Таким образом, можно говорить о 3500–4000 слободских казаков.
- ³⁶ Летопись Самовидца о войнах... С. 164–165.
- ³⁷ Нейгаузен (в русск. летописях — Новгородок Ливонский) — совр. поселок Ватселиина неподалеку от Тарту, Эстония.
- ³⁸ Скорее всего имеется в виду рейд генерал-майора Магнуса Стенбока с 600 кавалеристами, который удалился, обнаружив большое количество войск, в том числе и казачьих (*Григорьев*. С. 115).
- ³⁹ Мариенбург — совр. Алуксне, Латвия; Сыренск (Сыренец) — рыцарский замок Васнарва (*нем.* Нейшлосс), деревня Васнарва в обл. Ида-Вирумаа, Эстония (*Мельник*. С. 107–109).
- ⁴⁰ Мать Мазепы Мария был из рода Мокиевских.
- ⁴¹ *Бантыш-Каменский*. Источники малороссийской истории. С. 29.
- ⁴² К. Мокиевский был полковником с 1691 года, а И. Обидовский с 1698-го.
- ⁴³ *Бантыш-Каменский*. Источники малороссийской истории. С. 29.
- ⁴⁴ Константин Мокиевский всегда отличался сварливостью характера и невыдержанностью в речах. Казаки хотели сместить его с полковничьего уряда еще в 1696 году, обвинив его в принадлежности к польской шляхте, после чего Мазепа напра-

вил Мокиевского с гадяцким полковником М. Боруховичем в Москву, дабы там убедились в лживости доноса. В Посольском приказе между Боруховичем и Мокиевским произошла ссора. Борухович кричал Мокиевскому: «Ты шляхтич, а не казак!», а Мокиевский отвечал: «Если я шляхтич, то ты перекрист, жидовский сын!..»

- ⁴⁵ На театре военных действий остался черниговский полковник Ефим Лизогуб с небольшим количеством своих казаков и двумя охотничьими полками. Они отражали нападение шведов под Печерским монастырем, где якобы казаком Свиридом Перебенди был убит некий шведский генерал, что является вымыслом. Согласно шведским источникам, в начале 1701 года к Печорам были осуществлены рейды: неудачный — полковника В. Шлиппенбаха и, напротив, удачный для шведов — генерал-майора Якоба Спенса (*Григорьев*. С. 115). В 1702 году Ефим Лизогуб действовал в Ингерманландии (*Павленко*. С. 95).
- ⁴⁶ *Летопись Самовидца о войнах...* С. 165–166. Охочеконные (охочеконные) казаки — разновидность нерегулярного войска, которое, в противоположность постоянным, реестровым или сечевым казакам, формировалось в случае войны из числа обычного населения.
- ⁴⁷ *Червинский*. С. 14.
- ⁴⁸ *Там же*. С. 14.
- ⁴⁹ *Кирпичников*. Крепости... С. 473.
- ⁵⁰ В. А. Артамонов называет численность войск Б. П. Шереметева — 17 539 человек; потери шведов он оценивает в 2000. — См.: *Боевой дух...* С. 154.
- ⁵¹ *Летопись Самовидца о войнах...* С. 166–167; *Летопись Самовидца по новооткрытым спискам*. С. 299; *Альбовский*. С. 102; *Михайленко*. С. 6
- ⁵² *Желябужский И. А.* Дневные записи // *Рождение империи*. М., 1997. С. 330.
- ⁵³ *Письма и бумаги Петра Великого*. Т. II. С. 11.
- ⁵⁴ *Там же*. С. 13.
- ⁵⁵ Действия казаков во время Северной войны подробно рассмотрены автором в монографиях: *Шкваров А. Г.* По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008; *Северная война (1700–1721 гг.): Донское казачество на прибалтийском театре*. Хельсинки, 2008; *Казачество эпохи Петра Великого*. Хельсинки — СПб., 2012.

- ⁵⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 181 (Валдайский Иверский монастырь). Оп. 1. Д. 6146. Л. 7.
- ⁵⁷ Шустов. С. 7.
- ⁵⁸ Канцы — шведский Ниеншанц, будущий Санкт-Петербург.
- ⁵⁹ Письма к государю императору Петру Великому... Ч. I. С. 265.
- ⁶⁰ РГАДА Ф. 243. Д. 21. Л. 145; Информационная полнотекстовая система «Боярские списки 1706–1710 гг.».
- ⁶¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. II. Прим. к № 448. С. 393. Прим. к № 444. С. 389–390.
- ⁶² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1 Д. 894. Л. 1–8.
- ⁶³ Шлотбург (*нидерл.* Slotburg — «замок-город», то есть замок, открывающий дверь в Балтику) — название, первоначально данное царем Петром I взятому Ниеншанцу (по-русски Канец, Шанец, Канцы и т. д.); в 1703–1704 годах иногда использовалось для обозначения всех поселений истроек вниз от него по Неве. Заложенную на Заячьем острове крепость уже именовали Санкт-Петербург.
- ⁶⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. II. С. 166.
- ⁶⁵ Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. С. 71.
- ⁶⁶ Письма и бумаги Петра Великого. Т. II. Прим. к № 532. С. 555.
- ⁶⁷ В полку уфимского воеводы С. П. Бахметева было 200 стрельцов и городовых казаков, а также 1000 башкир.
- ⁶⁸ Ефим Лизогуб после столь трудного похода вернулся в Чернигов и скончался 30 мая 1703 года. — Летопись или описание краткое... С. 42–44.
- ⁶⁹ Масловский. С. 5.
- ⁷⁰ 127 орудий в 1703 году. См.: *Кирпичников*. Древний Орешек. С. 116–118.
- ⁷¹ В 1930 году был установлен крест на месте братской могилы. Ныне деревня, располагавшаяся неподалеку от озера Ликолампи (совр. Котовское), не существует. — См.: *Балашов Е. А.* Карельский перешеек — земля неизведанная. Ч. 1. 2005. С. 212.
- ⁷² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 894. Л. 1–8.
- ⁷³ Предстояло выполнить огромный объем работ. Накануне Северной войны знаменитый шведский фортификатор Дальберг объезжал все крепости Ингерманландии и в отношении укреплений Ямбурга высказался самым нелестным образом, посоветовав королю их вовсе срыть и не считать более Ямбург крепостью.
- ⁷⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. II. С. 176.
- ⁷⁵ Там же.

- ⁷⁶ *Базарова*. Русские войска и местное население Ингерманландии... С. 251.
- ⁷⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Д. 96. Л. 1 об. — 2 об. Ф. 276. Оп. 1. Д. 108. Л. 20–21.
- ⁷⁸ РГАДА. Фонд 199. Оп. 1. Д. 4. Л. 12. — Из журнала Шереметева. В «Журнале Петра Великого» сказано: погибших 317, раненных — 400.
- ⁷⁹ История Свейской войны... С. 247.
- ⁸⁰ *Андреева Е. А.* Судьба шведских гарнизонов в Ингерманландии и Карелии в 1702–1710 гг. / Материалы международной научной конференции (СПб., 2008). С. 277
- ⁸¹ *Бородкин*. С. 65.
- ⁸² Письма и бумаги Петра Великого. Т. IV. С. 481–483.
- ⁸³ Архив Военно-исторического Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 787; Д. 10. Л. 188–192; Д. 32. Л. 235; Д. 48. Л. 396–400.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 32. Л. 235.
- ⁸⁵ Ренне, Карл Эвальд, барон. Родом из Курляндии, в 1702 году перешел на русскую службу полковником и был первым комендантом Петербурга; в 1704 году за отличие под Нарвой произведен в генерал-майоры, за взятие Митавы — в генерал-поручики; в Полтавском сражении тяжело ранен и награжден чином генерал-аншефа; в 1710 году содействовал взятию Риги, в 1711-м — Ибраилова, за что получил орден Андрея Первозванного; умер в 1716 году.
- ⁸⁶ До этого Речь Посполитая старалась представить войну как конфликт со Швецией Саксонии, но не Польши.
- ⁸⁷ У Михаила Халецкого было 6000 человек.
- ⁸⁸ *Эварницкий Д. И.* Источники... Т. 1. С. 944.
- ⁸⁹ Там же. С. 947.
- ⁹⁰ *Павленко*. С. 56–57.
- ⁹¹ *Григорьев*. С. 186.
- ⁹² Огилви, Георг Бенедикт, барон. Родом из Шотландии, австрийский фельдмаршал, вступил в русскую службу тем же чином в 1704 году, 9 августа овладел Нарвой, в 1706 году сидел в Гродно и вывел русские войска из обложенного города. В военных делах оказался крайне легкомысленным и неосновательным. О нем Петр писал в 1709 году: «...воистину легко писать и указывать, а самому не делать». Поручая русскому послу при цесарском дворе пригласить в Россию двух генералов, Петр требовал,

- «чтобы они были искусные, добрые и надежные люди, а не такие, каков наш фельдмаршал Огилви». В 1709 году Огилви был уволен от русской службы.
- ⁹³ Местечко близ Белостока, приблизительно в 100 километрах юго-западнее Гродно.
- ⁹⁴ *Масловский*. С. 96–100.
- ⁹⁵ 20 февраля 1705 года последовал знаменитый указ Петра о первом в России рекрутском наборе (ПСЗРИ. Т. IV, № 2065), но он касался лишь пехоты; кавалерия пополнялась в соответствии с более поздним указом от 14 ноября 1705 года: «Для нынешней службы взять с помещиков и вотчинников с 80 дворов по даточному конному, одежному с лошадью и с ружьем и приводить их в приказ военных дел».
- ⁹⁶ Местом ссылки белых и наказанных солдат был в основном Петербург, где они использовались на строительных работах.
- ⁹⁷ Ныне Вшов, в 90 километрах к северо-западу от Вроцлава.
- ⁹⁸ С. Уредссон называет несколько другие цифры: 10 200 шведов против 18 000 саксонцев и русских; количество пленных — 7600 человек.
- ⁹⁹ *Уредссон*. С. 50–51.
- ¹⁰⁰ *Lyth J. M., Löjtnant J. M.* S. 45; *Zechlin H.* Die Schlacht bei Fraustadt. Posen. 1896. S. 29, 268.
- ¹⁰¹ Письмо от 17 февраля 1706 года.
- ¹⁰² Письмо от 26 февраля 1706 года.
- ¹⁰³ Письмо от 15 марта 1706 года.
- ¹⁰⁴ Курпы — субэтническая группа в Польше.
- ¹⁰⁵ Ярославский драгунский полк (полк князя Григория Волконского).
- ¹⁰⁶ Русские мост за собой разрушили, а шведы смогли восстановить свой лишь к 3 апреля, когда русская армия уже подходила к Бресту.
- ¹⁰⁷ По шведским данным, Ляховичи осаждал двухтысячный отряд полковника Кройца; защищались в крепости 1500 казаков Переяславского полка. Оставив небольшое число людей продолжать осаду, Кройц с основными силами двинулся навстречу отряду Неплюева — Апостола, шедшего на помощь осажденным (*Григорьев*. С. 198).
- ¹⁰⁸ *Бантыш-Каменский*. История Малой России. Ч. II. С. 368.
- ¹⁰⁹ Об отказе на челобитную Миновичей // Сенатский архив. СПб., 1910. Т. XIV. С. 189. Единственное, что следует отметить, так

это согласие Меншикова после победы при Калише 18 октября 1706 года на предложение Августа II, уже заключившего со шведами тайный сепаратный мир, передать ему шведских пленных офицеров с тем, чтобы король договорился с обменом их на русских, находящихся в плену в Швеции (*Артамонов. Победа генерала А. Д. Меншикова...* С. 273). Неизвестно, подразумевался ли возврат в таком случае переяславского полковника И. Мировича, но весьма сомнительно, чтобы Меншиков помнил о нем; и без малороссийских полковников достаточное количество высокопоставленных русских офицеров находилось в плену еще с Нарвского поражения.

- ¹¹⁰ Собственно драгун было 8756 человек; остальные — иррегулярная конница — казаки и калмыки.
- ¹¹¹ Мардефельд, Арвид Аксель (1660—1708), барон. С 17 лет в королевской гвардии, в 1697 году полковник Сюдерманландского полка, участвовал в шести сражениях в Западной Европе и Польше, под Фрауштадтом командовал центром шведской армии, в январе 1706 года был произведен в генералы. — См.: *Lewenhaupt. S. 439.*
- ¹¹² *Артамонов В. А. Победа генерала А. Д. Меншикова...* С. 267.
- ¹¹³ *Mardefelt A. A. Arvid Axel Mardefelts berättelse // KKD. Lund., 1913. Т. 8. S. 96.*
- ¹¹⁴ *Артамонов В. А. Победа генерала А. Д. Меншикова...* С. 266.
- ¹¹⁵ А. Д. Меншиков — Петру I 26 сентября 1706 г. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1706. Д. 9. Л. 24.
- ¹¹⁶ *Артамонов В. А. Победа генерала А. Д. Меншикова...* С. 272.
- ¹¹⁷ Еще во времена Густава II Адольфа было подсчитано, что армии в среднем на 24 часа необходимо было 3 тонны мяса, 6 тонн хлеба и 17 000 литров пива — воду в шведской армии традиционно употреблять не рекомендовалось во избежание заболеваний.
- ¹¹⁸ Генерал Людвиг Алларт был возвращен из шведского плена в обмен на Арвида Горна.
- ¹¹⁹ Волконского, Шомбурха, Мурзенко, Монастырева и Гагарина под началом генерала Шомбурха. — *Волынский. С. 57.*
- ¹²⁰ Князь Григорий Волконский лишь номинально числился командиром драгунского полка; он постоянно находился в городе Козлове, где был воеводой, и присоединился к полку лишь накануне Полтавы.

- ¹²¹ Иногда в документах того времени встречается наименование «дивизии», что связано с неустановившейся терминологией. — См.: *Мышлаевский*. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 7.
- ¹²² *Масловский*. С. 115.
- ¹²³ Фактически скорость движения Левенгаупта составляла 6–8 километров в день. 600 километров пути от Лифляндии до Приднепровья заняли 2,5 месяца. См.: *Артамонов*. «Gloriosa Victoria». С. 36.
- ¹²⁴ *Масловский*. С. 122–124.
- ¹²⁵ Могилев был сожжен 10 сентября во время рейда 300 драгун и 500 казаков из корпуса Р. Х. Боура.
- ¹²⁶ ПСЗРИ. Т. IV, № 2155. С. 383–384.
- ¹²⁷ Из письма Петра I адмиралу Ф. М. Апраксину от 16 сентября 1708 года.
- ¹²⁸ Крошечный эпизод, но достойный внимания. Шведы в отличие от русских, поляков и тем паче украинских казаков, относились к евреям совершенно спокойно, без предубеждений. По этой причине евреи охотно помогали шведам, а впоследствии оказывали и значительную финансовую поддержку самому Карлу XII во время его пребывания в Турции. С ним же они проникли и в Швецию — надо же было получить долги с короля. До этого времени евреев в Швеции не было вовсе.
- ¹²⁹ *Артамонов*. «Gloriosa Victoria». С. 36.
- ¹³⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. VIII. Вып. I. С. 168.
- ¹³¹ *Артамонов*. «Gloriosa Victoria». С. 40–42.
- ¹³² *Konovaltjuk P., Lyth E.* Vägen till Poltava. Slaget vid Lesnaja 1708. Borgå. WS Bookwell Oy. 2009. S. 148, 155–156, 234.
- ¹³³ Считается, что такой совет ему дал разжалованный в рядовые за неудачу под Головчиным князь Репнин, который также стоял в строю. В любом случае это первый пример использования заградительных отрядов. О каких казаках идет речь, сказать весьма сложно. Известно лишь, что в корпусе Боура был Чугуевский казачий полк (500 человек).
- ¹³⁴ Шведская миля во время Северной войны равнялась 10688 метрам.
- ¹³⁵ *Харузин*. С. 79–83.
- ¹³⁶ Самойлович, как и запорожцы, был обвинен в пособничестве татарам, выразившемся в поджоге степи и мостов с целью отло-

- житься от Москвы. Этого было вполне достаточно, чтобы оправдать неудачный поход В. Голицына.
- ¹³⁷ *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. Т. III. С. 354
- ¹³⁸ Хотя подписи Мазепы под старшинской челобитной на злоупотребления Самойловича не было, его причастность к этому для многих казаков была очевидна.
- ¹³⁹ Грамота от 13 августа 1695 г. — РГАДА. Ф. 79. Оп. 1, № 24. Л. 1597–1598.
- ¹⁴⁰ Еще при короле Польше Яне Собеском с Мазепой пытались вести переговоры о его переходе под польскую корону через львовского православного епископа Иосифа Шумлянского. Мазепа сообщил об этом Петру, однако без упоминания имени православного иерарха. — *Костомаров.* Мазепа. С. 561.
- ¹⁴¹ *Живов.* С. 243–244.
- ¹⁴² *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. Т. III. С. 291.
- ¹⁴³ *Широкоград.* Северные войны России. С. 175–176.
- ¹⁴⁴ *Алмазов.* Мы казачьего рода. С. 499.
- ¹⁴⁵ Сын генерального судьи Василия Чуйкевича — Семен, женившийся на Матрене Кочубей, рассказывал, что Мазепа был против этой свадьбы, и он якобы даже пострадал от гетмана как зять обвиненного Кочубея, что вызывает определенные сомнения. Вряд ли Мазепа стал преследовать Семена, сына своего генерального судьи, накануне совместного ухода к шведам. Кстати, отец Семена после Полтавы принес повинную Петру и был отправлен в ссылку. Бантыш-Каменский сообщает, что сам Кочубей собирался выдать дочь за Семена Чуйкевича, поэтому в любом случае Мазепа исполнил его волю. — *Бантыш-Каменский* История Малой России. Ч. III. С. 67–68.
- ¹⁴⁶ Цифру в 2000 человек называет Б. Н. Григорьев, опираясь на шведские источники. — *Григорьев.* С. 276–277.
- ¹⁴⁷ Все три полковника возвратились назад — первым Апостол (1708 год), вторым Зеленский (1709 год), третьим Горленко (1714 год). Из них серьезно наказан был лишь Зеленский — ссылкой в Сибирь, Горленко был поселен в Москве, а Апостол стал впоследствии гетманом.
- ¹⁴⁸ Галаган перешел на сторону Петра I и, как мы знаем, участвовал в разгроме Запорожской Сечи, впоследствии командовал Прилуцким полком. Малама сдался вместе с полком после Полтавы, откуда вместе с полком был направлен в Лифляндию; он участвовал во взятии Риги и Ревеля в 1710 году. Покотило и Кожухов-

ский также сдались после Полтавы и были отправлены в ссылку в Архангельск. Ни один из семи полковников, следовавших за Мазепой, не был казнен!

¹⁴⁹ *Павленко*. С. 338.

¹⁵⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. VIII. Ч. II. С. 864.

¹⁵¹ Жива осталась и вдова казненного Кочубея — Любовь, содержавшаяся в Батурине. Это еще одно подтверждение того, что поголовного истребления жителей города не было.

¹⁵² *Лазаревский*. Исторический очерк Батурина... С. 111—115.

¹⁵³ То есть выходцы с Правобережья, с польских земель.

¹⁵⁴ *Соловьев*. История России... Т. XIV С. 597—598.

¹⁵⁵ *Лазаревский*. Исторический очерк Батурина... С. 112.

¹⁵⁶ Московські статті гетьмана Івана Мазепи. В Український археографічний щорічник. Нова серія, Вип. 10—11; Український археографічний збірник. Том 13/14. Київ, 2006. С. 453—455.

¹⁵⁷ Грамота о проклятии и отлучении Мазепы была развешена по всем церквам Украины.

¹⁵⁸ *Василик*. С. 64—65.

¹⁵⁹ *Миней*. С. 394.

¹⁶⁰ Несомненно, здесь присутствует и выпад Лопатинского против Прокоповича, автора трагикомедии «Владимир» (1705 год), где восхвалялся Мазепа, хотя Прокопович первым публично назвал Мазепу Иудой после измены и присутствовал в Глухове при предании гетмана анафеме.

¹⁶¹ *Василик*. С. 70—72.

¹⁶² *Чухлиб*. В приводимых далее цитатах из статьи Т. Чухлиба устранены несогласования грамматических форм и внесены исправления в соответствии с правилами орфографии и пунктуации русского языка.

¹⁶³ Повторение истории с Б. Хмельницким и его «договором». См.: *Таирова-Яковлева*. Мазепа; *Яковлева*. Мазепа — гетман: в поисках исторической справедливости.

¹⁶⁴ Даже вольные донские казаки себя называли «холопами» еще до 1671 года.

¹⁶⁵ Матеріали з Стокгольмського архіву до історії України к. XVII — поч. XVIII. Український археографічний збірник. Т. III. Київ, 1930. С. 28—29

¹⁶⁶ Письма и бумаги Петра Великого. Т. VI. № 2067. С. 158.

¹⁶⁷ *Там же*. Т. VII. Вып. 2. С. 709, 715, 772.

¹⁶⁸ *Величко*. С. 49.

- ¹⁶⁹ Письмо Орлика Яворскому // Основа. Южно-русский литературно-ученый вестник. Лето 1862. С. 162.
- ¹⁷⁰ Документы того времени пестрят упоминаниями дукатов, левов, золотых, ефимков, рублей и т. д.
- ¹⁷¹ Чехи чеканили на монетном дворе в Севске, на аверсе изображался русский двуглавый орел с тремя коронами и надпись, содержащая начальные буквы титулов и имена царей Петра и Ивана, на реверсе обозначались дата и место чеканки — Севск. Монеты вышли плохого качества по сравнению с польскими — «слишком гладкие и потому негодные», как заявляли запорожцы.
- ¹⁷² *Бантыш-Каменский*. История Малой России. Т. III. С. 224.
- ¹⁷³ В 1699 году на него был отправлен донос от старшин Забелина (Забилы) и Солонины. Их выдали гетману, судили, но, проявив милосердие, оставили в живых (*Бантыш-Каменский*. Источники малороссийской истории. С. 23–24).
- ¹⁷⁴ *Антонович*. Содержание актов о козаках...
- ¹⁷⁵ *Грушевский*. Иллюстрированная история Украины. С. 371.
- ¹⁷⁶ Имеется в виду, что каждый пятый казак в слободских полках записывался в драгуны, из них формировался отдельный драгунский полк, подчиненный начальнику Украинской дивизии.
- ¹⁷⁷ Военная энциклопедия. Т. XIII. СПб., 1913. С. 83–84.
- ¹⁷⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. VI. С. 44, 287–289.
- ¹⁷⁹ *Там же*. Т. VII. С. 697–698.
- ¹⁸⁰ *Бантыш-Каменский*. Источники малороссийской истории. С. 56–57.
- ¹⁸¹ Архив Министерства иностранных дел. Мал. подл. акты, 1694, св. 10, № 1005–990.
- ¹⁸² ПСЗРИ. Т. IV, № 2155. С. 383–384.
- ¹⁸³ *Масловский*. С. 114.
- ¹⁸⁴ Международная конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него» 1948 г. — БЭС. М. — СПб., 1998. С. 263.
- ¹⁸⁵ Семьи Бутович, Гамалия, Герцик, Ломиковские, Максимович, Мирович. Децимация была применена, например, судьей Полтавского полка П. Кованько по отношению к жителям и казакам слободского полкового местечка Водолаги в 1710 году, перешедших на сторону крымского хана, остальные вместе с семьями были отправлены в ссылку (*Альбовский*. С. 108–109).
- ¹⁸⁶ *Григорьев*. С. 283–284.
- ¹⁸⁷ *Там же*. С. 285–287.

- ¹⁸⁸ Там же. С. 287.
- ¹⁸⁹ Последствия разгрома русскими Запорожской Сечи.
- ¹⁹⁰ *Возгрин*. Военно-политический конфликт... С. 58–59.
- ¹⁹¹ Игнатовцы (некрасовцы) — донские казаки, которые после подавления Булавинского восстания ушли с Дона в сентябре 1708 года. Получили название в честь своего предводителя Игната Некрасова.
- ¹⁹² 5500 рублей золотом и соболей на 10 000 рублей.
- ¹⁹³ *Возгрин*. Военно-политический конфликт... С. 60.
- ¹⁹⁴ Себастьян Ле Претр, маркиз де Вобан (1633—1707) — военный инженер, выдающийся строитель крепостей, маршал Франции.
- ¹⁹⁵ *Червинский*. С. 41.
- ¹⁹⁶ *Григорьев*. С. 292.
- ¹⁹⁷ Русский архив. № 1. 1871. С. 187.
- ¹⁹⁸ *Кротов*. Воспоминания Константена де Турвиля... С. 130.
- ¹⁹⁹ *Кротов П. А.* «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой (К изучению инженерно-фортификационного обеспечения баталии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005. С. 92–93.
- ²⁰⁰ *Васильев А. А.* О составе русской и шведской армий... С. 63.
- ²⁰¹ *Кротов П. А.* Полководческое искусство Петра I и А. Д. Меншикова в Полтавской битве (к 300-летию Полтавской победы) // Меншиковские чтения — 2007. СПб., 2007. С. 62–68.
- ²⁰² *Алларт Л. Н.* Историческое описание Северной войны. — РГАДА. Кабинет Петра Великого. Отд. 1. Кн. 13. Л. 63 об.
- ²⁰³ Реншельд взят в плен драгунами Архангелогородского полка.
- ²⁰⁴ Граф Пипер, находившийся во время сражения возле Полтавы, сдался в плен коменданту крепости Келину вместе со своими секретарями Хермелином и Седерхельмом и 93 солдатами.
- ²⁰⁵ *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. Т. III. С. 347.
- ²⁰⁶ *Малама*. С. 4.
- ²⁰⁷ *Костомаров*. Мазепа. С. 313.
- ²⁰⁸ *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. Т. III. С. 348.
- ²⁰⁹ *Вольнский*. С. 78–80.
- ²¹⁰ В донесениях князя Волконского упоминаются Переяславский, Лубенский, Корсунский, Белоцерковский, Богуславский, Бреславский и Чигиринский полки. *Вольнский*. С. 91–92.
- ²¹¹ Донесение Волконского Меншикову от 26 июля 1709 года. *Вольнский*. С. 91–92.

- ²¹² По воспоминаниям К. де Турвиля, более 300 шведов было захвачено в плен, а около 500 запорожцев или были порублены, или утонули. — *Кротов П. А.* Воспоминания Константена де Турвиля... С. 130.
- ²¹³ Письма и бумаги Петра Великого. Т. X. № 3902. С. 258.
- ²¹⁴ На время триумфального шествия по Москве шпаги были отобраны.
- ²¹⁵ *Грот Я.* О пребывании пленных шведов в России при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1853. № 2. С. 121–122.
- ²¹⁶ Пока Петр находился в отъезде — в армии или за границей, вся власть в стране фактически принадлежала Ф. Ю. Ромодановскому, которому Петр даже дал специальный титул «князь-кесарь».
- ²¹⁷ *Пузыревский А. К.* Развитие постоянных регулярных армий. СПб., 1889. С. 312.
- ²¹⁸ Совр. Даугавпилс.
- ²¹⁹ *Червинский.* С. 50.
- ²²⁰ *Болдырев В.* Осада и взятие Риги русскими войсками в 1709–1710 гг. Военный сборник. № 7. 1910.
- ²²¹ Среди прочих была и семья Барклай-де-Толли, давшая в будущем России знаменитого полководца.
- ²²² Совр. Пярну.
- ²²³ *Возгрин.* Военно-политический конфликт... С. 61.
- ²²⁴ Село Звенигородского района Черкасской обл. Украины.
- ²²⁵ *Возгрин.* Военно-политический конфликт... С. 60.
- ²²⁶ Русскими планировался захват Карла XII на обратном пути — или в Венгрии при содействии союзного России князя Ференца Ракоци, ведущего борьбу с Габсбургами, или в Польше силами Августа II.
- ²²⁷ РГАДА. Ф. 89 (Малороссийские дела). Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 4 об.
- ²²⁸ *Григорьев.* С. 390.
- ²²⁹ *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 68–70.
- ²³⁰ Расспросные речи ногайских татар 13 февраля 1711 г. — *Мышлаевский.* Война с Турцией... С. 221.
- ²³¹ *Мышлаевский.* Война с Турцией... С. 228.
- ²³² *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая... С. 52.
- ²³³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 4. 1711–1712 гг. Д. 3. Л. 1–18.
- ²³⁴ *Мышлаевский.* Война с Турцией... С. 222.
- ²³⁵ *Антонович.* С. 184–188.

- ²³⁶ Антонович. С. 184—188.
- ²³⁷ Возгрин. Военно-политический конфликт... С. 62.
- ²³⁸ Мышлаевский. Война с Турцией... С. 57—59.
- ²³⁹ Под командой Осипова находились Изюмский слободской и Гадячский малороссийский казачьи полки.
- ²⁴⁰ Под командой Шидловского были слободские полки: Ахтырский, Харьковский, Остроженский и Сумский.
- ²⁴¹ Мышлаевский. Война с Турцией... С. 48.
- ²⁴² Письма и бумаги Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 95—97.
- ²⁴³ Белова Е. В. Прутский поход. Поражение на пути к победе. М., 2011. С. 253.
- ²⁴⁴ Данные о первоначальной планируемой численности армии приведены в мемуарах командира Казанского драгунского полка бригадира Моро-де-Бразе, которые в переводе Пушкина были опубликованы в «Современнике» № 1 за 1837 год.
- ²⁴⁵ Письмо Ф. Ф. Шидловского Ф. М. Апраксину от 13 апреля 1711 года. Мышлаевский. Война с Турцией... С. 131.
- ²⁴⁶ Д. И. Бутурлин — Петру I, 8 июля 1711 года, от реки Самары. РГАДА Ф. 9. Отд. II. Кн. 13. Л. 136—140.
- ²⁴⁷ Д. И. Бутурлин — Петру I, 9 июля 1711 года, от реки Самары. РГАДА Ф. 9. Отд. II. Кн. 30. Л. 80—80 об.
- ²⁴⁸ А. И. Ушаков — Петру I, 17 июля 1711 года, из Каменного Затона // Мышлаевский. Война с Турцией... С. 156.
- ²⁴⁹ Д. И. Бутурлин — Петру I, 7 августа 1711 года. РГАДА Ф. 9. Отд. II. Кн. 13. Л. 148—149.
- ²⁵⁰ Донесение П. М. Апраксина Петру I, 15 сентября 1711 года, от реки Кагальник. РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 13. Л. 118—119.
- ²⁵¹ Многие из них погибли 20 июля 1711 года, когда туркам удалось захватить обоз — 2000 карет, колясок и т. д.
- ²⁵² Алмазов. Мы казачьего рода. С. 508.
- ²⁵³ Белова. С. 191.
- ²⁵⁴ Соймонов. Л. 23, 23 об., 24.
- ²⁵⁵ Ингерманландским корпусом.
- ²⁵⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 307. Л. 1—1. Об.
- ²⁵⁷ В одном Ингерманландском драгунском полку пало 804 лошади, то есть практически все. — *Геништа, Борисевич.* С. 6; Мышлаевский. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 331.
- ²⁵⁸ Устрялов. Т. IV. Ч. I. С. 256, 261, 270.

- ²⁵⁹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. IV. Вып. 2. Прим. к № 1391. С. 1134.
- ²⁶⁰ *Масловский*. С. 115.
- ²⁶¹ *Базарова*. Русские войска и местное население Ингерманландии... С. 251–252.
- ²⁶² *Мышлаевский*. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 12–13.
- ²⁶³ Там же. С. 12–13.
- ²⁶⁴ Там же. С. 15–17.
- ²⁶⁵ Там же. С. 34.
- ²⁶⁶ Там же. С. 23.
- ²⁶⁷ *Базарова Т. А.* Местное население и военные действия в Приневье... С. 77.
- ²⁶⁸ *Андреева Е. А.* Судьба шведских гарнизонов... С. 278.
- ²⁶⁹ Многими историками отмечается полная неспособность Любекера командовать войсками. — См., например: *Куюла*. С. 122.
- ²⁷⁰ Здесь: лейб-гвардии конный полк.
- ²⁷¹ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 34.
- ²⁷² Нарвским полком командовал в 1711–1719 годах полковник Эрнст Себастьян фон Манштейн, отец Христофора Германа фон Манштейна, оставившего чрезвычайно интересные мемуары, описывающие следующую русско-шведскую войну 1741–1743 годов.
- ²⁷³ Судя по тому, как величали казачьего начальника, можно предположить, что это были малороссийские казаки, однако документального подтверждения этому обнаружить не удалось.
- ²⁷⁴ Бывший полк Мурзенко из городовых казаков.
- ²⁷⁵ *Червинский*. С. 57–58.
- ²⁷⁶ Там же. С. 59.
- ²⁷⁷ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 108–109.
- ²⁷⁸ Там же. С. 114–115.
- ²⁷⁹ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 124.
- ²⁸⁰ Из донесения Апраксина Петру I от 9 октября 1713 г. *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 214.
- ²⁸¹ Казенная четверть равна 9 пудам, то есть 147,42 килограмма. Таким образом, необходимо было заготовить около 5500 тонн овса и 16 000 тонн сена. — *Мышлаевский*. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 420.
- ²⁸² *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 152.
- ²⁸³ Там же. С. 162.

- ²⁸⁴ *Мышлаевский*. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 352.
- ²⁸⁵ *Кувая*. С. 182.
- ²⁸⁶ *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. М., 2004. С. 497—498.
- ²⁸⁷ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 278.
- ²⁸⁸ *Кувая*. С. 184.
- ²⁸⁹ *Мышлаевский*. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 196.
- ²⁹⁰ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 204.
- ²⁹¹ *Там же*. С. 271.
- ²⁹² Письма и бумаги Петра Великого Т. XIII. Вып. 1. С. 424; *Мышлаевский*. Петр Великий. Приложения. С. 33, 37.
- ²⁹³ *Кувая*. С. 183.
- ²⁹⁴ *Vilkinen*. S. 567.
- ²⁹⁵ *Куяла*. С. 123—130.
- ²⁹⁶ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 282.
- ²⁹⁷ *Там же*. С. 44—45.
- ²⁹⁸ Тавастгус — совр. Хямеенлинна.
- ²⁹⁹ *Мышлаевский*. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 197—198.
- ³⁰⁰ Полковая летопись вятских драгун скрупулезно сообщает о 35 сло-
манных топорах.
- ³⁰¹ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 251—270.
- ³⁰² Ф. М. Апраксин — Петру I из лагеря от «кирки Пелкина» 9 октября 1713 года. — Письма и бумаги Петра Великого. Т. XIII. Вып. 2. С. 481; Гистория Свейской войны... Вып. I. С. 403.
- ³⁰³ Совр. Пори.
- ³⁰⁴ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 292.
- ³⁰⁵ *Червинский*. С. 69. *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 293.
- ³⁰⁶ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 295.
- ³⁰⁷ *Мышлаевский*. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 220.
- ³⁰⁸ *Берх*. С. 64—65.
- ³⁰⁹ Деревня Напо в финской историографии, иногда встречается наименование Лаппола.
- ³¹⁰ Финский историк Антти Куяла приводит другие цифры: 5700 человек, из них 1100 ополченцев из Южной Эстерботнии, желавших сражаться с русскими в отличие от крестьян Южной

Финляндии; А. Куяла ссылается на шведские источники, которые, по его мнению, достовернее русских.

³¹¹ Гистория Свейской войны... Вып. 2. С. 469—471.

³¹² Здесь приведено описание битвы, согласно версии, принятой в российской историографии. Однако автору удалось обнаружить одну важную деталь, на которую не обратили внимания или, скорее, не захотели этого делать российские историки. Финский историк Эйно Ютиккала сообщает о том, что «крупные казачьи отряды были направлены через леса, прикрывавшие фланги шведской армии, и обошли их с севера и юга». Таким образом, впервые за всю Северную войну казаки были использованы в полевом сражении. И основная заслуга в победе принадлежит именно казакам, а не драгунам. Однако признать этого официальная историография не хотела в силу довлеющего мнения о казаках в целом. *Шкваров А. Г.* Северная война... С. 55—56.

³¹³ *Червинский.* С. 69.

³¹⁴ *Мышлаевский.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 234.

³¹⁵ 26—27 июля 1714 года состоялось сражение при Гангуте, где русский флот одержал убедительную победу над шведами. Однако описание действий на морских театрах, за исключением десантных операций, находится за рамками данной работы.

³¹⁶ *Мышлаевский.* Петр Великий. Война в Финляндии... С. 361.

³¹⁷ *Мышлаевский.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 225—230.

³¹⁸ *Там же.* С. 267.

³¹⁹ Материалы для истории Войска Донского. С. 141.

³²⁰ *Савельев.* С. 413.

³²¹ *Червинский.* С. 71.

³²² *Мышлаевский.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... С. 271—271.

³²³ *Червинский.* С. 73.

³²⁴ РГА ВМФ. Ф. 233. № 94. Л. 268—280.

³²⁵ *Беспярых.* С. 115—116.

³²⁶ *Кувая.* С. 190.

³²⁷ *Там же.* С. 183, 189.

³²⁸ *Там же.* С. 191.

³²⁹ Kunglig Majestäts kansli (1521—1974). Skrivelser från överståthållaren i Stockholm, volym 15 (1715).

³³⁰ *Долгова.* С. 48.

- ³³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 381. Л. 8.
- ³³² *Шебалдина*. С. 59.
- ³³³ *Кувая*. С. 192.
- ³³⁴ *Там же*. С. 187.
- ³³⁵ Речь идет о полковнике И. М. Грекове, командире Вятского полка, который позднее находился под следствием за неисполнение приказаний Чекина. — *Vilkuna*. S. 566—567.
- ³³⁶ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого... Т. IV. С. 116, 463; Т. VI. С. 73, 377.
- ³³⁷ *Кувая*. С. 177—178.
- ³³⁸ Kunglig Majestäts kansli (1521—1974). Skrivelser från överståthållaren i Stockholm, volym 15 (1715).
- ³³⁹ Например, М. Бородин пишет: «Присутствие казаков и калмыков своим необузданным поведением увеличивало преступления в армии», однако приводимые тем же историком многочисленные примеры наказаний касаются исключительно армейских чинов. — *Бородин*. С. 190, 199—200.
- ³⁴⁰ *Кувая*. С. 195.
- ³⁴¹ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 135—136.
- ³⁴² *Турпейнен О.* Демографическая катастрофа Финляндии и Эстонии... С. 24.
- ³⁴³ *Кувая*. С. 178.
- ³⁴⁴ *Там же*. С. 178, 180, 191—192.
- ³⁴⁵ *Василик*. С. 63—78.
- ³⁴⁶ *Vilkuna*. S. 581.
- ³⁴⁷ В регулярной армии должность полкового священника введена с 1717 года.
- ³⁴⁸ *Давыдов*. С. 124—130.
- ³⁴⁹ *Кувая*. С. 192—194.
- ³⁵⁰ *Klinge M.* Some observations about the Battle of Poltava. In *Poltava 1709—2009*. P. 19.
- ³⁵¹ *Анисимов*. Русская пытка. С. 5, 196, 294—295.
- ³⁵² Так, например, поступал Б. Хмельницкий, воюя с Польшей. — *Разин*. Т. III. С. 322.
- ³⁵³ *Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии... С. 81—82.
- ³⁵⁴ *Koskull W. von*. S. 5—38.
- ³⁵⁵ В общей сложности Греков командовал Вятским полком 22 года — с 1709 по 1731 год (*Червинский*. С. 85).
- ³⁵⁶ Военная энциклопедия. Т. VI. С. 526.
- ³⁵⁷ *Коваленко*. С. 139—140.

- ³⁵⁸ *Там же*. С. 141.
- ³⁵⁹ Материалы для истории русского флота. Ч. I. С. 565–568.
- ³⁶⁰ *Соколов*. С. 280.
- ³⁶¹ Материалы для истории русского флота. Ч. II. С. 84–85, 97–98, 100–103, 112–121; Материалы для истории русского флота. Извлечения из журналов Петра Великого, Екатерины I и князя Меншикова и морские журналы Н. А. Сенявина и графа Апраксина. СПб., 1866. Журнал Сенявина. С. 46; Журнал Апраксина. С. 85–86.
- ³⁶² *Веселаго*. Очерк... С. 290.
- ³⁶³ Материалы для истории русского флота. Извлечения... Журнал Апраксина. С. 120.
- ³⁶⁴ *Regner*. S. 7.
- ³⁶⁵ Материалы для истории русского флота. Извлечения... Журнал Апраксина. С. 136.
- ³⁶⁶ *Там же*. С. 134.
- ³⁶⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. II. С. 373–374.
- ³⁶⁸ Парусно-гребное плоскодонное судно с экипажем около 100 человек; штатное вооружение — 6 пушек и 12 фальконетов. Считается, что название получило по Островскому полку.
- ³⁶⁹ Материалы для истории русского флота. Извлечения... Журнал Апраксина. С. 156–166.
- ³⁷⁰ Журнал, или Поденная записка... Ч. II. С. 109–112.
- ³⁷¹ *Rabener*. S. 542.
- ³⁷² Генеральное известие воинским действиям Его Царского Величества всероссийского галерного флота настоящая кампания 1719. — РГАДА. Ф. Сношения с Голландией. Д. 2-6. Л. 6.
- ³⁷³ *Там же*. Л. 10.
- ³⁷⁴ *Веселаго*. Очерк... С. 316–328.
- ³⁷⁵ Материалы для истории русского флота. Ч. II. С. 476–478, 487–488.
- ³⁷⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. II. С. 569, 593–596, 598–599.
- ³⁷⁷ *Артеус Г.* Карл XII и его армия // Царь Петр и король Карл. С. 164.
- ³⁷⁸ *Там же*. С. 167–168.
- ³⁷⁹ *Канник П.* Униформа армий мира. 1506–1804 гг. М., 2001. С. 14–15, 36–37.
- ³⁸⁰ *Денисон*. С. 154–158.
- ³⁸¹ *Артеус*. С. 171.

³⁸² Журнал, или Поденная записка... Ч. 1. С. 23–24.

³⁸³ *Епифанов П.* Начало организации русской регулярной армии... С. 88.

³⁸⁴ Позже 2-й гренадерский Ростовский, 5-й гренадерский Киевский, 9-й гренадерский Сибирский, 12-й гренадерский Астраханский, 11-й пехотный Псковский, 15-й пехотный Шлиссельбургский, 17-й пехотный Архангелогородский, 19-й пехотный Костромской, 22-й пехотный Нижегородский, 25-й пехотный Смоленский, 29-й пехотный Черниговский, 45-й пехотный Азовский, 61-й пехотный Владимирский, 64-й пехотный Казанский, 65-й пехотный Московский, 85-й пехотный Выборгский, 3-й пехотный Нарвский, 9-й пехотный Старо-Ингерманландский и т. д.

³⁸⁵ *Строков.* С. 28.

³⁸⁶ *Епифанов П.* Военно-уставное творчество Петра Великого. С. 24.

³⁸⁷ Учреждение к бою по настоящему времени 1708 г. Военные уставы Петра. М., 1946.

³⁸⁸ ПСЗРИ. № 3006. 30 марта 1716 г. С. 415–448.

³⁸⁹ С колоколами явно переборщили — сняли колокольной меди 90 000 пудов, а израсходовали только 8000.

³⁹⁰ *Карпущенко С. В.* Армейские будни... С. 33.

³⁹¹ *Артеус.* С. 173.

³⁹² Шведский историк К. Гернер упрямо полагает Полтаву пирровой победой России, в результате которой все ее народы были обречены на 280-летние страдания — до развала СССР в 1991 году. Ему кажется, что в случае победы шведов и казаков Мазепы могло образоваться «европейское» Русское государство со столицей в Киеве. См.: *Gerner K.* The Poltava Battle — a Pyrrhic Victory // *The Poltava Battle — Perceptions over time.* Solna. 2009, pp. 24–28.

Литература и источники

Архивные (неопубликованные) источники

I. Фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

- Ф. 9. Государственный архив. IX разряд. Кабинет Петра I. Отд. II.
- Ф. 20. Государственный архив. XX разряд.
- Ф. 79. Сношения России с Польшей.
- Ф. 89. Сношения России с Турцией.
- Ф. 111. Донские дела.
- Ф. 123. Сношения России с Крымом.
- Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами.
- Ф. 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола.
- Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Новгородского стола.
- Ф. 243. Ближняя канцелярия.
- Ф. 371. Преображенский приказ. Столбцы секретные.
- Ф. 396. Архив Оружейной палаты.
- Ф. 1210. Генеральный двор в Преображенском. Столбцы.

II. Фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

- Ф. Военно-учетного архива (ВИА).
- Ф. 13. Казачья экспедиция канцелярии Военной коллегии.
- Ф. 20. Воинская (секретная) экспедиция Военной коллегии.
- Ф. 33. Ландмилицейское повытье канцелярии Военной Коллегии.
- Ф. 490. Офицерские сказки. Описание 2.

III. Фонды Российского государственного архива ВМФ.

Ф. 233. Канцелярия адмирала Ф. М. Апраксина.

IV. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

Ф. 83. Походная канцелярия А. Д. Меншикова.

Ф. 181. Валдайский Иверский монастырь.

Ф. 276. Издательский фонд.

V. Российская национальная библиотека.

Отдел рукописей. Ф. IV. 736/4. *Соймонов Ф. И.* История государя Петра Великого.

VI. Государственный Архив Швеции. Riksarkivet.

Канцелярия Его Величества. *Kunglig Majestäts kansli* (1521—1974).

Опубликованные источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I—IV. (СПб., 1841); Т. V (СПб., 1842).

Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук под редакцией Н. А. Попова (т. III под редакцией Д. Я. Самоквасова). Т. I—III (СПб., 1890—1901).

Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Ч. III. Т. 2 (СПб., 1868); Т. V (СПб., 1876); Т. X (СПб., 1878).

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. I (Новочеркасск, 1891).

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. II. Часть I (Новочеркасск, 1894).

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V (СПб., 1853).

Архив князя Куракина. Издание М. И. Семевского. Т. I (СПб., 1890).

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной Комиссией для разбора древних актов. Ч. 3. Т. 1. Акты о козаках (1500—1648) (Киев, 1863).

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной Комиссией для разбора древних актов. Ч. 3. Т. 2. Акты о козаках (1679—1716) (Киев, 1868).

- Багалец Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. I (Харьков, 1888).
- Бантыш-Каменский Д. Н.* Источники малороссийской истории. В «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских» (СПб., 1858).
- Берх В. Н.* Собрание писем императора Петра I к различным лицам с ответами на оные. Ч. I (СПб., 1829).
- Бескровный Л. Г.* Хрестоматия по русской военной истории (М., 1947).
- Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. I–IV (М., 1940–1948).
- Ведомости времени Петра Великого. Вып. 1 (М., 1903).
- Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России XVII в. (Киев, 1855).
- Военно-походный журнал (с 3 июня 1701 по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск Шведского короля. В: «Материалы Военно-учетного Архива Главного штаба». Т. I (СПб., 1871).
- История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1–2 / Сост. Т. С. Майкова (М., 2004).
- Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительственном Сенате, в царствование Петра Великого за 1711–1712 гг. Т. III (СПб., 1889).
- Документы Северной войны. Полтавский период. В: Труды ИР ВАО. Т. III. (СПб., 1909).
- Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. 12 (СПб., 1875).
- Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечностойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. Напечатан с обретающихся в кабинетном архиве списков, правленных собственной рукой его императорского величества. (СПб., 1770).
- Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 (СПб., 1840).
- Информационная полнотекстовая система «Боярские списки 1706–1710 гг.», науч. руководитель Захаров. 2003–2007. <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl>. 10.12.09.
- Итнерарий. Путевой дневник Даниела Крмана. В: «Вопросы истории». 1976. № 12.

- Кордт В.* Матеріали з Стокгольмського державного архіву до історії України другої половини XVII — поч. XVIII. В «Український археографічний збірник» (Київ, 1930). Т. III. С. 17–55.
- Кротов П.* Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию. В: «Вопросы истории». 1989. № 3. С. 127–133.
- Летопись или описание краткое знатнейших действий и случаев, что в котором году діялось в украины малороссийской — обіих сторон Дніпра и кто именно когда был гетманом козацким (1506–1737). В: «Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный комиссией для разбора древних актов» (Киев, 1888).
- Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. Доведена продолжателями до 1734 года. В: «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М., 1846) (на укр. языке — Літопис самовидца. Київ, 1972).
- Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Под редакцией О. И. Левицкого (Киев, 1878).
- Материалы Военно-учетного архива Главного Штаба под редакцией А. Ф. Бычкова. Т. I (СПб., 1871).
- Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Изданы под редакцией М. Прянишникова (Новочеркасск, 1864).
- Материалы для истории русского флота. Ч. I–III (СПб., 1865).
- Мышлаевский А. З.* Война с Турцией 1711 г. Прутская операция (Сборник документов) (СПб., 1898).
- Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флота (СПб., 1896).
- Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. Документы Государственного архива (СПб., 1893).
- Письма и бумаги Петра Великого в 13-ти тт. (СПб., 1889–1992).
- Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника мальтийского, св. апостола Андрея, Белого Орла и Прусского ордена кавалера графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. I (М., 1778).
- Полное собрание законов Российской империи. Т. I–VI (СПб., 1830).
- Понятовский С.* Записки сподвижника Карла XII. В: «Журнал Русского военно-исторического общества». 1910. Кн. 4.

Реестра всего войска Запорожского после Зборовского договора с королем Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16-го дня и изданные по подлиннику О. М. Бодянским. Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете (М., 1875).

Судиенко М. Материалы для Отечественной истории. Т. 2 (Киев, 1855).

Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских казаков. Т. 1–2 (Владимир, 1903).

Литература

Алмазов Б. А. Военная история казачества (М., 2008).

Алмазов Б. А. Мы казачьего рода. Т. I (Хельсинки, 2008).

Альбовский Е. История Харьковского слободского казачьего полка (1651–1765) (Харьков, 1895).

Анисимов Е. Время петровских реформ (Л., 1989).

Анисимов Е. Русская пытка (СПб., 2004).

Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1 (Киев, 1885).

Антонович В. Б. Содержание актов о козаках на правой стороне Днепра (1679–1716 гг.) // Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Т. 2. С. 1–197.

Артамонов В., Павленко Н. 27 июня 1709 г. (М., 1989).

Артамонов В. А. «Gloriosa Victoria». К 300-летию победы Петра Великого при Лесной // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени. Материалы международной научной конференции (СПб., 2008). С. 34–47.

Артамонов В. А. Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. Материалы российско-финляндских симпозиумов историков (М., 2006). С. 147–163.

Артамонов В. А. Победа генерала А. Д. Меншикова под Калишем в 1706 г. // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции (СПб., 2007). С. 262–275.

Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714) (М., 1990).

Багалай Д. И. История Слободской Украины // Діяльність полковників і їх вибори (Харьков, 1918).

- Багалец Д. И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (М., 1887).
- Базарова Т. А.* Местное население и военные действия в Приневье начала XVIII в. // Приневье до Петербурга (СПб., 2006). С. 75–79.
- Базарова Т. А.* Русские войска и местное население Ингерманландии в 1702–1710 гг.: проблемы взаимоотношений // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. С. 246–254.
- Базарова Т. А.* Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время боевых действий в Приневье (нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы научной конференции (СПб., 2006). С. 230–237.
- Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. Ч. I–III (М., 1842).
- Бантыш-Каменский Д. Н.* История Украины. От водворения славян в сей стране к уничтожению гетманства (Киев-Петроград, без года).
- Беснятых Ю. Н.* Россия и Финляндия во время Северной войны (Л., 1980).
- Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом (СПб., 1886).
- Бобровский П. О.* Завоевание Ингрии Петром Великим (1701–1703 гг.) (СПб., 1891).
- Боголюбский М. С.* Московская иерархия. Патриархи (М., 1895).
- Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. (М., 1948).
- Болтунова Е. М.* Шведские пленные в Петровских триумфах периода Северной войны // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. С. 164–176.
- Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого (СПб., 1910).
- Брикнер А. Г.* История Петра Великого (М., 2004).
- Брикс Г.* Примечания к «Истории конницы» Дж. Денисона (М., 2001).
- Будин П. А.* Петр Великий и церковь // Царь Петр и король Карл (М., 1999).
- Василик В. В.* Северная война в гимнографических памятниках петровской эпохи // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. С. 63–77.

- Васильев А. А.* О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении // Военно-исторический журнал. № 7. 1989. С. 63–66.
- Введенский С. И.* К биографии митрополита Стефана Яворского // Христианское чтение. Т. ССXXXVIII. 1912, август. С. 892–919.
- Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории (СПб., 1875).
- Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1868 г. (СПб., 1872).
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права (Киев, 1915).
- Военная энциклопедия. Т. VI–XIII (СПб., 1912–1913).
- Возгрин В. Е.* Военно-политический конфликт во время пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени. С. 57–75.
- Возгрин В. Е.* Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы VI ежегодной научной конференции (СПб., 2005).
- Возгрин В. Е.* Проблемы работорговли Нового времени // Голос Крыма, 2004. № 2.
- Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны (История дипломатических отношений в 1697–1710 гг.) (Л., 1986).
- Волянский Н.* История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. 1701–1901. Т. I. Кн. I (1701–1733) (СПб., 1902).
- Геништа В. И., Борисевич А. Т.* История 30-го драгунского Ингерманландского полка. 1704–1904. Ч. I (СПб., 1904).
- Гербель Н.* Изюмский слободской казачий полк. 1651–1765 (СПб., 1852).
- Гиллинкрок А.* Сказание о выступлении Е. В. короля Карла XII и о том, что в сем походе к Полтаве, при осаде ее и после случилось // Военный журнал. 1844. № 6.
- Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников, расположенные по годам. Т. I–XII (М., 1788–1789); Т. XIII (М., 1840).
- Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 1–18 (М., 1790–1797).
- Голодалинский П. П.* История 3-го Драгунского Сумского Его Величества Короля Датского Фридриха VIII полка. Т. 1 (1651–1796 гг.) (М., 1902).
- Григорьев Б. Н.* Карл XII (М., 2006).

- Гроций Г.* О праве войны и мира (М., 1956).
- Грушевский М. С.* Иллюстрированная история Украины (М., 2001).
- Давыдов Д. В.* Военные записки (М., 1982).
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV (М., 2002).
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. I (СПб., 1994).
- Денисон Дж.* История конницы (М., 2001).
- Долгова С. Р.* Шведские пленные в Москве в 1700–1709 гг. // Шведы в Москве. Материалы российско-шведской научной конференции (М., 2002). С. 45–49.
- Дююи Р. Э., Дююи Т. Н.* Всемирная история войн. Кн. 2 (М. — СПб., 1997).
- Елагин С. И.* История русского флота. Т. II (СПб., 1864).
- Епифанов П.* Военно-уставное творчество Петра Великого. Военные уставы Петра Великого. М., 1946.
- Епифанов П.* Начало организации русской регулярной армии Петром I // Ученые записки МГУ. Вып. 87. 1946.
- Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы (М., 2004).
- Жильцов С. В.* Политические аспекты наказания в уголовной политике Петра I // Правоведение. 2002. № 1 (240). С. 206–219.
- Зезюлинский Н.* К родословной 34 пехотных полков Петра I (Петроград, 1915).
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. IX–XII (М., 2003).
- Карлссон О.* Карл XII (Тролеборг, 2002).
- Карпущенко С. В.* Армейские будни. Быт русской армии XVIII — начала XIX в. (М., 1999).
- Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2 (Париж, 1959).
- Картины* бывшего Тихого Дона (СПб., 1909).
- Карцев П. П.* История Лейб-Гвардии Семеновского полка. Ч. 1 (СПб., 1852).
- Квитка Г.* Записки о слободских полках с начала их поселения до 1766 г. (Харьков, 1883).
- Керсновский А. А.* История русской армии. В 4-х тт. Т. 1 (М., 1999).
- Кирпичников А. Н.* Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в устье Невы (Л., 1980).

- Кирпичников А. Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. 1978 (Л., 1979).
- Ключевский В. О.* Курс русской истории (М., 1937).
- Коваленко Г. М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX вв. (СПб., 1999).
- Кониский Г.* История русов или Малой России (М., 1848).
- Костомаров Н. И.* Мазепа (М., 1882).
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей (М., 2008).
- Кувая Х.* Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713–1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. С. 177–202.
- Куяла А.* Финляндия в Северной войне 1700–1714 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. С. 113–134.
- Лазаревский А.* Исторический очерк Батурина (1625–1760 гг.) // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Кн. VI. Отд. II (Киев, 1892). С. 105–122.
- Лазаревский А.* Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1788). Очерк по архивным источникам // Записки Черниговского губернского статистического комитета (Чернигов, 1866). С. 108.
- Лазаревский А.* Описание старой Малороссии. Т. I. Стародубовский полк (Киев, 1888); Т. II. Полк Нежинский (Киев, 1893); Т. III. Полк Прилуцкий (Киев, 1901).
- Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как то: черкасские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от сих яицкие, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волгские, терские, некрасовские, и проч. козаки, как равно и слободские полки. Собрано и составлено чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1785–86 года (М., 1847). На укр. языке: *Рігельман О. І.* Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі / Вст. ст., упор. та примітки П. М. Саса, В. О. Шербака (Київ, 1994).
- Макарий (Булгаков), митрополит.* История русской церкви в 9 тт. (М., 1994–1996)

- Малама В. В.* Род Малама (Екатеринослав, 1912).
- Манжол А. П.* Тысячелетие русской конницы (М. — Минск, 2006).
- Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России. Вып. I (1683—1762) (СПб., 1891).
- Мельник Л.* До історії участі українського козацтва у військових діях у Прибалтиці в роки Північної війни (1700—1702 рр.) // На пошану 80-річчя професора Теодора Мацьківка. Науковий збірник. Київ, 1999. С. 107—112.
- Миняя. Июнь. Часть 2 (М., 2002).
- Михайленко А. П.* Страницы полковой истории 12-го гусарского Ахтырского генерала Дениса Давыдова, Е. И. В. В. К. Ольги Александровны полка 1651—2001 (М., 2001).
- Михайлов О.* Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки (СПб., 1777).
- Мышлаевский А. З.* Офицерский вопрос в XVII в. (СПб., 1899)
- Обручев Н.* Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России до 1725 г. (СПб., 1853).
- Павленко С. О.* Отточения гетмана Мазепы. Соратники та прибічники (Київ, 2004).
- Прокопович Ф.* Сочинения (М., 1961).
- Путешествие Корнелия де Бруина через Московию (М., 1873).
- Рабинович М. Д.* Полки петровской армии. 1698—1725. Краткий справочник под редакцией Л. Г. Бескровного (М., 1977).
- Разин Е. А.* История военного искусства. Т. I—III (М., 1994).
- Рютов В.* История пехоты. Т. II (СПб., 1876).
- Савельев Е. П.* История казачества с древнейших времен до конца XIX в. (Ростов-на-Дону, 1990).
- Свидание Петра Великого с Августом II, в Биржах // Временник императорского Общества истории и древностей российских. Кн. 17 (СПб., 1853).
- Соколов А. П.* Морские кампании 1715—1721 гг. // Морской сборник. № 4. СПб., 1851. С. 270—290.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен (М., 1959).
- Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом (М., 1984).
- Строков А. А.* История военного искусства. Т. IV (СПб., 1994).
- Сыромятников Б. И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология (М. — Л., 1943).
- Таирова-Яковлева Т. Г.* Мазепа. М., 2006.

- Гарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию (М., 1958).
- Тихановский А. Н. Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка (Варшава, 1906).
- Голочко П. П. Від Русі до України: Вибрані науково-популярні критичні та публіцистичні праці (Київ, 1997).
- Труайя А. Петр Великий (М., 2006).
- Турпейнен О. Демографическая катастрофа Финляндии и Эстонии в конце XVII — начале XVIII в. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII—XX вв. С. 9—47.
- Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма (М., 1996).
- Уредссон С. Карл XII // Царь Петр и король Карл (М. 1999).
- Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. I—VI (СПб., 1858—1859).
- Учение и хитрость ратного строения пехотных людей (СПб., 1904).
- Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1 (М., 1885).
- Червинский П. Е. История 35-го драгунского Белгородского полка (Киев, 1901).
- Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства XV — XVIII вв. (с образования централизованного государства до реформ при Петре I) (М., 1954).
- Чистович И. Неизданные проповеди Стефана Яворского // Христианское чтение. 1867. Ч. 1. С. 825—835.
- Чухлиб Т. Накануне Полтавской битвы: почему Мазепа отказался от верховенства Москвы. <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/nakanune-poltavskoy-bitvy>.
- Шебалдина Г. В. Московские перекрестки шведских пленных // Шведы в Москве (М., 2002). С. 50—61.
- Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани (Краснодар, 1995).
- Широкорад А. Б. Северные войны России (М. — Минск, 2001).
- Шкваров А. Г. По закону и казачьему обыкновению (К проблеме «геноцида и военных преступлений» казачества в Финляндии во время шведско-русских войн XVIII—XIX вв.) (Хельсинки, 2008).
- Шкваров А. Г. Русская церковь и казачество в эпоху Петра I (СПб. — Хельсинки, 2009).
- Шкваров А. Г. Северная война (1700—1721 гг.). Донское казачество на прибалтийском театре (Хельсинки, 2009).

- Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (Элиста, 1992).
- Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков. XVII—XIX вв. (Элиста, 1991).
- Шпилевская Н.* Описание войны между Россией и Швецией в 1741, 1742 и 1743 гг. (СПб., 1859).
- Шустов В. Н.* История 25-го драгунского Казанского полка (Киев, 1901).
- Шутой В.* Измена Мазепы // Исторические записки. Т. 31. 1950.
- Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. Т. I—III (СПб., 1892—1897).
- Энглунд П.* Рассказ о гибели одной армии (М., 1995).
- Яковлева Т. Г.* Мазепа — гетман: в поисках исторической справедливости // Новая и новейшая истории, 2003. № 4.
- Brian J. Boeck.* Imperial Boundaries: Cossacks Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great (Cambridge University Press. New York, 2009).
- Bushkovich P.* Peter the Great. The Struggle for Power. 1671—1725 (Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001).
- Halen H.* Kasakat Suomessa 1712—1924 (Helsinki, 2004).
- Jutikkala E., Pirinen K.* A History of Finland (Helsinki, 2003).
- Koskull W. von.* Ockupationstrupper och civilbefolkning I stora ofredens Finland. Historiska och litteraturhistoriska studier 27. SLSF 358 (Helsingfors, 1953).
- Lars O.* Lagerqvist. A History of Sweden (Swedish Institute. Ödeshög, 2003).
- Lewenhaupt A.* Karl XII:s officerare. Biografiska anteckningar (Stockholm, 1921).
- Lindeqvist K. O.* Isonvihan aika Suomessa (Porvoo, 1919).
- Lyth J. M., Löjtmant J. M.* Lyth dagbok 1703—1722 (Stockholm, 1958).
- Мысык J.* Zyd na Siczi Zaporoskej w XVII w. W Biulatyń Zudowskego Instytutu Istorycznego w Polsce (Warszawa, 1993). S. 65—66.
- Plochy S.* Tsars and Cossacks: A study in iconography (Harvard papers in Ukrainian studies) (Cambridge MA, 2002).
- Poltava 1709—2009.* The Poltava Battle — Perceptions over time. Swedish/Finnish seminar 2009 (Solna, 2009).
- Rabener J. G.* Leben Petri des Erster und Grossen, Tzaars von Rußland (Leipzig, 1725).

Regner P. B. Kriget och tillståndet i Vesterbotten 1809 jämte föregående historik öfver ryssarnas infall i Vesterbotten pe 1700-taller af P. B. Regner (Stockholm, 1891).

Uddgren H. Kriget i Finland 1713 (Stockholm, 1906).

Uddgren H. Kriget i Finland 1714 (Stockholm, 1909).

Vilkuna K. H. J. Viha. Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta (Jyväskylä, 2005).

Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd. I–II (Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1964).

Содержание

Введение	5
Глава 1. Предпосылки войны	8
Глава 2. Нарвский «конфуз»	21
Глава 3. Первые боевые действия	31
Глава 4. Точка отсчета	39
Глава 5. Гродненская операция. 1705—1706 годы	51
Глава 6. В Литве и на Украине. 1706—1708 годы	59
Глава 7. Мазепа	76
Глава 8. Последняя зима каролинов	101
Глава 9. Оборона Полтавы	105
Глава 10. Полтавское сражение	111
Глава 11. Капитуляция и итоги всей операции	118
Глава 12. Поход в Лифляндию. 1709—1711 годы	126
Глава 13. Прутский поход	132
Глава 14. Начало боевых действий в Финляндии. Взятие Выборга и Кексгольма	140
Глава 15. Померанский поход	144
Глава 16. Поход в Финляндию 1712 года	149
Глава 17. «Неприятельская армия приведена в конечное разорение...»	153
Глава 18. Последний аккорд Полтавы	166
Глава 19. Тактика, стратегия и организация шведской армии	184
Глава 20. Реформа русской армии	191
Заключение	197
<i>Примечания</i>	<i>199</i>
<i>Литература и источники</i>	<i>220</i>

Шкваров А.

- Ш66 Великая Северная война / Алексей Шкваров. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 240 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-271-4

Великая Северная война длилась более двадцати лет — с 1700 по 1721 год. Итогом ее стало превращение Швеции во вторую-степенную державу и возникновение Российской империи со столицей Санкт-Петербургом. Но мало кто задумывается, что Северная война была лишь эпизодом — хотя и самым кровавым — почти семисотлетнего противостояния русских и шведов. В книге Алексея Шкварова, написанной по следам изысканий в шведских архивах и с опорой на новейшие исследования скандинавских и российских историков, рассказывается не только о баталиях, тактике, стратегии, организации армий противоборствовавших сторон, но и о том, что предшествовало и сопровождало военным действиям, вскрываются внутренние мотивы поступков Петра I и Карла XII. Впервые столь подробно описываются столкновения в Финляндии и русские десанты на шведскую территорию. А еще эта книга — настоящее пиршество точных цифр, а значит, неоценимый источник для тех, кто глубоко интересуется военной историей.

Алексей Шкваров — кандидат исторических наук, доктор философии (университет Хельсинки).

УДК 94(48).052
ББК 63.3(2)46

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Алексей Шкваров

Великая Северная война



Редактор К. Торсон
Верстка А. Петровой
Корректор М. Малоян

Подписано в печать 20.04.2015.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15. Тираж 1000 экз.
Заказ № 2121.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499)270-73-59